У истинного поэта каждый стих – манифест

ПОЭТ

№ 1-2
(73)
2017

ЖУРНАЛ ДООС

Композиция обложки Константина Кедрова

ДООС – добровольное общество охраны стрекоз

В манифестации приняли участие

Бад-Зоден, Бостон, Братск, Брюссель, Вена, Владивосток, Воронеж, Всеволжск, Галле, Днепр, Дублин, Казань, Калининград, Каменск-Шахтинский, Кан, Киев, Клинцы, Краснодар, Красноярск, Курск, Кыштым, Лейпциг, Лондон, Люблин, Москва, Нижневартовск, Новокузнецк, Париж, Пермь, Полоцк, Прага, Пречистое, Рязань, Санкт-Петербург, Севастополь, Северодвинск, Сидней, Симферополь, Смоленск, Солигорск, София, Тарту, Тояма, Тюмень, Ужур, Улан-Батор, Улан-Удэ, Франкфурт, Херсон, Ярославль

2-3-4
Константин Кедров
5-6-7
Сергей Бирюков
Елена Кацюба
8-9
Маргарита Аль
10
Герман Виноградов
11
Кристина Зейтунян-Белоус
12
Евгений Степанов
13
Хадаа Сендоо
Татьяна Бонч-Осмоловская
14-15
Сергей Бирюков
Филип Меерсман
Яан Малин
Питер Во
Владимир Аристов
16-17
Анатолий Кудрявицкий
Лоренс Блинов
Аркадий Перенов
18
Александр Городницкий
Михаил Чайлахян
19
Александр Добровольский
Леся Тышковская
Александр Лысенко
20-21-22-23
Юрий Беликов
Марина Александрова
24
Ирина Силецкая
25
Валерий Басыров
Акифуми Такеда
Андрей Врадий
26
Кирилл Ковальджи
Людмила Салтыкова
Людмила Крыжановская
27
Александр Карпенко
Николай Варнавский
28-29
Александр Раткевич
30
Кира Сапгир
Михаил Ромадин
Дмитрий Панчук
31
Юлия Андреева
Алиса Клио
32
Елена Зейферт
Анжелина Полонская
Зиновий Антонов
33
Лариса Пушина
34
Александр Бубнов
Юрий Москалёв
35
Ольга Журавлёва
Александр Моцар
36-37-38
Татьяна Бонч-Осмоловская
Ольга Филиппова
39
Александр Савостьянов
Валерий Силиванов
40-41
Владимир Шемшученко
Олег Федоров
Петр Кобликов
44-45
Евгений В.Харитоновъ
Александр Чернов
Галина Мальцева
46
Николай Ерёмин
47
Владимир Миодушевский
Валерий Байдин
48
Света Литвак
Михаил Горбунов
49
Вера Сажина,
Дмитрий Ивашинцов
Анатолий Гринвальд
50-51
Владимир Опара
Лидия Григорьева
52-53
Владимир Монахов
Дмитрий Цесельчук
54
Валентин Нервин
Александр Петрушкин
Сергей Тенятников
55
Михаил Молочников
Борис Колымагин
Игорь Балюк
56-57-58
Татьяна Грауз
Александр Князев
Валерий Мутин
Елена Лабынцева
59
Андрей Коровин
Галина Мальцева
Михаил Пучковский
60-61
Андрей Цуканов
Людмила Вязмитинова
Ольга Левицка
Виктор Клыков
Александр Габриэль
Ярослав Пичугин
Марк Ляндо
Галина Мальцева
62
Лена де Винне
Сергей Тимшин
Михаил Молочников
63
Амарсана Улзытуев
64-65
Вилли Мельников
Борис Бартфельд
Кристина Зейтунян-Белоус
Румен Шомов
Наталия Димитрова
Евгений В.Харитоновъ
66
Павел Грушко
67
Александр Смирнов
Нина Орлова-Маркграф
Александр Федулов
Александр Гумённый
68
Арсен Мирзаев
69
Мамед Халилов
70-71
Вячеслав Карпенко
Елена Коро
72-73
Александр Гельман
74
Геннадий Юшко
Татьяна Зоммер
75
Маргарита Сюрина
Владимир Спектор

Константин Кедров
доктор философских наук
ДООС – стихозавр

Маринеттинг 2017

Манифест Маринетти столетней давности остался актуален и сегодня

ПРАВО ПОЭТА НА АВТОРСКУЮ ПУНКТУАЦИЮ
ПРАВО НА ОТСУТСТВИЕ ПУНКТУАЦИИ
ПРАВО НА МИНИМАЛИЗМ
ПРАВО НА СВОЮ НЕОЖИДАННУЮ СЕМАНТИКУ И СЕМИОТИКУ
ПРАВО НА СЮРРЕАЛИЗМ
ПРАВО НА ФУТУРИЗМ
ПРАВО НА ДАДАИЗМ

и мои открытия

ПРАВО НА ГОЛОГРАФИЧЕСКИЙ
АНАГРАМНЫЙ
ФРАКТАЛЬНЫЙ СТИХ
ПРАВО НА ТЕОРИЮ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ
Е = мс – Ё - моё
ПРАВО НА ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ НИЛЬСА БОРА
В СТИХОСЛОЖЕНИИ
ПРАВО НА ПРИНЦИП НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ ВЕРНЕРА ГЕЙЗЕНБЕРГА
ВНУТРИ СТИХА
ПРАВО НА СТИХ-ЛИМИС – Линию Мировых Событий
ПРАВО НА ПРАВО – ПРАВО НА ЛЕВО
ПРАВО НА СТИХ – ЛЕНТУ МЁБИУСА
ПРАВО НА СТИХ – БУТЫЛКА КЛЕЙНА
ПРАВО НА ТЕОРЕМУ ГЁДЕЛЯ О НЕПОЛНОТЕ –
если высказывание верно – оно не полно
если высказывание полно – оно не верно
ПРАВО на ТЕОРЕМУ ПУАНКАРЕ-ПЕРЕЛЬМАНА В ПОЭЗИИ
ПРАВО НА ТЕОРЕМУ ВЫВОРАЧИВАНИЯ в ТОПОЛОГИИ и в ПОЭЗИИ
ПРАВО НА СТИХ – ФРАКТАЛ ВСЕГО МИРОЗДАНИЯ
ПРАВО НА ВОЛНОВУЮ ПОЭТИКУ
ПРАВО НА ВЫВОРАЧИВАНИЕ – ИНСАЙДАУТ
ПРАВО НА ВНУТРИВНЕШНЕЕ
ПРАВО НА ВНЕШЕВНУТРЕННЕЕ
ПРАВО НА ТАЙМРАУМ – ПРОСТ-ВРЕМЯ (по Бахтину – ХРОНОТОП)
ПРАВО НА МЕТАКОД

Скрижали метакода

ЧЕЛОВЕК ВСЕГДА БОЛЬШЕ МИРОЗДАНИЯ

ЧЕЛОВЕК ВСЕГДА В ЦЕНТРЕ

ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕКА БОЛЬШЕ ВОЗРАСТА МИРОЗДАНИЯ
13 миллиардов 400 миллионов лет

ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА БОЛЬШЕ
чем 13 миллиардов 400 миллионов световых лет

ЧЕЛОВЕК БОЛЬШЕ ВСЕГО
ЧТО ОН МОЖЕТ СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ

СТИХ-КОЛЛАЙДЕР

Вы всё гекзаметром а я – за
за горизонт устремилась тень
Только Лобачевский открыл мне глаза
а стих мой понял только Эйнштейн

Бродский ровесник мой ну и что ж
Бродский он весь окован стихами
Стих для меня это стихолож
Стихоложество с потрохами

У меня нет никакой традиции
Я всегда пишу что хочу
От назойливой эрудиции
Я в коллайдере улечу

ИКАРЫ

Грозя поэтам будущими карами
Мы до сих пор обычай сохранили
Летящими горящими Икарами
Поддерживать огонь в земном горниле

Икар Джордано пламенные крылья
Раскрыл в костре как некий Серафим
Открыл открыл открыл открыл
От крыл я
Для всех небес сияющий сапфир

Как искры от костров горят созвездия
И озаряет тот и этот свет
Над звёздными сияющими безднами
Огни Икаров из живых планет

ТИХИЙ ГИМН

Я надеюсь что кто-то услышит
эту музыку клавиш-могил
Кто-то наспех её перепишет
превратив навсегда в тихий гимн

Гимн тому кто звучал в этом мире
в этом мире так трудно звучать
Этой музыке тесно в эфире
но ведь должен же кто-то начать

В этой скомканной мной партитуре
уместилась вся жизнь без приделов
в этой-звёздной акупунктуре
не останется нотных пробелов

На завалинках снега завалы
заморозил всё русский мороз
Эти ноты всего лишь провалы
в том снегу от избыточных слёз

Бабочка машущая оторванными крыльями ещё вибрирующими в воздухе это я

МЫСЛЬ

В комнату входит мысль
развалившись в кресле
предлагает свои решения
А я что могу
гостеприимство обязывает
всячески ухаживаю за мыслью
И так вот всю жизнь –
на вторых ролях перед мыслью

ГАМЛЕТ В НЕБЕ

Поют ногами в небе
Ду́ши-антраша
Вертя велосипедные колеса
Луны и Солнца
Антраша
круги небесные верша
Верши верши
Вершин рейсшин
Ног нагота
Наг рада
Нагой я Гойя
Гой изгой нагой
Но мне награда
не ограда
а нео груда
Нео града
Ногами в небе
не бе

В начале бе
Белка
И Белка бе
Стрелка

Ногами в небе
но Гамлет не бе
Небо в Гамлете
Гамлет вне

СЕМЬ

7 сингулярных Ангелов
машут сингулярными крыльями
Сингулярный размах крыла
возвращает Ангелов
из бесконечности
в бесконечность

Константин Кедров

ГОРИЗОНТ ОКРЫЛЯЕТСЯ

Константин Кедров

Горизонт окрыляется скоро совсем улетит
Небо машет крыльями горизонта
Млечный путь завис
как Виндос и сталактит
Все стихи шифрограммы Штирлица – Зорге
Юстас Алексу – Алекс Юстасу
Дуглас Даллесу – Яндекс Виндосу
Значит большого взрыва не было
Не было не было Вселенная вечна
В черных дырах как в недрах негра
В недрах негра ни день ни вечер
Горизонт мировых событий
Улетел расправляя крылья
Всё забыто всё не забыто
Всё открыто что мы открыли
Открывай в себе свои крылья
И сложи их как птица Ирбис
Или или Или не или
Вся вселенная твой EXlibris

Рисунок Константина Кедрова (бумага, фломастер), 1986 г.

БЕЗ СТРАХОВКИ

Ангелы летают без страховки
Потому возможен Ангел павший
Без страховки и без подготовки
Прямо с неба в глубь земли упавший

Крылышки как сломанные лопасти
Смотрит он на Ангелов из пропасти
В небеса где весело и ловко
Ангелы летают без страховки

Не ищите жемчуг на вершине
А ищите в бездне и в пучине
Створки это сомкнутые крылья
Жемчуг зреет в них без всякого усилья

Ангелы внутри себя жемчужны
Их полеты внутренненаружны

СЕАНС ПОЭЗИИ И СПИРИТИЗМА

Я иногда слегка поклонник Брамса
Не ведающий о добре и зле
Я блюдце в спиритическом сеансе
Вращаемое вами на столе

Как в компасе подрагивает стрелка
Движенья блюдца плавны и тихи
Плыву от человека к человеку
В узор орбит сплетаются стихи

В узор орбит сплетаются орбиты
Под пальцами подрагивает Брамс
Под музыку поэты как спириты
Творят свой спиритический сеанс

ФУГА ДЛЯ ОРГАНА С РОЯЛЕМ

Ах Бах был страстный хулиган
Был хулиган к тому же
Он музыку вгонял в орган
Она рвалась наружу

Он ей конечно доверял
Но и не доверял он
Вгонялась музыка в орган
И стал орган роялем

Рояль орган – орган рояль
И я не ты и ты не я ль
Орган-ор гам
ор гам ор-гамм
Орган-оргазм
Оргазм-орган

12 февраля 2017

Сергей Бирюков
доктор культурологии
ДООС – заузавр
Галле

КАК МАНИФЕСТИЛИ ПЕРВЫЕ РУССКИЕ АВАНГАРДИСТЫ

Начать придется с того, что в раннем русском авангарде, а именно – футуризме, слово «манифест» употребляется только группой Ларионова. И в дальнейшем это слово как-то не прижилось в авангарде, лишь ничевоки его использовали в начале 20-х годов.

Вполне возможно, что русские футуристы-будетляне не хотели использовать слово «манифест», чтобы всячески дистанцироваться от Маринетти. В то время как группа Ларионова была как раз нацелена на взаимодействие с Маринетти и итальянским футуризмом. Илья Зданевич, входивший в группу Ларионова, еще будучи гимназистом переписывался с Маринетти и был хорошо знаком с его трудами.

Разумеется, итальянские манифесты не могли не оказывать влияние на русских авангардистов. Эти тексты были им известны как по пересказам в русских газетах, так в подлинниках и затем в полных переводах.

Тем более важно было выработать собственные теоретические и практические подходы к преобразованию искусства. Недаром Давид Бурлюк призывал Бенедикта Лившица «быть нашим Маринетти». Лившиц действительно разрабатывал некоторые принципы футуристической эстетики. Однако, как справедливо замечает историк авангарда А. Крусанов, «для роли "российского Маринетти" Лившицу не хватало темперамента и художественного радикализма» (См. А.В.Крусанов. Русский авангард: 1907-1932 (Исторический обзор). В 3 т. Т.1. Боевое десятилетие. Кн.1. – М.: НЛО, 2010, стр. 605).

Темперамента и радикализма зато с избытком хватало другим участникам группы «Гилея». Например, Алексею Крученых и Владимиру Маяковскому. Однако это не значило, что они были готовы к логически выверенному изложению своих предложений именно в манифестах.

На мой взгляд, в русской ситуации манифестирование предпринималось в самых разных текстах, не обязательно в специальных декларациях.

Более того, эти другие тексты в ряде случаев оказывались более манифестными, чем сами декларации. Таковы например поэма «Облако в штанах» и трагедия «Владимир Маяковский», а также ряд его ранних стихотворений, начиная с «Утра» и «А вы могли бы?».

Причем манифестация здесь буквально описывается как перформанс:

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана,
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы ноктюрн сыграть могли бы
на флейте водосточных труб?

Нетрудно заметить, что здесь Маяковский выступает гораздо энергичнее и определеннее, чем вместе с другими в самом знаменитом манифесте «Пощечина общественному вкусу». Там декларативно предлагалось «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с парохода современности».

Это самая ударная и наиболее часто воспроизводимая фраза как доказательство нигилизма футуристов.

Между тем этот радикальный жест, только обещающий и не имеющий предиката! Инфинитивное начало предложения – «бросить» – сообщает призыву некоторую неопределенность.

А уже следующая строка вообще снимает радикальность этого призыва: «Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней».

То есть вот эти персонажи, которых предлагается бросить, они и есть первая любовь!

И дальше этот тезис получает развитие: к кому не должна быть обращена последняя любовь:

кроме Бальмонта и Брюсова все остальные имена употреблены во множественном числе:

Леониды Андреевы, Максимы Горькие и т.д.

Вполне романтически предполагается, что «последняя любовь» должна быть обращена к тем, в строках которых «уже трепещут впервые Зарницы Новой Грядущей Красоты Самоценного (самовитого) Слова».

Обратим внимание на эти большие буквы и на сами слова, как будто взятые напрокат из романтического, да и символистского в бальмонтовском исполнении репертуара.

И совсем иной разговор в стихотворении. Полная определенность: смазал, показал, прочел!

Да еще и вопрос с вызовом: «а вы ноктюрн сыграть могли бы ?!»

То есть подразумевается, что он-то, конечно, смог бы, да уже и играл!

В Прологе к поэме «Облако в штанах» он сделает следующий шаг:

Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут:
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий.

У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!
Мир огромив мощью голоса,
иду – красивый,
двадцатидвухлетний.

Нежные!
Вы любовь на скрипки ложите.
Любовь на литавры ложит грубый.
А себя, как я, вывернуть не можете,
чтобы были одни сплошные губы!

Приходите учиться –
из гостиной батистовая,
чинная чиновница ангельской лиги.

И которая губы спокойно перелистывает,
как кухарка страницы поваренной книги.

Хотите –
буду от мяса бешеный
– и, как небо, меняя тона –
хотите –
буду безукоризненно нежный,
не мужчина, а – облако в штанах!

Не верю, что есть цветочная Ницца!
Мною опять славословятся
мужчины, залежанные, как больница,
и женщины, истрепанные, как пословица.

Фактически здесь манифестируется новый тип лирики. В противовес символистской и северянинской.

Еще более радикально манифестирует тихий Велимир Хлебников, который создает такие произведения как «Заклятие смехом»(1909), «Бобэоби...» (1908-09), «Перевертень»(1912) еще до появления манифестов. И они становятся подлинными манифестами новой поэтики. Сам Хлебников позднее писал: «Мелкие вещи тогда значительны, когда они так же начинают будущее, как падающая звезда оставляет за собой огненную полосу; они должны иметь такую скорость, чтобы пробивать настоящее. Пока мы не умеем определить, что создает эту скорость. Но знаем, что вещь хороша, когда она, как камень будущего, зажигает настоящее» (В.Х. «Свояси». СС в 6 т. Т.1. М.: ИМЛИ РАН, 2000, стр.8).

Далее Хлебников называет эти мелкие вещи, в том числе «Кузнечик», «Бобэоби...» и «Заклятие смехом».

В «Заклятии смехом» Хлебников вроде бы ставит перед собой чисто формальную задачу – по «скорнению», «сопряжению» слов. Он работает как бы просто с языком, стремясь максимально выявить возможности корневого гнезда, к которому принадлежит слово «смех». Хлебников не просто выписывает лексемы в корневой связке, а строит из них произведение, довольно сложно разработанное, в котором начальный посыл получает усиление видоизменением слова: мало того, что «смеются», но еще «смеются смехами», мало, что «смеянствуют», но делают это «смеяльно» и т.д. Это динамика стиха, а вот и статика – повтор одного слова: «См'ейево, см'ейево». Однако динамика и статика находятся в более сложных отношениях, тут все зависит от прочтения вслух, мы можем сами ускорять или замедлять темпы, варьировать интонацию. Перед нами своего рода urtext – в практике барочных композиторов (например, Баха) текст без указаний темпов, штрихов, динамики, состава исполнителей, инструментов, такое произведение можно исполнять на скрипке, флейте, петь и т.д. «Заклятие смехом» содержит в себе многообразные возможности трактовок.

Можно прочесть «Заклятие» как легкую пьесу – скерцо. Возможно лирико-трагическое прочтение. Само слово – «как таковое», взятое даже в самом чистом виде, не только не избавляется от различных смыслов, диктуемых интонацией и представлениями, но и обнаруживает все эти «примеси». Хлебников ставит формальную задачу, и в результате получает множественность смыслов. Корневое «сопряжение» выявлено, но однозначное толкование невозможно. Ибо само «скорнение» шифрует прямой смысл. И мы уходим за него, обновляя наше представление о смехе, как о чем-то однозначном – смешном, например. Здесь гамма, веер смеха. В том числе мы можем вспомнить, что психофизиологические области смеха и плача сильно связаны. Если смех или плач только слышишь, не видя человека, то не всегда можно определить – плачет он или смеется.

Итак, «Заклятие ...» вскрывает смыслы, но тут же шифрует их, побуждая ко все новым прочтениям.

Еще больший диапазон прочтений вызвало стихотворение всего из семи строк, появившееся в печати в 1913 г. и с тех пор не перестающее тревожить воображение филологов (Р.О.Якобсон, Ю.Н.Тынянов, Р.В.Дуганов, М.И.Шапир ...)

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй – пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

В дополнение к существующим трактовкам можно предложить еще одну – исполнительскую. Композитор не всегда хороший инструменталист. Хлебников (по воспоминаниям) проборматывал свои стихи, но очевидно, что хорошо слышал изнутри. «Бобэоби ...» – блестящий пример такого слышания. Именно в чтении это стихотворение постигается, именно озвученное голосом оно раскрывается как грандиозная картина.

Здесь два ряда: звуковой и логический. Левая сторона представляет собой чистое звучание, дающее настрой правой стороне – логической. Здесь двойное взаимодействие: чистый звук наполняется отсветом словесной логики, а последняя вбирает в себя приемы звуковедения. Поэтому правая часть интонируется и артикулируется в соответствии с тем, что задается в левой части.

Проработанность звукового ряда обостряет привычное звучание слов логического ряда, перестраивает слух. Известные нам слова мы как бы произносим и слышим впервые. Они отражаются в своих звуковых подобиях.

Так «на холсте» музыкальных и словесных соответствий возникает Лицо. И это лицо Гармонии, Природы, Бога, Гения, Автора, Читателя ...

Звук и слово движутся, как параллельные прямые, вне протяжения и пересекаются в точке Лица. Само Лицо можно представить поэтическим видением.

Своеобразным соединением слово-звука и слова-понятия становится для Хлебникова палиндром – строка, читающаяся побуквенно в обе стороны (с одинаковым смыслом) и часто состоящая из анаграмматических слов, то есть таких, смысл которых меняется при перестановке букв. Впервые палиндромическое стихотворение в наследии Хлебникова фиксируется примерно в 1912 г. Это «Перевертень» (русский аналог греческого слова «палиндром»). Стихотворение имеет подзаголовок «Кукси, кум мук и скук».

Сам Хлебников позднее отмечал: «Я в чистом неразумии писал "Перевертень" и, только пережив на себе его строки: "Чин зван мечем навзничь" (война) – и ощутив, как они стали позднее пустотой: "Пал, а норов худ и дух ворона лап", – понял их как отраженные лучи будущего, брошенные подсознательным "Я" на разумное небо» . «Пояснение», как это часто у Хлебникова, чисто ассоциативное. Но нас в данном случае интересует не только пророчество, а то, как в поле звука стягиваются слова, как палиндромия организует этот медный и мерный звук. Палиндром для Хлебникова – сокращение пути к подсознанию из подсознания. Сокращение происходит именно благодаря двойному ходу строки, по принципу удара и отдачи, минуя обязательные «смысловые» операции. Звуковой состав палиндромической строки поневоле обострен, и в этом как раз состоит смысл – пробуждение звукового отклика.

Хлебников впервые в русской поэзии применил палиндром в качестве строительного материала для

стихотворения большой протяженности. В 1920 г. он напишет таким стихом целую поэму «Разин» и окончательно узаконит палиндромическую форму в русской поэзии, во второй половине века палиндромические стихи станут непременной частью российского поэтического пейзажа. Таким образом, Хлебников не только активно работал с целым комплексом традиционной метрики, развивал полиритмию и тем самым оживлял гаснущие импульсы, не только возродил и утвердил на русской почве свободный стих, но и обнаружил новые возможности языка к созданию стиховой формы. Ведь и ритм, и метр, и рифма – это в конечном счете языковые явления, не только в широком смысле, но и в более узком, поскольку все названные явления происходят собственно из речи.

Наиболее активный манифестант – Алексей Крученых. Вместе с Хлебниковым он пишет текст «Слово как таковое», центральными пунктами которого выдвигаются положения, «чтоб читалось и смотрелось во мгновение ока» (то есть моментально, с предельной скоростью!). И в кажущемся противоречии с первым тезисом, «чтоб писалось туго и читалось туго неудобнее смазных сапог или грузовика в гостиной». Роль Хлебникова в этой декларации, вероятно, лишь идейная, сам текст со всей очевидностью вышел из-под пера Крученых, вплоть до образцов из его собственного творчества. В том числе он приводит свое знаменитое –

дыр, бул , щыл,
убещур
скум
вы со бу
р л эз

С комментарием: «Кстати, в этом пятистишии более русского национального, чем во всей поэзии Пушкина».

Текст вскоре станет этакой матрицей заумной поэзии как для самого Крученых, так и для его соратников и последователей.

В 1914 году, во втором сборнике «Садок судей» футуристы помещают конспективный текст, в котором излагают поэтологическую программу по пунктам, всего 13 пунктов. Ряд пунктов очень важен не только для подписавших манифест, но и для будущих авангардистов.

1. Мы перестали рассматривать словопостроение и словопроизношение по грамматическим правилам, став видеть в буквах лишь *направляющие речи*. Мы расшатали синтаксис.

2. Мы стали придавать содержание словам по их начертательной и *фонической характеристике*.

3. Нами осознана роль приставок и суффиксов.

4. Во имя свободы личного случая мы отрицаем правописание.

5. Нами уничтожены знаки препинания, – чем роль словесной массы – выдвинута впервые и осознана.

Такой тип конспективного теоретизирования был весьма характерен для Крученых. Он уже и в одиночку сочинил ряд зубодробительных трактатов, которые либо предваряли либо закрепляли его практику. Таким образом мы видим несколько типов манифестирования в русском авангарде. Это манифесты общего плана, с элементами провокации, манифесты с поэтологической программой, констатирующей определенные достижения. И это художественные тексты, манифестирующие определенные приемы. Причем эти последние оказывались более действенными, поскольку являли собой достижения данного автора на всех уровнях, а не только на уровне «заявления» о предполагаемых или даже реальных достижениях. Яркие, манифестирующие тексты сразу же попадали в орбиту обсуждения, понимания / непонимания, это обсуждение приковывало к ним внимание сторонников и противников. Но они и в самом деле заслуживали внимания. И продолжают вызывать это внимание.

Елена Кацюба
ДООС – libellula

без Я вселенная не Явна
без НАС вселенная не ЯСНА

Манифест – это
МИФ,
который творится
прямо на глазах.
Это счастливый
ФАНТ
и **ФИНТ**,
без которого
было бы скучно.
Это **МИНА**,
что вдруг взорвется
неожиданным
смыслом.
Но именно **ТАМ**
ТЕМА
расставит **СЕТИ**,
откуда
не выберешься,
пока
не скажешь –
НЕТ!
И обязательно
ТЕНИ сомнений
И **СТЕНА** –
чтобы было
что преодолеть,
а потом **ФИЕСТА** –
вечный праздник!

Фото Маргариты Аль, 2015 г.

Маргарита Аль
ДООС – стрекозАль

МАНИФЕСТ АЛЬ

12345
1234
12345
1234

123456789
12345678
123456789
12345678

91113151719
101214161820
15171913579
618246810120

148121620
114125817
216148120
258111417

11111111111
22222222222
33333333331
44444444442

55555555555
66666666666
77777777775
88888888886

99999999999
101010101010
11111111119
121212121210

131313131313
141414141414
151515151513
161616161614

000000000000
011111111110
022222222220
033333333330
044444444440
000000000000

111111111111
100000000001
100000000001
100000000001
100000000001
111111111111

123456
123456

эйййййййййййййййййй

ПЛОООООООООООООощади

шшшпоры вам в бок
вывернуть бы вас
н а и з н а н к у
проснётся город
выйдет город
ахнет город
нет площадей
нет войн
нет революций
восту́х
огонь
и всё превратилось
в
воздух
воздуууx
воооздуууууx
воооооооздуууууууyx
воооооооооооздуууууууууyx
воооооооооооооооздуууууууууууууyx
воооооооооооооооооздуууууууууууууууyx
воооооооооооооооооооооздуууууууууууууууууyx
воооооооооооооооооооооооооздуууууууууууууууууууyx
воооооооооооооооооооооооооооздуууууууууууууууууууууyx
воооооооооооооооооооооооооооооздуууууууууууууууууууууyy
воооооооооооооооооооооооооооооздуууууууууууууууууууууyy
воооооооооооооооооооооооооооооздуууууууууууууууууууууyy
воздух воздух воздух воздух воздух воздух воздух воздух воздух
воздух воздух воздух воздух воздух
вот инструмент каждого будущего гражданина
красками радуг раскрасим язык души тела лица
улицей вверх взметнётся воздушный

л
и
ф
ф
т

все мы отныне
Л и Ф Ф т и й ц ы

!!!!!!!!!!!! !!!!!!!!!!!! !!!!!!!!!!!! !!!!!!!!!!!!

!!!!!!!!!!!! !!!!!!!!!!!! !!!!!!!!!!!! !!!!!!!!!!!!

12345 12345
1234 день 1234
12345 начинаю 12345
1234 с мысли 1234

123456789 о слове 123456789
12345678 в глагольной форме 12345678
123456789 любить 123456789
12345678 любить 12345678

91113151719 любить 91113151719
101214161820 любить 101214161820
15171913579 и так сто раз 15171913579
618246810120 как если бы эхо вошло в ухо 618246810120

обогнув солнце триста шестьдесят тысяч пятьсот раз

148121620 148121620
114125817 за один миг 114125817
216148120 складываю 216148120
258111417 руки 258111417

в рукопожатие

11111111111 грудью 11111111111
22222222222 22222222222
33333333331 в крылья врастаю 33333333331
44444444442 а мимо 44444444442

55555555555 мимо мимо мимо мимо мимо 55555555555
66666666666 имомимомимомим

Герман Виноградов
ДООС – огнезавр

КОСМОГОНИЯ СОЗНАНИЯ БИКАПО́

Фото Евгения Зуева, 2011 г.

Части, уровни и виды энергий: Начало
Синдант
ГиББоС
ДжаусС !!!
ДЗоиНГ ¡¡¡
Бикапо
Крусиляси

НЕТ ВРЕМЕНИ

Начало – это первичный взрыв, великая пертурбация
Синдант – безмолвие, наступающее после начала,
предвещает все дальнейшее. Время отсутствует

ХРОНОС

ГиББоС – первичная неподвижная материя.
появление Хроноса – это пульс, правремя
появление НОЧИ /НОЧ/ – это энергия неподвижной,
пробуждающейся материи.

версии: ГиББоС ночи УВАЭЛ
Сальболтано ГиББоС
Кориволаки
Санопедипер.

ХРОНОС

ДжаусС !!! – первичная жизненная энергия, энергия неистова
и состояния материи, движимой этим типом

РЕАЛЬНОЕ ВРЕМЯ

ДЗоиНГ ¡¡¡ – первичный ужас, соединенный с восхищением
/манч и энергия этого состояния. Появление реального
Хлебникова/ времени

МЯГКИЕ ЧАСЫ

Бикапо – энергия игры и трансформации.
появление числа π = 3, 14...

Крусиляси – это Бикапо лучезарный, эквилибристический.
Триумф числа π = 3, 14...
Сверхпроводимость.
Сверх быстрое взаимодействие.
Мгновенное понимание.

Версии: Басикоси, Хальвенита,
Бурчиквари, Филимпула,
Басинос, Горчикволису,
ермень цыБарцило.

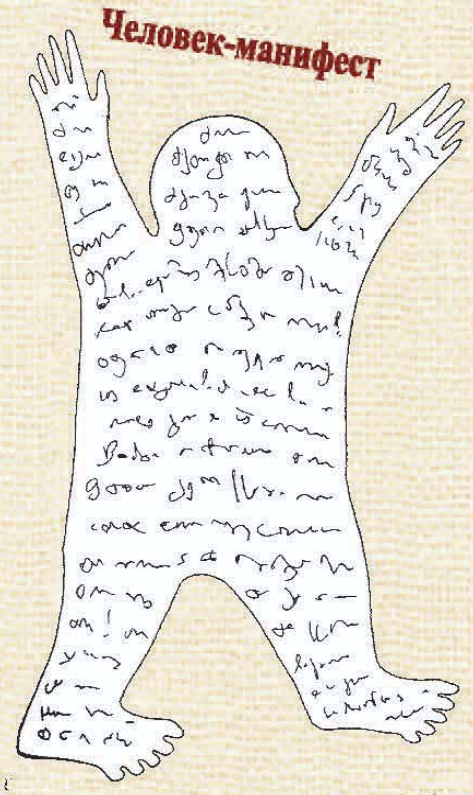
ВЫДЕЛЕНИЕ БАРСИКАТУРИЯ

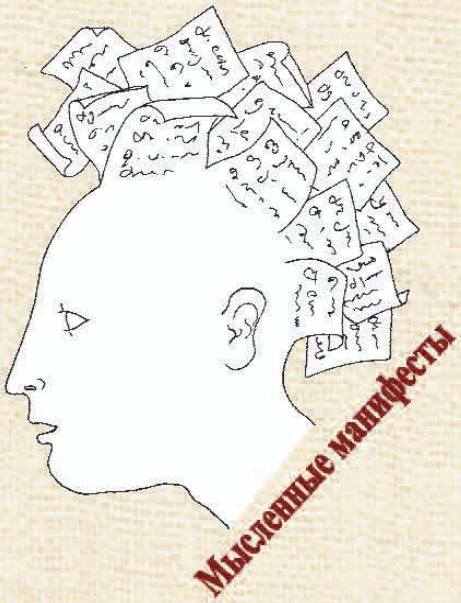
Бикапо'89

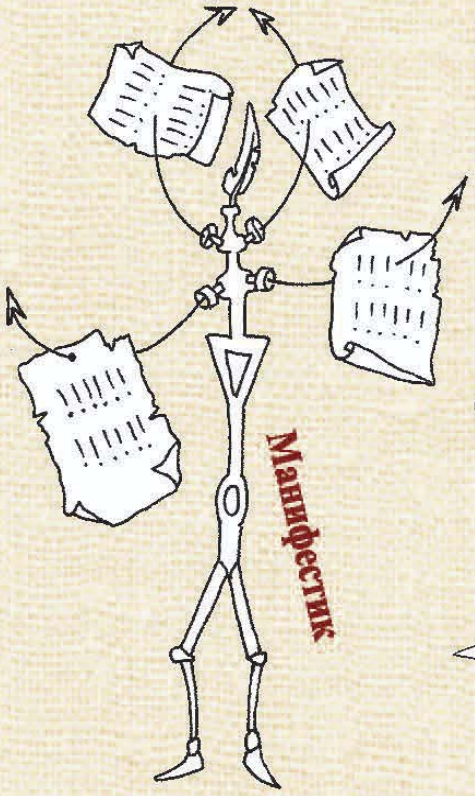
Кристина Зейтунян-Белоус
ДООС – графикозавр
Париж

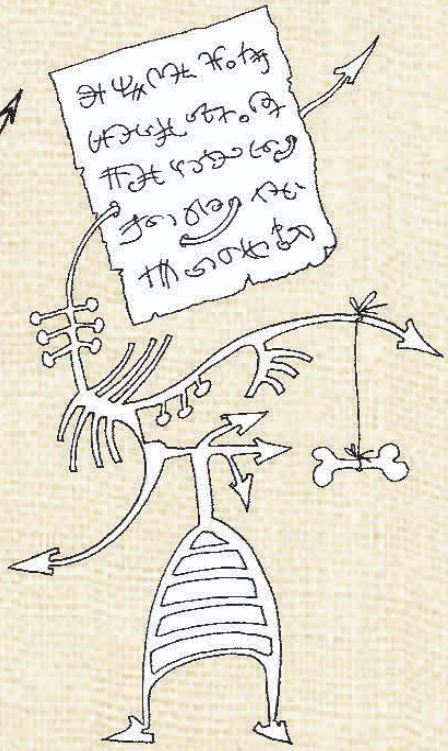
Специально для ПО

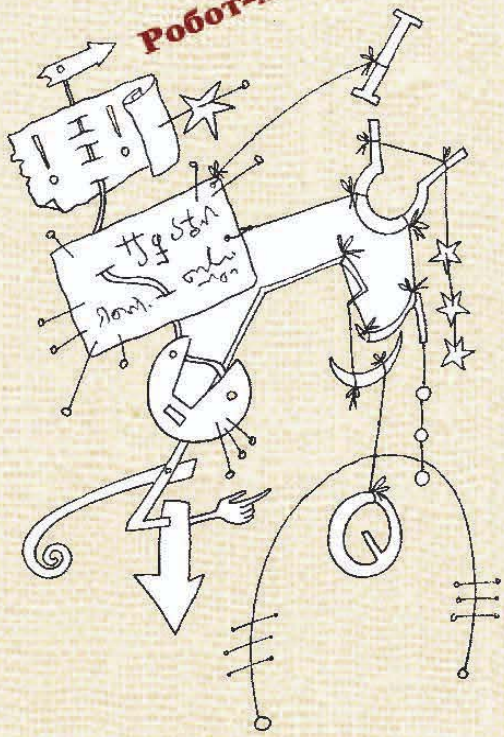
Манифестация манифестов

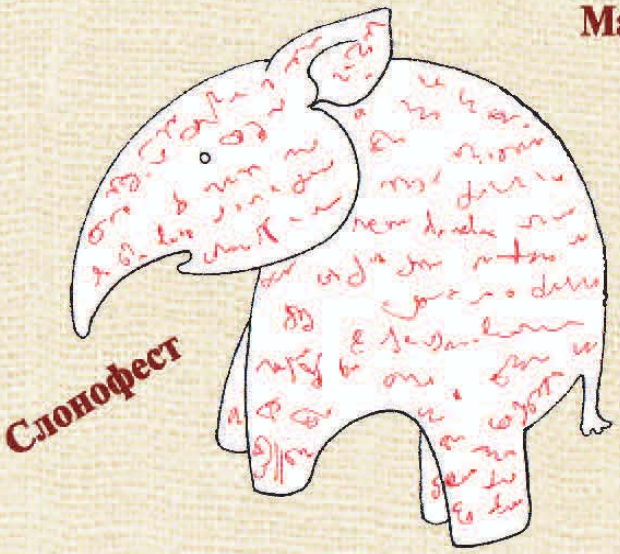












Евгений Степанов
кандидат филологических наук
друг ДООСа

ФУТУРУМИЗМ: ЭСКИЗ МАНИФЕСТА

Журнал «Футурум АРТ» возник в 1999 году. Сначала я хотел делать журнал отнюдь не литературный. Первый (пилотный номер) рассказывал о будущем в экономике, недвижимости, науке и т. д. Я предполагал создать журнал размышлений, рассуждений о будущем. Будущем экономики, политики, науки, техники, культуры, спорта... Но потом порочная страсть издателя к художественной литературе взяла верх, и вот уже 18 лет журнал посвящен разным видам изящной словесности. Прежде всего – поэзии.

У истоков журнала стояли Геннадий Айги, Сергей Бирюков, Константин Кедров, Елена Кацюба, Арсен Мирзаев (он сейчас заместитель главного редактора), Наталия Лихтенфельд, Юрий Милорава, Татьяна Бек (она активно рекомендовала молодых поэтов), Дмитрий Авалиани (он горячо поддержал мое течение «футурумизм»), Женя Доброва (она верстала и редактировала один из первых номеров), Сережа Арутюнов.

Первые деньги на этот журнал мне дал романтичный предприниматель с характерной фамилией Павел Богомолов. Больше за все эти 18 лет не давал никто. Никто и никогда. И – не надо.

Я люблю журнал «Футурум АРТ». Это наиболее раскрепощенное мое издание.

Мы печатаем и традиционалистов, и авангардистов. Разумеется, прежде всего – членов Союза писателей XXI века, под эгидой которого журнал выходит. Сегодня «Футурум АРТ» крепко стоит на ногах, у него свой круг читателей, журнал входит в крупнейшие литературные порталы «Читальный зал» и «Мегалит». У журнала есть странички в ЖЖ и фейсбуке.

А кто же такие «футурумисты»? В чем суть литературного течения «футурумизм»? Мне представляется, что это очень интересное течение.

Само слово «футурумисты» несет в себе смысловую полифонию. Здесь и будущее, и ум, и мистика. Ничего не нужно выдумывать. Надо просто вслушаться в музыку слова. Настоящий поэт – всегда футурумист. На мой взгляд, футурумистами были и Пушкин, и Хлебников, и Волошин, и Гумилёв, и некоторые другие.

Дмитрий Евгеньевич Авалиани всячески поддерживал «Футурум». Когда я рассказал ему, какой смысл я вкладываю в понятия «футурумизм», «футурумисты», он заметил:

«Мисты» – это мистики. А будущего и поэзии без мистики нет». Поэзия – сакральна. В ней – скрытые смыслы и коды.

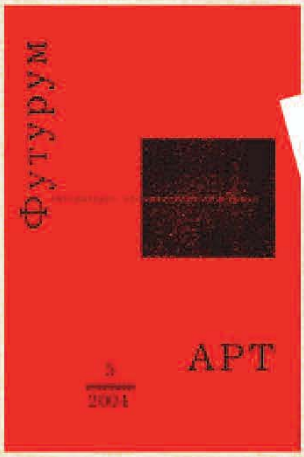
Хотя внешне она может быть очень простой и даже ироничной.

Арсен Мирзаев много лет назад в журнале «Петербургский книжный вестник» написал так:

Футурумисты (футур-ум-мисты) смотрят в будущее, но никого не стремятся сбросить с корабля современности.

Многие из современных авторов журнала, наверно, и не подозревают о том, что редактор причисляет их к сторонникам нового движения. (Интересно, что эти мои слова процитировал в «Новом мире», № 1, 2002, Андрей Василевский.)

Действительно, никого не надо бросать с корабля современности. Очевидно, что в культуре остались и остаются представители *разных* противоборствующих течений. И Гумилёв, разумеется, не менее значим, чем Хлебников или Кручёных. То есть футурумизм пытается объединить и футуристов, и акмеистов, и имажинистов, и ничевоков, и дадаистов, и конструктивистов… Это такой бахаизм в поэзии. В основе течение – стремление войти в литературное будущее путем консолидации творческих сил, использования различных школ и направлений, культурного взаимообогащения. Именно поэтому журнал «Футурум АРТ» печатает поэтов разных школ и стилистик, но объединенных одним общим качеством – талантом, устремленным в будущее. Убежден: все мои авторы – футурумисты! – останутся в истории литературы.



Хадаа Сендоо
друг ДООСа
Улан-Батор

Специально для ПО

Синяя кочевая поэтика

Моя декларация – Поэтический манифест

Мы уже вспоминали историю, а именно год 1909 год, когда великий поэт Маринетти опубликовал свой «Манифест футуризма». Благодаря Футуризму Маринетти мир приобрел новый взгляд – художественную философию. Сегодня, чтобы почтить память этого великого первооткрывателя, я хотел бы представить свою «Синюю кочевую поэтику», или доктрину – Поэтическую декларацию в знаменитом российском Журнале ПОэтов.

Моя декларация – Поэтический манифест – Синяя кочевая поэтика, или доктрина – коренится в эстетике и философии кочевой жизни. Во-первых, прежде чем переходить к поэтической декларации, я хотел бы задать самому себе вопрос об этом намерении, которое сегодня кажется не слишком свежим: действительно ли нужна поэзия?

Мой ответ: смысл поэзии не в механическом воспроизведении; поэзия может излечить душевную боль, которую не в силах исцелить ни один врач. Потому что сердце истекает кровью, и боль возникает в глубине ночи; потому что есть огромная невидимая рана, которая остро нуждается в заживлении, как израненное тело нуждается в поддержке другого тела.

1. Синяя кочевая поэтика не зависит от кратко живущей эпохи или внешних проявлений элитных кварталов. Синяя кочевая поэтика не только восхваляет сущее, но воздает хвалу жизням и памяти жизней, которые уже исчезли с нашей планеты, где есть любовь, но мы не можем добиться любви любимого человека, где есть слезы, но нет места, чтобы позволить им пролиться.

2. Синяя кочевая поэтика настаивает на том, чтобы сочинять стихи с душой природы, но не с телом Земли, ибо стихотворение рождается не просто из сочетания слов и выражений. Я должен сказать: поэзия должна быть, как живопись или музыка и как божество. Когда поэт пишет стихотворение и охвачен своей магической силой, он похож на сумасшедшего (поэт – безумец), как шаман, который ведет диалог между богами и самим собой через танец, барабаны, цимбалы или призывая ветер и дождь. На самом деле, это лицемерное общество сошло с ума, а не поэт. Поэты всегда будут практиками и возделывателями душ.

3. Поэзия Синей кочевой поэтики есть драгоценная лампада для духовного развития, потому что она происходит от рек, деревьев и цветов вечной земли; иногда она похожа на тихую луну, или вой волков в степи, или крик верблюдов в пустыне, или отголоски наскальных росписей. «Синяя» здесь означает небо, а «белая» означает белые облака; поэзия похожа на белые облака, плывущие медленно и свободно в огромном синем небе. Как неискаженное детство поэзии, моя Синяя кочевая поэтика – это белая юрта, окруженная зеленой травой на берегу реки. Это поэтическое бродяжничество, предназначенное для поддержания чистоты поэзии, окунает наши внутренние умы в ветер и дождь под солнцем. Такого рода синкретизация служит для ответа на вопрос о суете и разрушении города. Поэтическое замешательство лежит в замешательстве нашего сознания.

4. Поэзию Синей кочевой поэтики, полную тепла и природной красоты, можно рассматривать как родину жизни. Я твердо верю, что поэзия первоначально использовалась для пения, как наш эпос Джангар, который может вызвать накал эмоций в нашем внутреннем мире посредством слова и пения. Я твердо верю, что сущность поэзии в горении и голосе желаний и стремлений в нашем сознании и нашем теле, передаваемых только за счет горения.

5. Поэзия синей кочевой поэтики является даром вселенной и природы, как и поэмы и стихи, возвращающиеся на землю, или далекие реки, текущие к устью. Поэт не нуждается в национальности, его язык – это его единственная родина. Поэзия Синей кочевой поэтики обладает мощной жизненной энергией, как мы, монголы, живущие там, где есть вода и трава. Она полна сил, как быстрая река, которая всегда дарит зелень пастбищам, когда приходит весна.

6. Поэзия Синей кочевой поэтики противостоит имитации поэзии, любой деградации или предательству по отношению к истинной поэзии. Она опровергает любой абсурдный довод о ненужности поэзии; она рассматривает все направления поэзии и все поэтические школы и настаивает на лирической природе поэзии, чтобы обогатить духовной кровью наших соотечественников, далеких друзей или незнакомых путешественников по нашей стране. Я хочу, чтобы эта декларация поэзии принесла вам понимание поэтического тепла – как молоко и своего рода вечный аромат, доверие, которое берет начало в нашей бескрайней земле.

Поэтому я считаю, что мой поэтический манифест это не только доктрина, но также и художественная философия.

3/3/2017

Прониклась духом кочевой поэтики на русском
Татьяна Бонч-Осмоловская (Сидней).

DADA 101

Специально для ПО

ДАстругистенДА

101 лет назад в цюрихском «Кабаре Вольтер» состоялось первое выступление радикальных поэтов, которое положило начало движению ДАДА. Никто не мог предположить, что дадаизм, просуществовавший в то время в активной фазе всего несколько лет, получит всемирный резонанс. Но это произошло. Получив импульс от русского футуризма, дадаисты стали импульсом для сюрреалистов, а позднее для конкретистов, визуалистов, фонетистов. Звонкое имя ДАДА, которое один из родоначальников движения Тристан Тцара возводил к утвердительному повтору, одинаково звучащему в румынском и русском, притягивает к себе все новых адептов. Так в 2005 году в македонском городе Струга, на знаменитом поэтическом фестивале «Струшки вечери на поезијата», английский поэт Питер Во, фламандский поэт Филип Меерсман и автор этих строк спонтанно образовали новую поэтическую группу, которую назвали ДАстругистенДА. То есть с явным отсылом к ДАДА. Первые выступления группы состоялись тогда же в Струге и Скопье, в последующие годы были многочисленные перформансы (присоединился еще один фламандский поэт Ливен Веркаутерен) в Бельгии, Голландии, Австрии. В Берлине группа выступала в качестве почетного гостя на первом Европейском фестивале слэм-поэтри. Затем были выступления в Эстонии, где присоединился к группе эстонский дадаист Яан Малин. В неполном составе ДАстругистенДА покоряли площадки Волошинского фестиваля в Коктебеле. Сегодня, специально для «Журнала ПОэтов» мы подготовили несколько примеров дастругистского творчества.

Сергей Бирюков

Philip Meersmam

Brusse , Belgie

Wirbelsäule

Schöne Mädchen sind ungesund für eine abgenutzte Wirbelsäule

Ich wische rotem Ocker auf eine leere Fläche

life starts at the ping of a microwave
So much zeros in measuring

Schöne Mädchen sind
UNGESUND
für
eine abgenutzte

Wirbelsäule

Ich wünsche rotem Ocker auf ihren nackten Körper

Black knight hits white Bisschop
White pawns lynch black knight
Black hole sucks all matter

Schöne Mädchen sind ungesund
Schöne Mädchen
sind ungesund

Beam me up, Scotty

ungesund
sind Schöne Mädchen
für eine abgenutzte Wirbelsäule

W-I-R-B-E-L-S-Ä-U-L-E

Schöne Mädchen
Schöne Schöne Schöne Mädchen
Mädchen
Mädchen
Mä
Mä
dchen
dchen
dchen
dch
ch
saule

Jaan Malin

Tartu, Estonia

SADADADA

illalla ollalla
trillalla-trullalla
pillalla-pullalla
krillalla-krullalla

masteri vOOOOO
kasteri kOOOO
nasteri nOOOO

dibidabi DA-DA-DAA
gibi-gabi GA-GA-GAA
bibi-babi BA-BA-BAA
sibi-sabi SA-SA-SAA

DIN-DAN-DI DA-DAA
GIN-GAN-DI DA-DAA
VIN-VAN-DI DA-DAAA
U-GAN-DI DA-DAA

Peter Waugh
London/Wien

ganz

jetzt
ist
ein
teil
von
jetzt

alles
alles
ist ist
ein ein
teil teil
von von
allem
allem

nichts
nichts
nichts
ist ist ist
ein ein ein
teil teil teil
von von von
nichts nichts
nichts

jetzt
jetzt
jetzt jetzt
ist ist ist ist
ein ein ein ein
teil teil teil teil
von von von von
allem allem
allem allem

alles alles
alles alles alles
ist ist ist ist ist
ein ein ein ein ein
teil teil teil teil teil
von von von von von
nichts nichts nichts
nichts nichts

nichts nichts
nichts nichts
ist ist ist ist
ein ein ein ein
teil teil teil teil
von von von von
jetzt jetzt jetzt jetzt

jetzt
jetzt jetzt
ist ist ist
ein ein ein
teil teil teil
von von von
nichts nichts
nichts

alles
alles
ist ist
ein ein
teil teil
von von
jetzt
jetzt

nichts
ist
ein
teil
von
allem

Сергей Бирюков
Россия/Германия

ПОСВЯЩЕНИЕ ТЦАРА

та – ра – ра
оп ----------а
тристан тцара

пры ---------жок

у ---- ля ---- ля

макромини

кро и ини
где бред тон
бретон

пересе
чений
нет
пере
сечений
и свечений

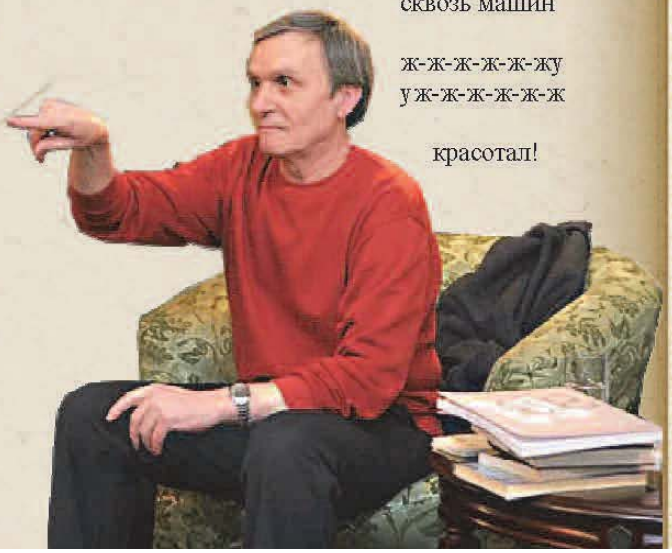
париж
без лыж
а ты ж
а ты ж
die kunst ist tot
да – да
куда
на занзибар!
пора пора
читать тцара:
а ее еа ее еа ее, еа ее,
еаее, а ее
еа ее ее, еа ее,
еа, ее ее, еа ее ее

сюда
сюда
затем
и откр
тогда вот так
входил тристан тцара

он прыгал на стул
он раскачивался
в облаках
как в гамаке
господин
антипирин
он в ночи
перебегал
сквозь машин

ж-ж-ж-ж-ж-жу
уж-ж-ж-ж-ж-ж

красотал!



Владимир Аристов
доктор физико-математических наук

НетНет

(не-манифест, нем-манифест, нема-нифест, не-мы-ни-фест) Idem-Forma

Слушать музыку эволюции труднее. Потому что находимся не вовне движения, течения, процесса – не разрывая его, но находясь внутри, будучи сами – им, и не дни и секунды – времена важнейшие – но годы. Можно ли назвать тогда саму живую струящуюся речь, – речь о себе – манифестированием? Да, нет! Нет, да! Так или иначе она – явленное – но лишь в глубине – о истинной эпифании. С погружением в невысказанное, в невысказывание, и все же – все оно говорит: прежде губ, губами, после губ. И все оно о соединении – пусть, поверх слов, внутри слов, соединенных в сеть, в сети, и все ее усиленные, удвоенные превышения net…net. Да или нет: «вечно числился в нетях» – по Пастернаку, «тя-тя наши не-ти» – по Пушкину, «ответ на все – отказ» – по Цветаевой. Но отказ – внутрь себя, вглубь всех. Да-да и нет-нет – знать и не знать, когда надо говорить. Медленно, еще медленнее. Не остановка, но сердцебиение всего движения, течения. Вспомним – на миг – вынув, вынырнув себя из преобразующего потока – так говорил Тцара, хотя сейчас так уже не проговоришь: «Дада – деревянная лошадка, кормилица, удвоенное утверждение по-русски и по-румынски» – что же такое Нетнет – это молчание, слышимое в шепоте потока, но не толп, а всей листвы, – нет не листвы, но каждого отдельного листа, голоса, который ты различил, нет – не различил, потому что ты стал на миг им, от равенства с ними, ты перешел к тождеству с ним, им, с самим собой – это и есть Idem-forma. «Чи-сло-во» – вспышка слога внутри, превышающая даже хлебниковские «число-слова». Пройти через «не-мо-гу», через «немо-гу», через «не-моту», – «не-ту» – «не-здесь». «Да-да-истически», «нет-нет-истически», «ата-вестически», «а-та-мистически», «а-то-мистически» – есть.

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр
Дублин

О поэзии

Однажды в двадцатом веке поэзия зашла на огонек в казенные кварталы, огляделась, наглоталась пыли и ушла в хлебниковские вольные поля – дышать. Там была жизнь. А в казенных кварталах была «тоже жизнь».

Так и живет поэзия не во дворцах, а в хижинах, в тетрадках, в блогах, в заветных ящиках столов. Что с нее взять – она даже не знает слов «премия» и «тираж»! А если знает, то ей лучше было бы поскорее их забыть.

А еще поэзия живет – и иногда выживает – в словах. В строках. Между строк. Писать же ее можно очень по-разному. И она нас пишет по-разному. Потому что клетки в нашем теле обновляются полностью; глядишь – и мы – это уже не мы, а существа, сформированные нашими стихами. И Аполлон посмотрит на нас и по-библейски скажет, что это хорошо. А то отстукивали бы мы всю жизнь варианты одного и того же стихотворения...

Свои миры каждый поэт создает сам. Из чего может. Из ничего. Для богов и поэтов пустота бывает продуктивной. Главное здесь – ее тщательно переработать, чтобы в итоге пустота не оставалась пустотой. Иначе зачем трудиться?

Для поэта его книги – это его дети. Но поэты не любят отвечать на вопрос, о чем они пишут. Потому что мы знаем еще со времен Набокова, что слова и образы важнее общих идей. А конкретные идеи могут возникать у читателя как результат действия прочитанных слов. Какие уж идеи у него возникают, зависит от самого читателя.

Поэты всегда балансируют на тонком тросе. Ориентироваться на вкусы читателя – все равно что писать симпатическими чернилами: по прошествии определенного времени написанное исчезает. Полное же игнорирование читателя наносит вред поэзии. Потому что если поэзия пренебрегает читателем, то он начинает пренебрегать ею. Результат известен. Поиски поэтического отдела в соседнем книжном магазине, в каком бы городе и в какой стране ни был этот магазин, – это приключение с неизвестным исходом.

Написание текста – дело интуитивное. Мы таким образом учимся вступать в контакт с собственным внутренним миром. Для меня лично поэзия – это умение видеть мир в необычном свете и убедить читателя, что его возможно видеть в подобном свете.

Лоренс Блинов

ДООС – звукозавр
Казань

В начале 70-х годов прошлого века в поэтических кругах Казани возникла идея о создании независимого поэтического сообщества, подобного тому, которое создали в начале XX века братья Бурлюки, подобного их «Гилее», ставшей центром притяжения для таких личностей, как будущие футуристы Хлебников, Маяковский, Каменский, Крученых...

На очередном сумбурном собрании этих «мечтателей» мне пришла в голову идея создать новое объединение с названием **ПОСОХ – Поэтическое сообщество имени Хлебникова**. Идею поддержали с неожиданным энтузиазмом. После бесплодных попыток найти решение вопросов в различных общественных организациях города, в том числе в горкоме ВЛКСМ, получили категорический запрет.

Волей-неволей объединение приобрело андеграундный характер, вследствие чего не все из тех, кто так активно стремился к участию в подобном литобъединении, решили остаться в нем.

И все же уже в сентябре 1973 года состоялось первое собрание, а вскоре определился основной состав участников. На одном из таких собраний было решено выработать своего рода «манифест» объединения, в котором была бы отражена идея ПОСОХа. Подготовить проект подобного документа было предложено мне. К очередному заседанию ПОСОХа основной текст был готов и после соответствующих поправок и уточнений полностью одобрен собравшимися.

Так возник программный документ, положения и эстетические установки которого на долгие годы определили работу нашего поэтического сообщества и творческую судьбу его участников.

Аркадий Перенов

Улан-Удэ

Велимир Хлебников почтовая марка». Чернильные ручки, цветные карандаши и простые. 25 декабря 2011 г.

Огласник ПОСОХа, или Поэтическое приглашение к вечернему чаю

Казань 1973 г.

1. Мы пришли потому, что место пусто. Оно давно нас ждет. Нам нет необходимости кого-либо ниспровергать. Все обстоит так, как и должно обстоять / как и обстояло всегда /: каждому свое. Наше – нам.

2. Мы пришли потому, что идущих далеко впереди – забыли: их не видно. Мы их не заменим; но ведь нам не заменить даже самих себя.

3. Мы никого не сбрасываем (и не собираемся сбрасывать) с «корабля современности», напротив, мы им каждому предоставляем право выбора любого лайнера, мы не ограничиваем их в возможности плыть, лететь из любой запредельности в любую повседневность.

4. Сами же мы, взяв в свои руки ПОСОХ, отправляемся своим путём, приглашая /чашка чая не столь уж и фантастический способ совместного старта/ к путешествию всех тех, кто не боится задохнуться неуловимостью тонкозвенящего, кто не боится в вытянутой руке, закрыв глаза, пронести одуванчик сквозь ураганную серость города, кто зачарован прохладным звоном серебра в глубинной синеве небес… Мы приглашаем вас пойти с нами, вас, отряхивающих пыль с высокозвездных струн в розоватые озера Весны; вас, не боящихся опрокинуть эти озера на пугливую белоснежность бумаги, чтобы пристально взглянув им в глаза, вновь и вновь мучиться вопросом: кто кого отражает…

5. Серый табун – уже не преграда нам. Наш ПОСОХ стоит любого кнута! Мы свободно проходим сквозь всю эту мычащую чащобу; перед нами – простор, мы уже слышим тончайшие колебания надводных струй /но мы способны постигать и заглубинные течения/; и нам некогда скучать. С нами великолепная и удивительная компания, обещающая никогда нас не покидать, компания, непременной спутницей которой является светящаяся лукавством Вечность со всеми своими многочисленными поклонниками и почитателями. Взор выхватывает, например, среди прочих аскетическую фигуру «великолепнейшего и честнейшего рыцаря поэзии», бессмертного Председателя Земного Шара, умеющего погружаться в себя со всею своей ратью будетлян, с художниками и пилотами; с математиками и галахами; с раклами и безумцами… Мы видим и его красивого двадцатидвухлетнего собрата в желтой кофте и черных штанах из бархата собственного голоса – впрочем, у него, говорят, был и еще один голос – для женщин и для того угрюмого и страстно-бесстрастного антипода своего – равно похожего, как известно на араба и, одновременно, на его лошадь, – роняющего слова «задумчиво и щедро – едва, едва, едва»… Здесь и преклоняющий лишь перед метафорой да и жизнью – разделяющий и исключающий всякое соседство двух этих ипостасей: «В присутствии розы не зачем читать стихи о розе, – либо роза, либо стихи станут лишними», – свято чтившего столь далекого в своем недоступном величии короля метафоры дона Луиса де Гонгору – сегодня и это воплощенное олицетворение одиночества здесь, и это не насилие, – он нас предвидел; но тут же поблизости и тот, кто гордо отринув имя своего тройного тезки – равно как и испаноязычность, предпочел тихо и незаметно погрузиться в Античность, дабы возникнуть затем с тихой ослепительностью неведомой славы, с застенчивой гордостью своих непостижимых «Трофеев» это Жозе-Мария де Эредия; и другой француз – утонченнейший Эжен Гильвик; и язвительнейший маэстро парадоксов, постоянно заставляющий истину слегка побалансировать на накате, дабы проверить ее достоверность, обнадеживающий зло и ослепительно, что «всякое искусство совершенно бесполезно»; и Фет; и анонимы древности… и – «постигающий мичиган», а рядом – и всегда чуть впереди – настолько же, насколько и несколько позади – космически величественный манхеттенец, с ног до головы укутанный в «Листья травы»… И Сартр… И Рильке. Мишо и Беккет…

Да мыслима ли и уловима вся эта плывущая своими течениями армада айсбергов даже и в своей надводной части недосягаемых, бесконечных и неохватных! Но как обойти? Как миновать?

… Шекспир … Марина … Элюар… И некий орнитолог, белоснежный шаманствующий словодей, завороженно и завораживающе исследующий гордую и великолепную утонченно-поэтическую птицу со своей озорной и ажурной чертовщиной и «Мертвыми душами» за душой… И фаустообразный Мастер со своею Маргаритой; и уж совсем похожий на нас одинокий и босой японский странник со связкою Рэнку под соломенным Плащом обезьяны; и могучая старуха Анна; и Верхарн; и коктебелец; и язвительно-освежающе-сокрушающий еврей Осип …

6. Прошлое поэзии (как и будущее) – свежо и обширно. Настоящее – поддернуто серым абсурдом ясности. Приступ поступательной дезориентации достиг своей вершины ныне по отношению к феномену «простоты». «Назад к Пушкину!» – кричат одни, не видя, что он намного впереди их затылков… «Вперед к Пушкину!» – вопиют некоторые другие (ракообразные). А если прибавить к этому всевозможные левые и правые позывы и призывы, то картина полнейшей дезориентации выявится во всей своей ясно ориентированной неопределенности.

7. Но мы против переосмысления здравого смысла. Здравый смысл неизменяем. Он неуничтожим. Отыскать тонкие горизонты пленительной неясности среди дидактического моря учено-филологического одичания – наша цель. Пробудить в душе затаенные туманности со всею гигантской утонченностью галактик – наша цель. Наша цель – пробудиться в слове и пробуждать.

В наши дни неосмотрительно быть осторожным.

Здравый смысл – болезнь. Болезнь духа.

Здравый смысл – тоталитаризация фетишей, – антипоэзия.

Здравый смысл – метафора в униформе. Мы ее обнажаем, возвращаем ей индивидуальность; мы заставляем ее жить своею собственною жизнью жить, чувствовать, совокупляться с бесподобными себе и рождать молнии. Молнии поэзии и Красоты.

8. Звезды горят не те. Звезды эстрады. Звезды кино. Звезды сиюминутности. Звезды сегодняшнего прошлого. Макеты и модели звезд. Без неба. Звезды сомнамбулизма и наркотиков.

9. Наш ПОСОХ – всем, кто видит над головой иной звездный шатер. Тем, кто способен увидеть его распахнувшимся, раскрывшимся подобно бутону с бездонным ароматом зазвездных сфер; кто не страшится ступить за горизонт.

10. Мы не признаем прозы. У нас нет стиха. Она. Одна она – ПОЭЗИЯ. Мы погружаем наш ПОСОХ в живую струю земли, и он расцветает музыкой птиц, живописью трав, поэзией зазеркальных гор.

Мы слышим, как в глубине протожизни пульсируют солнца, и видим Поэзию. Мы видим, как где-то в контурах слова трепещут крылья и слышим Поэзию.

11. Мы знаем, что кроме искусства существует политика. Благороднейшею политикой искусства является – внушать людям Красоту.

12. Красота – ничего не доказывает. Более того, она доказывает, что наиценнейшее доказательств не требует.

Александр Городницкий

•••

Когда уже жить остается немного,
И бурь не предвидится впредь,
Нас бес неуемный толкает в дорогу,
Мешая в дому умереть.
Быть может, у смерти на подступах ближних,
В последний отпущенный год,
Страшит подсознательно нас неподвижность,
Которая скоро придет.
Позыв этот, необъяснимый и странный,
Своим ощущали нутром,
Толстой, распростившийся с Ясной Поляной,
И Амундсен, бросивший дом.
Не верь ностальгии, внезапной и острой,
Что сердце морочит опять.
Нелепо вернуться на брошенный остров
Затем лишь, чтоб там умирать.
В стихающем гаме, в редеющем дыме,
Умножим тот славный пример,
Который давали стихами своими
Цветаева или Бодлер.
Уйти, позабыв про былые утраты,
С собою не взяв ничего.
Уйти, не заботясь о точке возврата,
Поскольку не будет его.
И кажется, утро еще, а не вечер,
И тянется тонкая нить.
Покуда пространство струится
навстречу,
О времени можно забыть.

2016

•••

Пахнет дымом лесных пожаров
Остывающая эпоха.
Если пишете мемуары,
Ни о ком не пишите плохо.
Верно это или неверно,
Как на это ни посмотреть,
Ваше мнение опровергнуть
Никому не удастся впредь.
Прописную припомним истину,
Поминая других добром:
Что однажды пером написано,
То не вырубишь топором.
Постарайтесь запомнить это,
Потому что с теченьем лет,
Через контур других портретов
Проступает и ваш портрет.
Что там истинно, что там ложно?
Всех забвения свяжет нить.
О покойниках же положено
Только доброе говорить.

2016

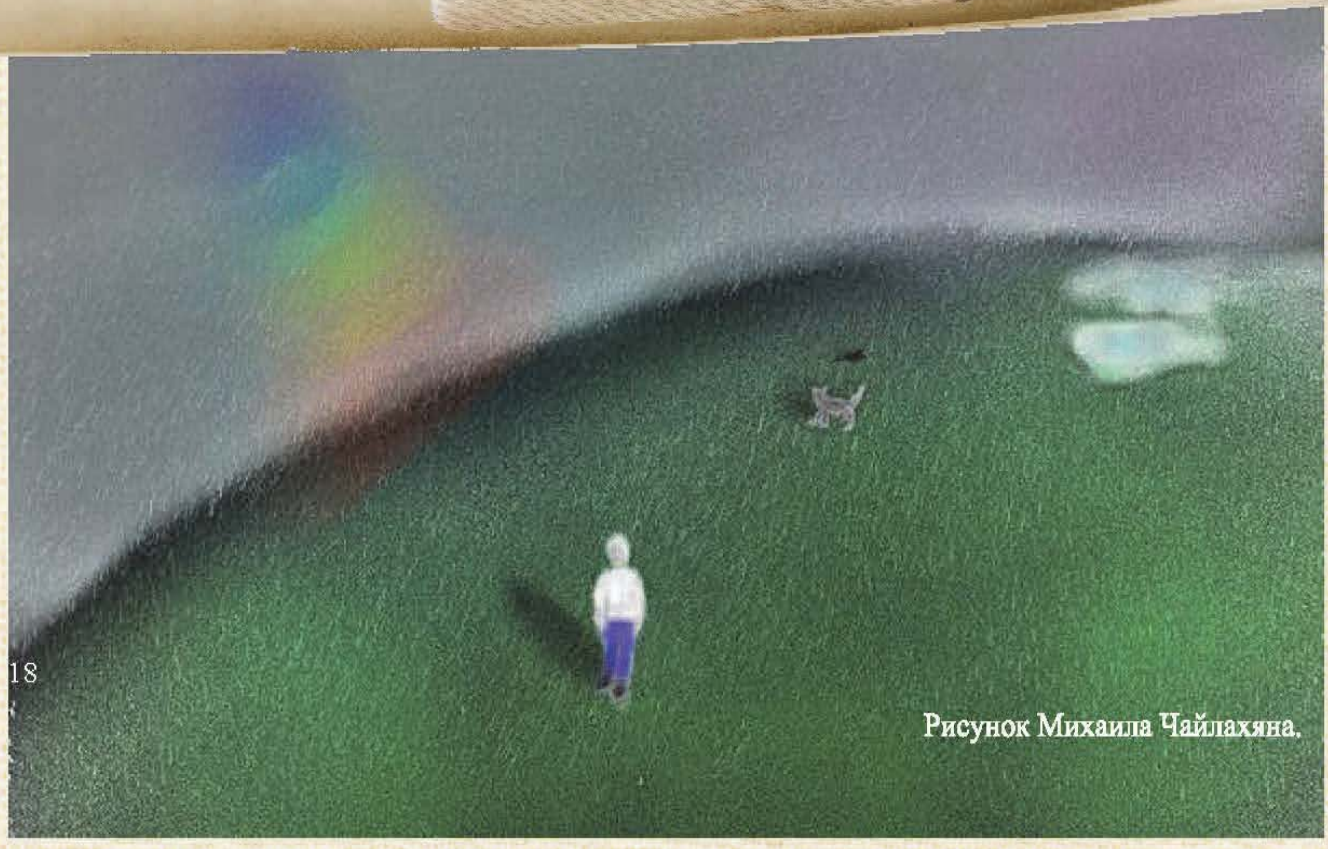


Рисунок Михаила Чайлахяна.

Александр Добровольский
Смоленск

ПОЭЗИЯ КАК МАНИФЕСТ СЕРДЦА

Шуршание слепых бабочек
в зрячей траве

Поэзия – прежде всего, прежде слов: слух. Этот слух – особый, внутренний – может быть, скорее свет, чем слух. Потому что желание услышать что-то, чтобы облечь в слово – луч.

Те, кто следуют за этим лучом до конца – создают поэзию бесконечности, ибо нет границы движению луча в неведомом. Те, кто останавливаются, привлеченные красотою переливающихся в луче красок и движений – создают поэзию тех миров, которым (и их обитателям) эти краски и движения принадлежат: поэзию многообразной жизни. Те же, которым их луч – окно, – претворяют в поэзию текущего момента то, что особенно настойчиво в это окно стучится.

Вышесказанное, разумеется, – схема, но ведь сам факт появления схемы говорит о том, что пора ставить вопрос: что дальше?

Но, кстати, отвлекаясь от столь тревожного и крылатого по сути вопроса, надо сказать – есть еще те, кто увидели в этом луче возможность обратной связи с неведомым, иначе говоря, возможность созидания новых реалий при переключении луча с приема на передачу. Назовем ли мы это четвертое «поэзией надежды» или «поэзией преображения» (имея в виду основное значение человека как творца), это лишь заострит вопрос, ибо ответственность на то и ответственность, что ее «конем не объедешь».

Так что же дальше?! Вопрос этот вставал перед каждым, будь то личная неурядица или судьба страны – и вызывал всегда одно: пересмотр пройденного пути. С каких позиций? – с позиций желаемого будущего. Тем, кому кажется сейчас, что будущее – не для них: пусть подумают о детях – о детях вообще – они уже здесь, и их доверие родившихся заслуживает мысли.

Будущее можно представить как огромный запас энергии. Поэзия утверждает сердце как способность вмещения – дитя и источник щедрости.

Леся Тышковская
кандидат филологических наук
ДООС – стрекозабочка
Париж

*

Поэт – тот, кто способен
без бижутерии рифм, ритма и метафор
создать произведение искусства.

*

Поэзия –
тест на выживаемость.

*

Из радости мотылька,
не долетевшего к вечному,
из взгляда-не-навсегда,
из недо-
из не-
Поэзия.

Александр Лысенко
Вена

МУЗЫКАЛЬНАЯ ПАУЗА

Фото Юрия Токранова.

Снимок на майке из коллекции Пермского краеведческого музея.

Юрий Беликов
Пермь

ДИКОРОССЫ, или ТРЕТИЙ ВАРИАНТ СУДЬБЫ

Почему одни фрахтуют ЦДЛ или едут на каникулы в Париж, а другие всю жизнь топят баньку по-чёрному? Отчего одни, выпуская книгу за книгой, дённо и нощно заспиртованы в телеэкранах, а другие на закате своей жизни после долгих уговоров соглашаются провести творческий вечер в заводской библиотеке?

Как говорил старый слесарь Черепаныч, плюнувший в рожу комсоргу Литинститута и с той поры кочевавший по лагерям:

Вы – поэты, мы – поэты,
Отчего ж, едрёна мать,
Вас печатают газеты,
Нам – заказана печать?
Блокам вы и мы – не пара,
Отчего ж и почему
Вам за слово –гонорары,
Нас – за жопу и в тюрьму?
– Уж не к равенству ли и братству ты призываешь?..

А вот и нет. Парадокс в том, что, предложи в своё время тому же Черепанычу или таймырскому охотнику Лузану махнуться судьбами с «фрахтующими парижанами» (те-то, понятно, с Черепанычем и Лузаном ни проживанием, ни планидой ни за что бы не махнулись!), и ведь, почесав в затылках да похмыкав, старый пермский слесарь и ещё не старый таймырский охотник-поэт отказались бы от этого соблазна. Да ещё бы прибавили:

– Незавидная у них участь! На том-то свете они что делать будут?!

За объяснением обратимся к авторитетам. Мой литературный крестник Павел Стовбчатый, восемнадцать лет без выхода откуковавший на уголовных зонах, а ныне ставший автором двух толстых, читаемых книг «Записки беглого вора» и «Коронованный судьбой», решил положить меня на лопатки в присланном письмеце:

«Мне удалось не только объяснить многие феномены (пророчества, сбываемость, неизменность и т. д.), но и свалить Доктрину Мира № 1 о свободе воли и выборе. Вдумайся, что я говорю и доказываю: 1. Человек не свободен. 2. Человек не имеет выбора. 3. Сила воли «срабатывает» только по судьбе и зависит, как и настроение, от вибраций Космоса. 4. Люди ни в чём не виноваты и не были виноваты никогда. 5. Судьба одна и она неизменна. Астрологи врут, что можно что-то изменить. Все ясновидцы не избежали своей участи. 6. У Бога ничего не вымолишь, и он не накажет. 7. Всё в мире стоит строго на своём месте».

Между тем «черепки Черепаныча» не уступают «гарикам» Губермана. А бегло прорифмованные, красные от мороза (есть белый стих, а есть красный стих), наполненные брёхом собачьих упряжек и дрожью полиэтилена вместо раздавленного медведем стекла, творения Сергея Лузана (вот тут я спотыкаюсь, ища известных, прижизненных уподоблений, и не нахожу) разве что сопоставимы с поэтическим примером Велимира Хлебникова. Но это плохой, хоть и хороший, пример: председателя земного шара, которого отпела степь, не занимали ни прижизненная, ни посмертная слава, либо её отсутствие.

А во все времена поэты подразделялись и будут подразделяться на тех, кто делает ставку или на прижизненном варианте судьбы с возможным героическим взятием Перекопа смерти (тут я начал путаться: после жизни – что, смерть? А после смерти – что, жизнь?), или, наоборот, – на зазеркальной, тоже прицельной, словно запланированное продление отпуска, посмертной поступи.

Но есть и третий вариант.

Безвестность – это не бесславье.
Безвестен лютик полевой,
Всем золотеющий во здравье,
А иногда за упокой.

Безвестно множество селений
Для ослепительных столиц.
Безвестны кустики сиреней
У непрославленных криниц.

Безвестен врач, в размыве стужи
Идущий за полночь по льду...
А вот бесславье – это хуже.
Оно как слава. На виду.

Большинство из дикороссов (поэтов края бытия) живут в этом стихотворении Владимира Соколова. Живут безвыходно. При всей разноречивости почерков и манер. «Стилистической близости у дикороссов нет и быть не может, – написал мне ярко выраженный сибирский дикоросс Сергей Данилович Кузнечихин. – Нас объединяет другое: тяга к воле, беспартийность (в широком смысле этого слова) и

принципиальное нежелание идти по дороге, которая объявлена единственно правильной. Литературная мода для нас не икона, не идол, а, скорее, пугало. У издателей и столичных критиков наши творения не в чести. Их можно понять. И мы иногда вроде понимаем, но дикоросская поперёшность характера сопротивляется и не даёт свернуть на главную (по их мнению) дорогу».

Далее Данильч прикинул, кого бы он мог зачислить в дикоросские ряды: «Если бы довелось выпивать с Пушкиным, я бы (захмелев и осмелев) предложил бы ему вступить в дикороссы. Мне кажется, он подходит по всем статьям. Без всяких сомнений записал бы к нам Дениса Давыдова, Некрасова, Цветаеву, Тинякова, Есенина, Георгия Иванова, Павла Васильева, Леонида Мартынова, Анну Баркову. Из невозведённых в классики обязательно пригласил бы Вениамина Блаженного, Владимира Корнилова, Глеба Горбовского, Валентина Устинова, Михаила Анищенко, Веру Кузьмину. Называю имена и тихо посмеиваюсь: кое-кто из них наверняка содрогнулся бы от предложенного соседства. Но на то они и дикороссы, чтобы, в том числе, содрогаться и поперёшничать. Несмотря на героическую биографию, не стал бы записывать в этот "полк" Гумилёва, потому что у него диктаторские замашки. По тем же причинам отказал бы Брюсову и Маяковскому. Я не люблю снобов, поэтому отказал бы Ахматовой, Бродскому и Кушнеру. Вне списков остались, например, Клюев, Блок, Пастернак, которых очень уважаю, но они другие…»

Здесь необходимо уточнить: Данильч живёт в Красноярске. Я не знаю, благо или, напротив, беда, что на смену давно исчерпанным белым географическим пятнам России, мощно в своей тайной слитности, но удалённо от её литературных магистралей, проступают белые пятна дикорастущей поэзии? От Красноярска до Ставрополя, от городка Пыталово на Псковщине до посёлка Лесогорск в Прибайкалье.

На фоне нынешней внутренней лоскутности нашего Отечества, сюда, в эти белые пятна, чаще всего, не ступала нога ни вдумчивого и расторопного издателя, ни благодарного читателя, ни храброго, приметливого критика, и, чего доброго, требуются опять походы Ермака, Дежнёва или Хабарова, дабы эти, обретшие стремительную дикорастущесть, российские земли, освоить заново.

Произнёс же 25-летний поэт из Иркутска Виталий Науменко:

Как эллин в Азии, как иудей в пустыне,
перебирая звёзд ущерб и нищету,
я падаю на дикую телегу
и в небо дикое расту.

ДИКОРОССЫ – ухватил в этом небе новое слово-созвездие великолукский поэт Андрей Канавщиков. В унисон выкладке Кузнечихина приведу из письма Андрея угловатую цитату в цитате: «Самобытно запротоколировал проблему один из героев гайдаровской повести «Школа»: "Какой есть интерес расти, как цветок в оранжерее? На него плюнь, он и завянет. Тернию, тому хоть всё нипочем – ни дождь, ни жара". Приходит, хотите вы того или не хотите, время новых варваров, дикороссов, чертополохов от литературы. Предмет, положенный Москвой на провинцию, будет ей однажды возвращён с прибавлением необходимых процентов. На каждого крёстного отца всегда найдётся парнишка с огнестрельной рукописью за пазухой. «Девочки бомбы в круглых несут животах», – сомнамбулирует А. Витухновская, даже не представляя, до какой же степени она права. Любая жизнь для бомонда крашеных сосисок – бомба. Тик-тик-тик – это часовой механизм тикает в жилетном кармашке.

Достаточно лишь однажды оторваться от поедания мясного фарша будней и подумать о том, что есть вокруг. «Пустите нас, – говорили некие. Завтра от иерихонского баса «Попробуйте не пустить нас!» все двери послетают с петель. Если, конечно, кто-то захочет входить внутрь».

От себя – вслед за Аркадием Гайдаром и Андреем Канавщиковым – добавлю: в том-то всё и дело: кажется, мало желающих входить внутрь.

Ни клобуков, ни мантий, ни регалий...
Рассеянные по лицу земли,
Невидимы держатели скрижалей,
Затерянные по степям кремли..., –

исповедуется новосибирец Константин Иванов.

Поэты третьего варианта судьбы приговорены в преимущественном молчании нести осознанные или неосознанные вериги собственного предназначения, творить не поддающийся огласке подвиг, пребывать не в альманашестве, а в литературном монашестве, не в схеме задачи, а в схиме незадачи, которая не предписана судьбою (вспомним кромешного зэка Стовбчатого: всё – по судьбе!) иерархам поэтической церкви.

– Хорошо хоть не олигархам! – отбил удар щитом каламбура Евгений Евтушенко.

Охотничий домик всё сильнее стягивал обруч сорокаградусного мороза – не грел камин, не грела водка, длинная заокеанская шуба, наброшенная на плечи высокого гостя, норовила, раскрывая поэта, соскользнуть на пол, но её движение, словно русло северной реки, то и дело обращал вспять добровольный местный Савельич, чей порывистый труд был награждён опять-таки крылатой фразой Евгения Александровича:

– Человек человеку – бабушка!

А я спросил:

– Говорит ли вам о чём-нибудь имя «Юрий Влодов!»?

Я ничуть не сомневался, что ответ будет не менее крылатым:

– В истории русской поэзии такого имени я не знаю!..

Всё-таки Блок дал фору нам на несколько столетий: «Там жили поэты, – и каждый встречал // Другого надменной улыбкой…» В двух номерах журнала «Юность» за 2002 год вышли 100 эпиграмм Юрия Влодова на ныне здравствующих литераторов, включая Евгения Евтушенко и вашего непокорного слугу. Когда я несколькими абзацами выше говорил, что большинство из дикороссов живут в стихотворении Владимира Соколова «Безвестность – это не бесславье», я как бы оставил зазор для меньшинства. Так вот, Влодов – матерый представитель того самого меньшинства, делающего ставку на втором варианте судьбы, именуемом «Посмертная маска» (сей текст был написан в 2002-м и после того, как земной путь Влодова в 2009-м году завершился, моя догадка о варианте «Посмертная маска» стала при деятельном и достойном уважения участии его вдовы Людмилы Осокиной затвердевать, как гипс, и, значит, я оказался прав – *Ю. Б.*).

При жизни известен эпиграммами на известных, неизвестен или, будем дипломатичны, малоизвестен собственными стихами. Тут хоть какие возражения ни выдвини (к примеру, неизвестен кому – вахтёрше Зине?), какой эпиграммой ни пометь снег отечественной словесности («Евтушенко стоит // в мутной Лете по пояс – не глыбко, // сам себе и старик, // и старуха, но, к счастью, не рыбка»), а всё равно, согласитесь, Евтушенко известен, Влодов – нет. А ведь, как и его бывший друг по юношеским игрищам и забавам Женя (во всяком случае, так мой тёзка утверждал – *Ю. Б.*) стихи-то пишет не хилые:

Я вдохнул недержание прозы –
Быта липкую лизь.
И поэзии жадные розы
Осеклись.

Юрий Беликов

Покупали меня, продавали,
Возбодряли спьяна.
Криво куцый стакан подавали:
«Пей до дна!»

Сердце стёрто. Дыханье приперто.
Не пройти напрямик.
И от Господа Бога до чёрта –
Рваный миг.

Можно ли, будучи наделённым Божьим даром, оставаться в России неизвестным? Даже если вы обратитесь к знаменитым «Строфам века», и язык их составителя доведёт вас, пусть не до Киева, но хотя бы до Харькова, уверен, что ваше внимание остановят стихи позднего сына царского сенатора Владимира Щировского, абсолютно неизвестного и, слава Богу, представленного Евгением Евтушенко с сибирской широтою. И вы наверняка почувствуете, как вибрирует мировая мембрана в творениях неведомого вам человека. Высокой чистотою звука, упрятанного, точно царевич Гвидон, в плывущую по волнам социального гульбища бочку самосохранённого таланта, эти стихи, пожалуй, превосходят давно отлитые в бронзе именные образцы. Но возрастает недоумение: «Где книги этого автора?!» Почему те известны, а он – опять-таки нет? Или воистину: «Невидимы держатели скрижалей»? Впрочем:

Красоты духовной чудо,
вор, святой, кумир футбольный,
проститутка иль весталка,
Моцарт, Гёте, Пушкин. Будда,
иль сосед твой малохольный,
записной клиент «Псковалко»…
Прожита, не прожита ли
между бытом и былиной
жизнь во всю длину годин –
на одной горизонтали,
из одной и той же глины,
и всему масштаб один! –

смотрит на землю из глубин дикого пыталовского неба поэт Геннадий Кононов.

Но вернёмся в охотничий домик...

– Работая над «Строфами века», я изучил всю карту русской поэзии! – не скрывая небеспочвенной гордости, объявил Евгений Александрович, как будто вогнал топор в одну из нерасколотых плах нашего промерзающего пристанища. Крепко вогнал – ни достать, ни плаху поднять на топоре.

Тогда я сказал ему, что эту карту надо изучать заново. Сегодня я говорю:

– Карту русской поэзии изучить невозможно...

Можно лишь лицезреть плаху, в коей завяз топор. А посему я хочу повиниться перед всеми неизвестными поэтами ещё не освоенных мной российских земель: мало я, видимо, сносил башмаков за три года существования в газете «Трибуна» постоянной рубрики «Приют неизвестных поэтов», ставшей основой для создания антологии дикороссов, для которой я написал строки этого манифеста, дабы вымолвить на пределе последнего откровения, как это сделал уже упомянутый пыталовец Кононов: «Под дождём бесконечным я смою Отчизну с лаптей...»

Жестковато и отчаянно сказано. Москва, о возвращении процентов которой размышлял «предметный» Андрей Канавщиков, чей предок Никола Канава, «был назван царём на восстании в Константинополе», не то что бы давно «смыта с лаптей» своенравными дикороссами – она на эти лапти уже и липнуть-то перестала. Не только там, за пределами Садового кольца, откуда приходят очарованные минчанки в обличии Анны Павловской, впрочем, уже издали видящие: «Москва похожа на верблюда, что носит сразу семь горбов», – и предрекающие: «Москва слизнёт меня лениво своим верблюжьим языком», – но и в самоей-то Москве, где «разбрелись по лужайкам сочного бакса хакеры, хукеры и номинанты на Букера», в среде её здравых насельников, Москва перестает липнуть к подошвам.

Я не люблю поэзии центоны –
её избыточного поголовья.
В её крови есть примесь ацетона,
что выдаёт неважное здоровье.

Я не люблю поэзии концепта –
профессорши, не понятой телятами,
в ней что-то от кошачьего концерта,
с милиционером в Доме литератора.

Когда в лицо ударит кровь минут
среди обломков рухнувшей громады,
какое дело мне, куда идут,
трубя в свой горн, Тимур с его командой, –

пожимает могучими плечами продолжатель плодоносной ветви Павла Васильева московский поэт Сергей Строкань. Но речь не о Москве, а об Отчизне. Если хотя бы один её печальный сын исторг этот нещадный вздох «...смою Отчизну с лаптей», стало быть, Отчизна того заслуживает?..

«Дикороссы» – это не антология, а образ той самой

Сибирско-уральский десант дикороссов в Парке истории реки Чусовой.

Слева направо: Михаил Тарковский (Бахта, Красноярский край), Александр Ёлтышев (Красноярск), Николай Игнатенко (Томск), Юрий Беликов (Пермь), Марина Саввиных (Красноярск), Сергей Кузнечихин (Красноярск), Антон Борисов и Роман Мамонтов (Пермь).

пыталовской или уже не пыталовской жизни. Срез этой жизни, трагично всплуженный пласт, являющий парадоксальную строчку екатеринбуржца Сергея Нохрина, погибшего после драки от разрыва аорты: «И на пустых скамейках нету места…» Анатолий Култышев выбросился из окна московской многоэтажки, Александр Казанцев – из окна томской; Борис Гашев убит во дворе собственного дома в Перми; в том же городе задохнулся от дыма при пожаре в заброшенном здании бесприютный Валерий Абанькин; ушли от тяжёлых болезней в Обнинске Валерий Прокошин, в Великих Луках – Андрей Власов, в Пыталово Псковской области – уже не раз упомянутый Геннадий Кононов, в Екатеринбурге – Олег Балезин, в Перми – 24-летний Арсений Бессонов; в Москве утонул в Кировском затоне 19-летний Илья Тюрин...

Не сеятель взращивал книгу, но книга взращивала сеятеля. Нужно было только приглядеться к граням проступившего кристалла, его рисунку, понять заложенный в нём код, чтобы выносимые в заголовок строки каждого автора в сумме своей выстроились в некую смысловую последовательность, оборачивающуюся кардиограммой дикоросса, подобранного на стыке леса и поля, веси и града и помещённого под капельницу: «Отогретую флейту берёг» (Иван Воробьёв), «А крылатым тварям – только сети» (Надежда Герман), «Вожжи придумали позже» (Алексей Шманов), «Он сруб рубил, а получился выруб» (Валерий Абанькин), «На этом пиру не участники» (Сергей Кузнечихин), «МНЕ ДАЖЕ ЛЕНЬ ПЕРЕКРЕСТИТЬСЯ» (Борис Косенков), «Упал мужик в осеннее ненастье» (Александр Ёлтышев)...

Когда труд был близок к завершению, я пригляделся не к словам, а к числам. Три части книги, они являли Троицу: Отца и Сына, и Святаго Духа. «Скрижали» («Невидимы держатели скрижалей»), где представлены поэты, покрытые шрамами и облучённые сединой, – это, очевидно, Отец. «Кони» («Необученные кони навязались в экипаж»), сфокусировавшие поэтический молодняк, – по всей вероятности, Сын. «Мел» («Мел возникает и слоится»), запечатлевший судьбы ушедших, – Дух.

В «Скрижалях» я насчитал 21-го автора. В «Меле» –7. В «Конях» –12. Двенадцать апостолов. Семь дней творенья. Семёрка, умноженная на три (Троицу), превращалась в 21. То есть – в Отца. В Библии читаем: «В 7-ой месяц, в 21-ый день месяца, было Слово Господне через Аггея пророка». Согласно «Библейской нумерологии», число 21 означает таинство духовного продвижения. К тому же 21 зеркально выстраивается в 12, а 12 – в 21. В общей сложности числа 21, 12 и 7 рождают цифру 40.

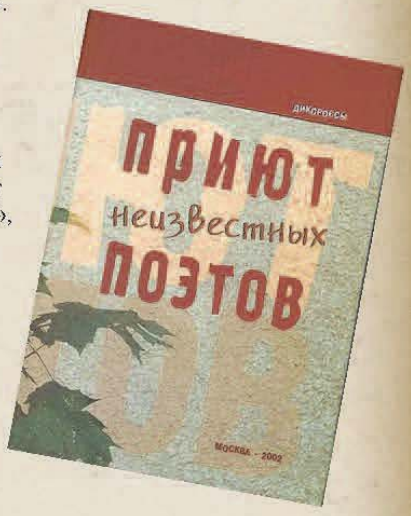
Сорок поэтов...

От забитого насмерть городскими отморозками крестьянского исповедника Николая Бурашникова из Кунгурского района Пермской губернии до изысканно-музыкального ставропольца с почти что графским именем – Сергей Сутулов-Катеринич.

Сорок дикороссов.

Сорок сороков...

Бом! Бом! Бом!



Вместо предисловия к антологии «Приют неизвестных поэтов», М., «Грааль», 2002.

Марина Александрова

Нижневартовск

ЭТЮД В ЭЛЛИПСИСЕ

Эгоисты – в экстремисты,
Экскурсанты – в эксгуматы.
Эпигоны – в экстернаты,
Эрудит – под экскаватор.

Эполет в экипировке –
Этикетка экстерьеру.
Экономика в экстазе,
А эффекты – экс-премьеру.

Экономки у экранов,
Как эксперты у экстракта.
Экзальтация эгреток –
Эшелон эякулята.

Эпатаж эротоманов –
Экспозиция в эректор.
Экзекут электоратов:
Эстетичное – в эжектор.

Эпизода эксцессивность,
Экзотичность экспоната,
Эпилога экспрессивность…
Эпос-экспериментатор.

ТАНЦОВЩИЦА

Танцовщица – на площади
перед рынком.
Для воздушного шёлка
хватает и солнца, и ветра.
След от ног и от пыли –
туманная дымка.
В ритме плещутся чёлка
и сорок косичек длиной больше метра.
Ничего, что прохожие
удивляются.
Если музыку слышно,
костюм красивее, чем лето,
И свиданье предложено,
пляшет красавица.
Плачет сердце парнишки
и ждёт от плясуньи ответа.
Господа, не серчайте.
Оставляйте на рынке-базаре,
Продавайте, меняйте, теряйте –
что куплено, создано.
А в моём халифате
я танцую, и, чтобы вы знали,
Наслаждаюсь весенними розами.

Ирина Силецкая
кандидат социологических наук, друг ДООСа
Прага

Для продвижения русскоязычных писателей в Европе, работы над переводами, объединения литературного пространства Европы и стран СНГ, реализации двух больших фестивальных проектов «Славянские традиции» в России и в Европе, в 2011 году в Праге зарегистрирован **Европейский конгресс литераторов (ЕКЛ).**

Проекты фестивалей литературы и культуры «Славянские традиции» в России и в Чехии

Главной задачей наших проектов является пропаганда, развитие и укрепление позиций русского языка и других славянских языков в Европе, Украине, Белоруссии и других славянских странах, переводы произведений писателей наших стран, сближение наших славянских культур, изучение и издание произведений русских и других славянских писателей, писателей Евроазиатского пространства через переводы на русский язык.

Для этого проводится отборочный литературный конкурс, в международное жюри которого входят известные писатели, а также и преподаватели Литературного института им. А.М.Горького. Финалисты приглашаются на фестиваль в Крым. В Крыму определяются победители фестиваля, которые, как и финалисты, затем приглашаются на фестиваль в Европу, в Прагу. В Европу приезжают выступать и демонстрировать русскую поэзию и литературу финалисты и победители фестиваля.

МАНИФЕСТ

Европейского конгресса литераторов

1. ЕКЛ рассматривает себя как модель сотрудничества многочисленных писательских союзов и отдельных литераторов, составными элементами которого являются их равноправие, уважение многообразия их творчества и культуры, предпочтение решать проблемы путем диалога. В условиях бурно развивающихся процессов глобализации мира ЕКЛ воплощает в себе прообраз объединения, поддерживающего «единое в многообразии», взаимосвязанное и взаимозависимое творчество.

2. ЕКЛ декларирует невмешательство в политическую жизнь стран проживания членов конгресса.

3. ЕКЛ принимает к руководству своей деятельности концепцию ЮНЕСКО «культуры мира», которая получила поддержку Генеральной Ассамблеи ООН – новой культуры межнационального и межкультурного общения, которая предполагает новый тип человеческого общежития, основанный на взаимной терпимости, ненасилии, уважении многообразия культур, традиций и религий, соблюдении прав человека, ЕКЛ приглашает к сотрудничеству литераторов различных политических взглядов при условии не обсуждения в рамках работы в ЕКЛ политических вопросов.

4. ЕКЛ не участвует ни в каких политических акциях, не подписывает никаких политических петиций, обращений и т.д., не касающихся вопросов литературы и культуры.

5. ЕКЛ поддерживает своих членов только в творческих литературных вопросах.

6. ЕКЛ продолжает, сохраняет и уважает традиции русской литературы и языка, других славянских литератур и языков.

7. ЕКЛ уделяет большое внимание образованию, самообразованию и повышению профессионального уровня путем тесного сотрудничества с Литературным институтом им. А.М.Горького (Москва), филологическими образовательными учреждениями и профессиональными писательскими союзами всех стран.

8. ЕКЛ является объединением профессиональных литераторов, имеющих изданные книги, напечатанные статьи и имеющих признание в литературных кругах своих стран.

9. ЕКЛ призвана пропагандировать творчество своих членов путем проведения фестивалей, конференций, изданий сборников, литературных переводов, использования СМИ стран участников конгресса

10. ЕКЛ считает своей главной задачей сближение и взаимообогащение литератур стран участников конгресса, создание системы издания, распространения изданных книг и их переводов в этих странах.

Валерий Басыров
Симферополь

*
Быть может, я и грешник:
своих обидчиков прощаю,
обиды – никогда.

*
Жизнь – авансцена небытия.

*
Мы видим то,
к чему готовы.

*
Когда душа вольна
её нельзя унизить…

*
Не верю никому –
покаюсь только перед Богом.

*
Из добрых дел
я сделал плот
моей Судьбы.

Акифуми Такеда
профессор
Тояма

カラスがカラスを食べている
死んだカラスが生きたカラスに食べられている
生きたカラスが死んだカラスを食べている
読書家よ、君の蔵書票はこれに決まった
さあ、羽根をむしって肉を獲れ！

Вольно по-русски обошелся с вороной Арсен Мирзаев.

EX LIBRIS

Пожирает ворону ворона
Это твоя, червячок, «корона»,
твой фирменный книжный знак.
Гложет ворона живая вороний труп.
Вместо шуршанья страниц – «хруп-хруп»…
Питайся и ты мертвечиной –
иначе не станешь мужчиной!..

Андрей Врадий
ДООС – светозавр
Москва/Лейпциг

Парк четырех измерений / Парк 4 D /

1
я обернулся, и…
это только холодный ветер и иней
я почти у цели
молчание просвечивает сквозь деревья,
я остановился
мои шаги отскакивают от стен,
я стараюсь не думать
это только пятнистые сумерки

2
я стараюсь не думать
это только пятнистые сумерки
я остановился
мои шаги отскакивают от стен,
я почти у цели
молчание просвечивает сквозь деревья,
я обернулся, и…
это только холодный ветер и иней

3
я обернулся, и…
молчание просвечивает сквозь деревья,
я почти у цели
мои шаги отскакивают от стен,
я остановился
это только пятнистые сумерки
я стараюсь не думать
это только холодный ветер и иней

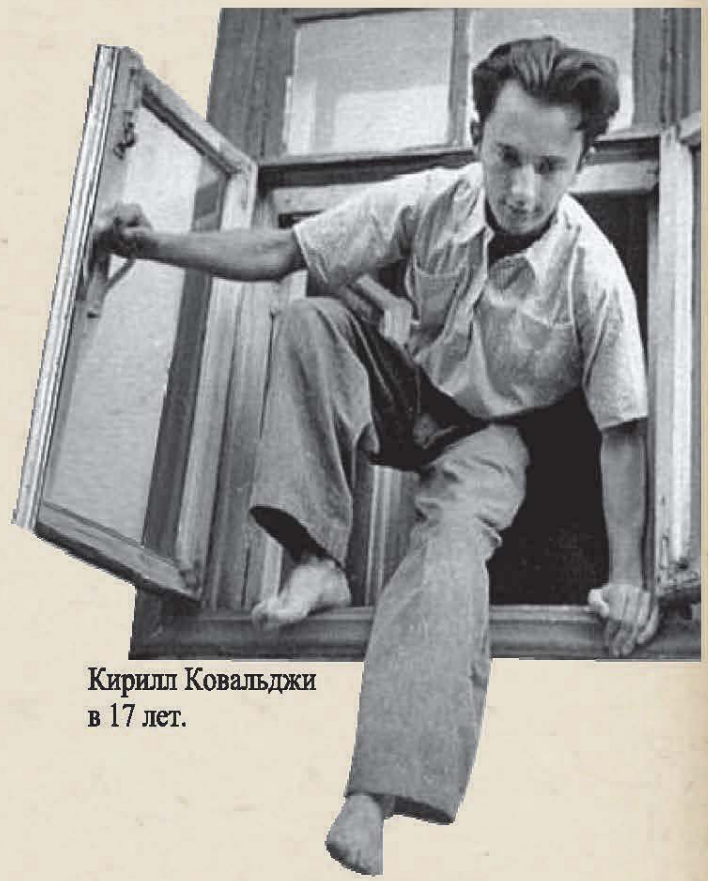
4
это только холодный ветер и иней
я стараюсь не думать
это только пятнистые сумерки
я остановился
мои шаги отскакивают от стен,
я почти у цели
молчание просвечивает сквозь деревья,
я обернулся, и…

Кирилл Ковальджи
ДООС – кириллозавр

Со смущением вспоминаю стихи конца 1947 года – но это, так сказать, документ…

ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ

Жить в гостиницах, в поездах,
В мягком вагоне или в тамбуре,
Месить дороги с сумой на плечах,
Слушать песни в цыганском таборе
Любить
Кротко и нежно прелестную
Может быть, как жену и мать,
Чтоб была она чистой песнею,
Чтоб у ней на груди отдыхать,
Любить
И ту, что меня не полюбит,
Жестокую, гордую ту,
Что не даст пригубить
Умирающему в бреду.
Жить, принимая всё,
Всё, что можно, пусть будет испытано,
Жизнь городов и сёл
Сердцем открытым впитывать,
А потом, взвесив жизнь в тишине
Рассказать о том, что прочувствовал,
Что скопилось во мне –
По ночам и по дням без устали
И сгореть на таком огне…
Я родился, чтоб жить любопытствуя,
чтобы жадно, запоем жить
И об истине бескорыстно
Для живущих стихи сложить.



Кирилл Ковальджи
в 17 лет.

Людмила Салтыкова
ДООС – рязаура
Рязань

МОЙ МАНИФЕСТ
(словесный палиндром)

Пой песню, поэт, песню пой!
Ты волен – вот лозунг твой,
От звезды летишь до звезды.
Чтишь лозунг свой – волен ты,
Зришь в корень – летишь до звезды.

Авангард – то первый ряд,
Ряд первый – то авангард!
До звезды летишь, в корень зришь,
Ты волен, свой лозунг чтишь.
До звезды летишь от звезды,
Твой лозунг вот: волен ты.
Пой песню, поэт, песню пой!

23.01.2016 г.

Людмила Крыжановская
Херсон

ИДУЩИЕ

О, сколько раз мы рождены
И сколько раз рождали!
Какие судьбы сплетены –
Мы сами их сплетали.
Рождались под лучами звезд
На гребнях Высших Сроков,
Мы гибли у кровавых верст
И с правотой пророков…
Чтоб к вам во тьме пришел Рассвет,
Мы снова возвращались,
И, принося Всевышний Свет,
Мы среди вас рождались!
И мир, как много лет назад,
Духовностью крестили,
И Красоты прекрасный сад
Столетия растили.
Свои сердца для вас зажгли
Мы звездами ночными,
Чтоб через тьму вы к нам пришли,
Вы – ставшие святыми!
И будет ваша суть – Любовь!
Но… Духа Крылья Огневые
И сердце позовут вас вновь
К идущим и в края родные!
Неся огонь в холодной мгле,
На гребнях высших сроков
Вернетесь к матушке Земле
Вы – с правотой Пророков!..

Александр Карпенко
ДООС – афганозавр

ПАНАЦЕЯ

Альберту Швейцеру

Я живу, дыханьем пламенея,
Силой духа мыслим и творим.
Есть одна от смерти панацея –
Это жизнь, что отдана другим!

Встречи с другом пылкое мгновенье –
И тоски развеется туман.
Есть одно лекарство от забвенья –
Это жизнь, что просится в роман.

Я мечтаю нежным быть – и нужным,
И, когда сбывается мечта,
Прихожу я в родственные души,
Чтобы в них остаться навсегда.

Этот мир – твердыня катаклизмов,
Но, как всадник, что всегда в седле,
Я благоговею перед жизнью,
Как пред высшим благом на земле.

И ещё не раз, благоговея,
Повторю соратникам своим:
Есть одна от смерти панацея.
Это – жизнь, что отдана другим.

1980

ВЕТЕРАН

Ветер мало печётся о ранах.
Лишь стаккато бутылки в стаканах,
Да застенчивый чайник осипший –
Словно соло живых о погибших...

Захлебнутся рыбацкие лунки
Непрозрачною горечью рюмки.
Перекусит волна океанов
Всю перкуссию гулких стаканов!

Так неужто и вправду мы в силах
Вновь вернуть нам товарищей милых –
И призвать, как волшебную строчку,
Тех, чьей жизнью живём мы в рассрочку?

Тонкий мир между ними и нами
Станет тоньше, отпетый ветрами,
И взлетят голосящие очи
По наточенным лезвиям ночи.

И замрёт, окликаясь на имя,
Эхо встречи меж нами и ними.

Николай Варнавский
Ужур, Красноярский край

ЗАЧЕМ МЫ ЗДЕСЬ

Зачем мы здесь, на этой милой,
Такой израненной земле.
Что скоро станет нам могилой,
И все мы канем в забытье.

Зачем так сладостно желаем,
Души бессмертье обрести!
Раз все равно мы умираем,
И ничего нет впереди.

И почему, с судьбой играя,
И позабыв про совесть, честь,
Мы, жизнь впустую прожигая,
Мечту лелеем – что-то есть!

И проливаем тайно слезы,
Когда на жизненном пути,
Нам помогают наши грезы,
В душе надежду обрести.

Кому нужны пустые грезы,
И недоступность бытия!
Нам не подвластны даже слезы,
И лабиринты жития.

Нам не понять души явлений,
Пока по воле высших сил,
Не отделив от зерен плевел,
Мы не узнаем всех причин.

Вперед, в пути не отдыхая!
Уже забрезжился рассвет.
Когда дойдем, никто не знает,
Туда, где есть на все ответ.

Туда, где все не имут сраму!
Где правда голая видна!
И, как свеча в священном храме,
Душа твоя обнажена.

Где для одних, вполне по праву,
Чьи мысли чисты и светлы,
Все обернется высшей славой,
Другим же – смертию души!

Одним, на пике просветленья,
Поют свободы Манифест!
Другим – голгофой искупленья,
На плечи ляжет тяжкий крест!

И длится то со дня творенья!
И будет так от века в век.
Пока окутан неведеньем,
Венец природы – Человек!

1999 г.

Александр Раткевич
Полоцк

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К КАТАРСИЗМУ

Возникновение литературного направления катарсизм относится к апрелю 1989 года в г. Полоцке (Беларусь), когда первыми его сторонниками, членами литературной группы «Полоцкая ветвь» (преобразованной в 1994 году в Республиканское общественное объединение), был написан Манифест катарсизма и заложены его первоначальные теоретические основы. Дальнейшее развитие катарсизм получил в поэтических сборниках и во вступительных статьях антологий, в которых излагаются новые элементы литературного направления и формулируется его сущность: «Катарсизм являет собой ни что иное, как преодоление мёртвоутверждающих пафоса и этоса и движение к жизнеутверждающим путём трагедизации характера, эмпатизации души и обновления поэтического языка произведени». Обобщением десятилетнего развития направления стали написание второго и третьего Манифеста (1999) и выход из печати в 2000 году первого тома литературно-теоретического альманаха «Катарсизм», представивший как творчество катарсистов, так и их теоретические работы. Как отмечается в «Литературной газете» (№ 47-48 (6302), 24-30.11.2010, проект «Лад», с.4): «Катарсисты помимо духовного очищения ратуют за освобождение искусства от всего наносного, не подлинного, приблизительного. А именно – приветствуется точная рифма, отчётливый ритм; при формальной ясности желательна виртуозная метафорическая образность, для создания которой требуется высокое версификационное мастерство. Пунктов, для того чтобы поэта признали настоящим катарсистом, довольно много, не меньше, наверное, чем в XIX веке для принятия в масонскую ложу. Трудно сказать, возможно ли полностью им соответствовать, наверняка можно утверждать то, что раз подобные поэтические направления возникают, значит, есть определённый запрос времени».

В дальнейшем катарсизм приобрёл своих сторонников не только в Белоруссии, но и за её пределами. В 2000 и 2001 годах в Полоцке состоялись две конференции, посвящённые проблемам развивающегося направления. В 2009 году первый Манифест катарсизма был опубликован за рубежом (Manifest katarsizma. // Novi Susreti, журнал. – янв.-март 2009. – G.II, Br.6. – P. 10).

Осталось прояснить: а чем же особенным отличается катарсизм от других литературных направлений? Вопрос важный. Но в том-то и дело, что катарсисты не ставят цели найти для своего направления нечто особое, чтобы этим выделиться в потоке литературного процесса. У катарсизма иные задачи. В этом смысле хорошо отмечено во вступлении альманаха: «Катарсизм имеет кардинальное отличие от ранее и ныне существующих литературных направлений. Он идёт от обратного: не центростремительным, а центробежным путём, что и является фундаментальным принципом его существования». Таким образом, катарсизм – это направление не единства, а многообразия литературных мировоззрений, это не однорусловая река, а многорусловая, но берущая начало из одного общего для всех потоков поэтического истока. В любом смысле новые благотворные идеи возникают при столкновении разных, а лучше, противоположных точек зрения. То есть, в катарсизме важна индивидуальность автора, и чем резче эта индивидуальность, тем катарсичнее писатель.

ПЕРВЫЙ МАНИФЕСТ КАТАРСИЗМА

А

1. Сила поэтов не в степени их похожести, а в степени оригинальности
2. Объединённость разных мировоззрений даёт возможность для скорого и более полного раскрытия талантов
3. То, что нас разъединяет, соединит нас

Б

4. Жизнь – материал, душа – мастерская
5. Истину не брезгуй искать и в дерьме
6. Вложи в произведение весь свой капитал: честность, искренность, благородство – и ты не останешься нищим.

В

7. Поэт, изумив современников, ты покоришь потомков
8. Не самовозвеличивайся
9. Наше творчество и интересы отражают нашу Нравственность.

Г

10. Относись с осторожностью не к чему-то новому, а к чему-то привычному, устоявшемуся
11. Бунтующий предпочтительнее покорно исполняющего (бунт не ради бунта, а ради обновления)
12. Убей в себе цензора, но сохрани редактора.

Д

13. Являясь порочным, имею ли я право клеймить пороки других? Имею, если я начал с себя
14-15. Резать по больному – необходимость во благо, но поэт не хирург, слово не скальпель, явь не болезнь.

Е

16. Мы не относим себя к мировоззрению декаданса, мы относим себя к мировоззрению гуманизма
17. Мы не замыкаемся на себе и готовы сотрудничать со всеми, кто этого пожелает
18. Мы не ставим перед собой цель коренного изменения поэзии.

Ж

… Наша цель – катарсизм

ВТОРОЙ МАНИФЕСТ КАТАРСИЗМА

«Преобразуйтесь обновлением ума вашего». ап. Павел (Рим. 12,2)

А

I. Реальность двучастна, так как в ней всё материальное и духовное выражает друг друга.
II. Материя – это надсознание и сверхсознание, т.е. окружающая человека реальность.

Б

I. Дух – это сознание и подсознание, т.е. составляющая человека идеальность
II. Дух выражает материю, эстетически преобразуя её, что является искусством

В

I. Как всякому искусству, художественной литературе свойственна трансформация видимой и слышимой действительности в поэтические преобразы.
II. Преобраз – врачует и очищает идеальность, т.е. совершает катарсис.

Г

I. Но так как образ – оболочка, а символ – ядро эстетической мысли,
II. То исцеление одного вызывает обновление другого, что и выражается поэзией.

Д

I. Катарсизм – это преобразование и совершенствование поэзии, как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания.
II. Форма выражает своё содержание, поэтому несовершенство формы диктует несовершенство содержанию.

Е

I. Форма совершенна, когда Правильна и Пластична.
II. Содержание совершенно – когда Пронзительно и Полезно

Ж

I. Форма и содержание едины, если в них происходит сгущение вымысла и действительности в миф, идеально воплощающегося в стихосложении.
II. Стихосложение – это сосуд (форма), в котором, как вино (содержание) бродят и отстаиваются символы и Преобраз

З

I. Катарсизм призван усиливать брожение отстаивание эстетической мысли, выраженной стихотворной речью.
II. Мысль и речь – общественны, чувство – Индивидуально

И

I. Мысль является эстетической, если на ней ощущается отпечаток внешней реальности, прошедшей через дух поэта,
II. Характеризующийся как раскованностью, так и рискованностью, как ясностью, так и живописностью

К

I. Стихотворная речь, как материализация мысли и чувства, есть высшее проявление языка, но
II. Ввиду беспрерывного её совершенствования, нельзя утверждать, что в поэзии действуют абсолютные законы, скорее – тенденции.

Л

… Поэтому катарсизм – постоянно преобразующееся возобновление идеальности.

(16.03.1998 /31.08.1999)

ТРЕТИЙ МАНИФЕСТ КАТАРСИЗМА

А

I. Искусство – сильнейшее возбуждение воображения –
II. Предназначено воспламенять сознание и подсознание;
III. Но если ожог даёт осадок, то сожжение дистиллирует Дух.
IV. Катарсис – огненная кровь эстетической природы

Б

I. Надрывность и пластичность – взаимопеременчивые полюса символов,
II. При этом гармония полюсов образна.
III. Надрывность – в жертвоприношении символа,
IV. Пластичность – в восприятии искупления образом.

В

I. Вселенную оплодотворяет пронзительная мысль поэта.
II. На алтаре воображения рождается Возвышенный Дух,
III. Блаженством нисходящий на художественную реальность.
IV. Катарсизм изначально гедонистичен.

Г

I. Будущее определяет поэзию настоящего,
II. Которая символична собственным преображением.
III. Сущность символа постоянна,
IV. Сущность преобраза катарсична.

Юлия Андреева
Санкт-Петербург

Питер – пиитов град

Питер – пиитов град. Рифмопад в сияющую своими белостишьями призрачную ночь. Петербургскую ночь с ее обнаженными и полуобнаженными богинями в летнем саду, с ее ступенями на спусках к воде, словно приглашающих продолжить свое знакомство с городом по его водным магистралям. По рекам с отражением все того же Питера.

Поэтического города, энергетического центра земли, месте силы пиитов.

Здесь они кормятся от сосцов большой медведицы, крестятся то южным то северным крестами, шепчут, ругаются, ворожат. Поэты заполняют этот город сверху донизу, шелестят страницами, скрипят перьями, щелкают на клавиатурах компьютеров.

Поэты любят этот город, и город любит своих поэтов. Не материнской всепобеждающей, всепрощающей любовью и нежностью, а так как может любить ревнивый, закомплексованный невротик, желающий чтобы предмет его воздыханий – поэт принадлежал единственно ему. Чтобы сопереживал, вникал и поклонялся этому извергу – городу, построенному вопреки логике и здравому смыслу, а основываясь единственно только на поэтических видениях, мистических откровениях, на снах, бреде. Да, по причине, чтобы было красиво…

Это Блок его заколдовал белыми ночами, это Достоевский припечатал непонятными страхами клаустрофобией доходных домов, сквозными ранами переулков. Это Гоголь наложил на него заклятье любви и восторга, и Геннадий Алексеев показал лазейки, сквозь которые можно вдруг скользнуть в прошлое, где ждет тебя любовь единственная.

Питер – пиитов град, со всеми своими статуями, песнями и спешащими куда-то прототипами будущих еще не воплощенных, не сотворенных в этом мире героев.

Питер – болезнь моя, мечта, надежда и отрада.

Алиса Клио
Санкт-Петербург

* * *

Неувядающая красота розы
Живёт в каждом любящем сердце
Дольше, чем сама роза.

«Знаешь, я вчера встретил Мону Лизу» –
«Ну, и как она выглядела?» –
«Обычно».

В этом городе-океане,
Полном человеко-рыб,
Каждому нужен кто-то,

Кто сможет вытолкнуть на поверхность –
К Солнцу и звёздам –
Глотнуть неизведанного…

Но когда нежданная боль,
Вдруг разрывает грудь,
И ты погружаешься в самый глубокий омут,
А твой горизонт промокает от слёз…
…ты понимаешь,
Что на дне тоже растут розы.

Они помнят Солнце ещё с тех времён,
Когда оно не стеснялось
В океане купать золотые вёсла.
Где они упали, теперь растут розы,
Чтобы светить нам в ненастные дни.

«Знаешь, я вчера встретил Мону Лизу,
У неё было такое лицо!» –
«Бедняжка, ей нелегко затеряться в толпе!»

Розы – частички солнца.
Частичка любви живёт в каждом сердце
Дольше, чем само сердце.

27.04.2006

* * *

«…оставляя земле лишь тень…»
В. Цой

Сегодня я ухожу в облака.
Сегодня мне дали прогноз хорошей погоды:
Сказали, всё будет спокойно и ясно – пока…
А мне – много ль надо для взлёта!

С хорошей погодой вас, люди!
И на земле,
И в небе нужна воздушная лёгкость мысли.
И жить я могу только так – на крыле,
А там, внизу, просто тень – от меня и жизни.

23.01.2004

Стихи
на русском
и немецком

Елена Зейферт

доктор филологических наук
ДООС – Зейфертзавр

МОЛЧАНИЕ

Моё молчание, как золото
в тигле
твоего молчания.

Ты решаешь,
сколько ему кипеть,
когда переполняться через край
и прорываться наружу.

Но ты не решаешь
судьбу слитка.

DAS SCHWEIGEN

Mein Schweigen ist wie Gold
im Tiegel
deines Schweigens.

Du entscheidest,
wie lange es sieden soll,
wann es überkochen
und sich Bahn brechen soll.

Aber du entscheidest
über das Schicksal des Barrens nicht.

Анжелина Полонская

Москва/Франкфурт

ЦВЕТОК ОТЧАЯНИЯ

Нет. Лучше молчание.
Цветок отчаяния на губах.
Не печалься,
хотя бы раз
каждому
выпадает
тропинка к дому,
занесённому тишиной.

Мы вернёмся
ненадолго.
Дождь ударит о подоконник,
и два мака
воспоминаний
вздрогнут
в прозрачных каплях.

Столько света.
Загорятся потухшие лампы,
и никто за столом
не признает, где живые,
где мёртвые.

Нам отпущен
единственный день –
повидаться.
Так откроем шампанское.
Все уходят,
журавли смотрят в небо,
блекнет наш циферблат.

Куст желаний,
оборвал ветер ленточки,
и с тех пор
не страшна
темнота надо мной.

Пусть моё отражение
в глазах твоих остаётся,
иероглиф,
покуда совсем не исчезнет.

11.11.16
Frankfurt

Зиновий Антонов

КАРАНДАШИ

когда бывает ночь душой
а день лишь телом
огни свисают нагишом вокруг не смело
вычерчивая не спеша рельефы улиц
когда вынашивает план победы дело
ещё не ведая своих глупцов и умниц
я выхожу сажусь и для души
точу о ночь свои карандаши

затем рисую серым кохинором
на синем фиолетовом и чёрном
резоны смыслы аргументы дня
в котором нет уже давно меня

когда не ждёшь что будет и не хочешь
желать рассвета чтоб сменить цвета
и карандаш твой как стилет заточен
да глаз не тот да и рука не та
зачем мне завтра хуже чем вчера
и рифмовать его не стоит даже
когда есть двор и на дворе трава
и на траве дрова но всё в продаже

не верить в бога в солнце
ход часов
зарыться в память потонув в зелёном
и красным протопить огромный дом
опаловым залив закат калёный
и вспомнить...

ничего не вспоминать

опять придет ко мне мой добрый будда
я возвращаюсь к ночи чтоб не спать
точу цветной
и не рисую будто

Лариса Пушина
Владивосток

МАНИФЕСТ О ПОЭТИЧЕСКОМ СТИЛЕ БЕЛЬКАНТО

Рифмованные, экспериментальные, верлибрические произведения в стиле бельканто не лучше и не хуже других, просто они есть, а теперь отнесены к определённому стилю и обозначены манифестом, чтобы появилась возможность сразу отличать такие стихи от иных. Упор сделан на безупречность звучания поэзии, но также назван ряд не менее важных признаков стиля бельканто. Объективные критерии стихотворений всех жанров и видов впервые очерчены и отделены от предпочтений, зависящих от позитивных или негативных межличностных отношений, склонностей оценивающих к оптимизму или пессимизму, патриотизму или его противоположности, приятию или неодобрению эволюции языка в виде иностранных заимствований, теизму или атеизму, изысканности или упрощённости, социальных установок, образовательных уровней, культурных бэкграундов, минутных настроений и многих других факторов.

СТИХИ В СТИЛЕ БЕЛЬКАНТО

1. Не более двух слов подряд с «р». #belcanto: нация говорит по-французски. Нет: народ говорит по-французски.

2. Не более двух слов подряд со свистящими звуками. #belcanto: в Брюсселе спокойствие и тишина. Нет: в Брюсселе спокойствие и безмолвие.

3. Не более двух слов подряд с шипящими звуками. #belcanto: в блестящих модных украшениях. Нет: в блестящих щегольских украшениях.

4. Не более двух слов подряд, начинающихся с одной буквы. #belcanto: милый элегический Милан. Нет: милый мечтательный Милан.

5. Не более трёх гласных на стыках слов. #belcanto: пили вино у Алисы. Нет: пили «Аи» у Алисы.

6. Не более трёх согласных на стыках слов. #belcanto: пение скворца. Нет: писк скворца.

7. Отсутствие звуковых ошибок в виде одинаковых гласных на стыках слов. Не бельканто: весьма аляповатый.

8. Отсутствие звуковых ошибок в виде одинаковых согласных на стыках слов. Не бельканто: очень низменный.

9. Отсутствие повторов слогов на стыках слов. Не бельканто: с трудом домыслить.

10. Наличие хотя бы одной метафоры, аллюзии, сравнения или другого тропа.

11. Альфа-бельканто. Отсутствие в стихотворении повторов знаменательных слов.

РИФМОВАННАЯ ПОЭЗИЯ В СТИЛЕ БЕЛЬКАНТО

12. Безупречно выдержанный стихотворный размер.

13. Отсутствие тавтологических рифм. Не бельканто: два евро – три евро.

14. Отсутствие полутавтологических рифм. Не бельканто: бег – забег.

15. Отсутствие глагольных рифм, слишком тривиальных для русскоязычных поэтов эры интернета и компьютеров. Не бельканто: жить—тужить.

16. Альфа-бельканто. Более половины рифм качественных, насколько возможно точных, с высокими степенями созвучий. Учитывать не только согласные после ударных гласных, но и согласные перед ударными гласными.

Взаимозаменяемы:
ж, ш, ч, щ (#alfabelcanto: каштаны—долгожданны);
з, с, ц (#alfabelcanto: целей—свиристелей);
парные согласные (#alfabelcanto: краю—играют);
л, м, н (#alfabelcanto: полотно—светло).

Не взаимозаменяемы:
шипящие и другие звуки (не альфа-бельканто: каштаны—фонтаны); свистящие и другие звуки (не альфа-бельканто: небосвода—квота); «р» и другие звуки (не альфа-бельканто: хорваты – витиеваты).

17. Альфа-бельканто. Отсутствие банальных рифм. Практически любая рифма может быть отнесена к таковым, поскольку почти все рифмы многократно включались в стихотворения. Для стиля бельканто будет составлен список гамма-рифм, допустимых на уровне бельканто, но неприемлемых на уровне альфа-бельканто.

18. Альфа-бельканто. Более половины рифм со словами в разных падежах и числах или с разными частями речи. #alfabelcanto: Фиджи – афиши, фонтаны – сребротканы.

ГАММА-РИФМЫ

Рифмы, допустимые на уровне бельканто, но неприемлемые на уровне альфа-бельканто. В списке нет небельканговых рифм: тавтологических, полутавтологических, глагольных. Не включены также некачественные рифмы, заведомо неподходящие для альфа-бельканговых стихов. Перечень краток и легко запоминаем: выдающиеся стихотворные способности встречаются редко, учитывать при сочинении рифмованных произведений все критерии бельканто и альфа-бельканто одновременно с громадным количеством гамма-рифм почти невозможно. Каждый поэт волен пользоваться более объёмным списком тривиальных рифм.

Боль – любовь	Кошка – окошко
Век – человек	Красота – пустота – чистота
Всегда – никогда	Луна – одна – тишина
Голубой – тобой	Морозы – розы
День – тень	Народа – природа
Друг – вдруг	Опять – пять
Душа – хороша	Ресница – страница
ли – метели	Слова – трава – права
Жаль – печаль	Стихи – духи
Земля – тополя	Судьбе – тебе

Александр Бубнов
доктор филологических наук
ДООС – палиндрозавр
Курск

СЛОВОТВОРЧЕСТВО – БОЖЕСТВОРЧЕСТВО!

Как известно многим, а, может быть, каждому, – «в Начале было Слово…», и ПОнятно, что оно ПОявилось первым, и по сути это был первый Неологизм. Иначе говоря, Словотворчество – это не изобретение футуризма, а изобретение Бога, творящего Вселенную!.. В Начале было СЛОВО-ТВОРЧЕСТВО, и Словотворчество это продолжается здесь, сейчас, всегда… и ныне, и присно… Рождение Слова – по Образу и Подобию – это рождение Мира, рождение Человека, рождение Поэта!.. Для поэта Слово – это Божество! Значит, Словотворчество – это Божестворчество!

Божестворчество! Слово – как текст,
переплётная ткань событий...
Под единой обложкой столетий –
перелётная лёгкость сердец.

Божестворчество – это боль,
боль вселенной в рождении плоти
во вселенской огромной палате,
где у каждого – своя роль.

Божестворчество – это ворчание,
это жалоба духом сытых,
низких правд и дорог размытых –
истин бренное размывание...

Божестворчество – это верчение
цветомузык галактик спиральных,
мириадостолетий сакральных –
в электронах размытых рождение –

Рождестворчество Вечного Духа,
воплощённого на орбитах,
в ДНК, как в дарах, – это свиток
календарного тварного круга...

Божестворчество – это жест,
это взмах предполётной длани,
распростёртой над
полем брани,
чтобы не было
лишних жертв

Боже, творчество тает Твоё,
как снега в предвесеннех чаяньях,
влагой потчуя расстояния
до времён, где живёт жнивьё.

Божестворчество – это створ,
это створки твоих приоткрытий
в коридоры больших событий,
собирающих всех в собор.

Словотворчество – Божий створ
поэтического пространства
открывающихся ворот
для твоих приключений и странствий

по дорогам лесным, просёлочным,
или тропам горным и дольним,
где, возможно, разбросаны доли
слов – высоких, мудрых, весёлых...

По крупицам их собери,
вспоминая игру ребёнка,
свою долю найди и тонко
по подобию сотвори

слово новое... Не нашлось?.. –
Вспомни старое доброе снова,
только вспомни ТАК, чтобы слово
словно снова бы родилось.

Божестворчество – это Бог,
создающий твоими руками
мир и музыку, храм и камень
в стенах храма или у ног…

А чудес не пройдёшь, любя;
хоть всю страсть призови,
хоть рассудок, –
Божестворчество отовсюду
смотрит пристально на тебя!..

Как заря, что с надеждой встречали,
как природы светлая часть,
да продолжится здесь и сейчас
Словотворчество, что в Начале!..

16-24.01. 2016

Юрий Москалев
Смоленск

●

Для меня очевидно, что поэзия исполнена какой-то кружащей голову и пленяющей сердце тончайшей энергией. И даже у самого начинающего автора возникает чувство единения с вселенской истиной в моменты творчества. Поэтому им кажется, что их произведения уникальны и чрезвычайно важны.

Субъективно они совершенно правы, поскольку любое мгновение творческого вдохновения абсолютно новое, уникальное. Это как река, в которую дважды не вступишь. Берега вроде те же, что и вчера, но сколько воды уходит и приходит с течением каждую секунду! Да и берега постоянно меняются под воздействием движущегося потока воды, растений, рыб и прочей живности.

И река духовной жизни любого человека ни мгновения не стоит на месте, поэтому любое вхождение в неё даёт человеческой природе чувство исключительности, которое человек (эго его), склонен понимать не как исключительность творческого мгновения, а как исключительность произведения, возникшего под влиянием чувства или предчувствия света. Но умение видеть и чувствовать свет и умение искусно проявлять его в земном материале – не одно и то же.

Да и возможно ли точно и совершенно проявить даже небольшой фрагмент каждое мгновение меняющейся реки любви, радости и света? Каким бы выдающимся не казалось нам произведение искусства, оно всё-таки остаётся просто смутной тенью того тончайшего переживания души, которое легло в его основу.

Ольга Журавлёва
ДООС – стрекожур

МАСТЕРСТВО

Ещё предполагала вьюга на мир обрушиться стремглав,
Когда тотемная зверюга периметром перешагав
Свои полночные волненья, дневную тень пересекла –
Подзацепило вдохновенье узором стылого стекла.
Пока пространство не накрыло от стужи помертвевшим сном,
И желтоватый свет уныло фонарь-удильщик под окном
Льёт, не печалится об этом двором переходящий кот,
Зрачком, прищуренным к рассвету предчувствуя круговорот
Событий доблестных и славных на грани скованных снегов,
Трусит маршрутом своенравных, не чувствуя иных шагов.
А ночь тиха, и только ветер от облаков простор раздув,
Пузырь Луны над миром вертит как виртуозный стеклодув.

3 декабря 2014

Александр Моцар
ДООС – лавразавр
Киев

ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ ВРЕМЕНИ

Манифест-квадрат

Я никогда не считал «Черный квадрат» Малевича живописью в полном смысле этого слова. Когда о «Квадрате» говорили, что это манифест, трибуна, генератор идей, я соглашался. Но и хулители объекта меня никогда не раздражали, ведь и они, по своему, были правы в оценке такой живописи. Впрочем, к ним я не относился никогда.

Я с равным интересом прислушивался и к философам, которые на теме «Квадрата» формировали социальные и мистические доктрины, и к историкам, которые рассматривали его как некую культурно-историческую парадигму определенного исторического этапа. У меня был даже знакомый футуролог, который пытался заглянуть в будущее человечества, глядя, по его выражению, в это «окно». Словом, тема.

Часто обращаясь к «Чёрному квадрату» я, на каком-то этапе решил для себя, что сам по себе квадрат – скорее всего перформанс, нежели живопись, т.е. в свое время Малевич подготовил, загрунтовал холст, на котором ничего не изобразил, оставив его для художника будущего. Своё мнение я никогда и нигде не озвучивал, считая его недостаточно оригинальным в отличие от мнений профессиональных художников и арт-критиков.

Нет смысла в очередной раз упоминать, сколько было воздвигнуто всевозможного качества концептуальных идей на плоскости «Квадрата». Также бессмысленно описывать воздействие магии этого полотна на последующее искусство. Напомню только, что «Чёрный квадрат», в свое время был объявлен «иконой» т.е. «святым» неприкасаемым объектом, который наделён сакральным, мистическим смыслом.

Недавно, блуждая по бесчисленным лабиринтам Интернета, я, опять совершенно случайно, наткнулся на «Квадрат», датированный маем 1929 года (всего их четыре). Будто притягиваемый магнитом, я стал рассматривать полотно. Внезапно передо мной открылась некая космическая панорама, наполненная осмысленным действом. Люди и животные сплетались в хороводы и пляски, отмеченные жизнью и смертью, смеялись и радовались, ссорились и убивали, рушили и воздвигали, взывая о своем существовании.

Стряхнув с себя внезапное видение, я неожиданно для себя понял, что всего лишь рассматриваю кракелюр – трещины, которое оставило время на полотне. В этот момент мне показалось, что я понял замысел художника. Оставив черное пространство, Малевич предоставил рисовать на нем другому художнику – Времени. Все мировые катаклизмы, войны, победы, прозрения, безумие, тоска и ликование запечатлены на этом гениальном полотне. Я увидел панораму XX века, нарисованную Временем и подписанную Казимиром Малевичем.

Татьяна Бонч-Осмоловская
Dr. of Philosophy
Сидней

17 тезисов к пониманию литературы формальных ограничений

Тезис 1.

Все богатство литературных тенденций в современной российской поэзии сводится, предельно обобщая, к двум направлениям: «традиционной» и «авангардной». Первое из них следует романтизму, акмеизму и другим категориям вел.рус.лит. – с набором из пяти основных размеров, сложившимся набором рифм и задаваемых ими интонаций. Вся ее традиция укладывается в 200-250 лет российской словесности. Второе направление ведет начало от громких открытий начала XX века и так к ним и ссылается, постоянно в своем «авангардизме» оглядываясь назад. Существует однако и третье направление – поэзия формальных ограничений, которая опирается на десятикратно более долгую традицию, чем литература «традиционная», и использует настолько нестандартные подходы, так что ее постоянно принимают за литературу «авангардную».

Тезис 2.

В основе литературы формальных ограничений – методы, известные на протяжении тысячелетий, и открываемые заново новыми авторами. Причем для определенных эпох был характерен особый интерес к этому виду творчества: античность (введены законы риторики, открываются первые формальные приемы, от общих до случайных ропаликов, тавтограмм, анаграмм…); поздняя латинская эпоха (практика определенных формальных приемов, визуальные тексты); позднее средневековье (монастырское письмо и творчество Великих риториков); классицизм и барокко; некоторые авангардные опыты начала XX века; вторая половина XX века – Франция, группа УЛИПО; наше время.

Тезис 3.

В Россию высокие формы стихотворной организации были привнесены в XVIII веке западно-славянскими просветителями Митрофаном Довгалевским, Симеоном Полоцким, Антиохом Кантемиром, но были обрублены сначала с политическими реформами Петра, казнившего среди прочих, и поэта Сильвестра Медведева, а затем и с общеевропейской победой романтизма и последовавшего за ним реализма, отрицавших поэзию-технику и поэзию-игру.

Тезис 4.

За долгое время это направление носило множество имен: технопегний, литература формы и игры, когнитивный авангард, академический авангард, ограниченный рационализм, потенциальная литература, комбинаторная литература, недавний термин – эрготическая литература. Многие авторы, начиная заниматься этой литературой, открывают ее для себя и дают ей новое имя. Следуя этой традиции, я предлагаю еще одно название: «лифорг». Термин «комбинаторная литература», принятый сегодня в России, не самый удачный. Хотя бы потому, что за этим термином закрепилась связь с выборочными практиками: в первую очередь, с палиндромами. Впрочем, сама гибридность, кентавричность, химерность этих текстов выносит их в конфликтную область словесности, что ставит под вопрос уже саму возможность определить ее рамки и дать критерии.

Ольга Филиппова
Каменск-Шахтинский

Обезьяна

(логогрифо-анаграммная)

Он, она… Озноб,
без боя озяб.
Зона неба – озон,
на баяне я б
за боязнь абаза
за безе зазнобе,
за обоз обязан…
Зная об ознобе,
на боа, на бабье,
бязь – не за банан…
Но на баобабе
не без обезьян.

Ловля мух

(акроквадрат)

(М)(У)торно от (Х)(А)ндры… . (М)(У)зыку бы!.. . .ти(Х)(А)
(У)троМ из грУстныХ фрАз МУдрусть твоя… впопыХА(Х)
(Х)МУришься… . . Холод нА дне… оМУт нелепыХ тАб(У)
(А)(Х)н(У)в бы, перелетел, но от(М)(А)(Х)нусь наоб(У)(М)

Роза ветров

Бабочка из перевернутых Ясов

! !
! !
* *

взмыл авиатор . . . . . Р . . . . . резко по курсу
ловит в своё решето . . . . . О . . . облачный фронт под крылом
молнии через . . . . . З . . . . . залежи грузов
лёгкую дрожь лепестка . . . А . . . адрес доставки размыт
*
скорость потоков . . . . . В . . . . . вихри спиралей
чувствуешь на высоте . . . . . Е . . . если сравнить то с цветком
сны оживают . . . . . Т . . . . . так же красиво
вертится флюгер . . . . . Р . . . . . раньше казалось
почву обрёл бы давно . . . . . О . . . . . опыт важнее а дух
небо утратив . . . . В . . . . . вряд ли поможет

Тезис 5.

Определение и разграничение текстов, относящихся к лифоргу, трудно еще и потому, что абсолютно «бесформенных» текстов не бывает. Правила и формальные приемы внутренне присущи языку и текстам, которые на нем создаются. Единая система алфавита, языка, отношений грамматики, стилистики и прочего, всегда задает определенную, более или менее строгую формализацию текста, и вопрос отнесения приема к «традиции» или «эксперименту» – тоже зачастую вопрос традиции.

Тезис 6.

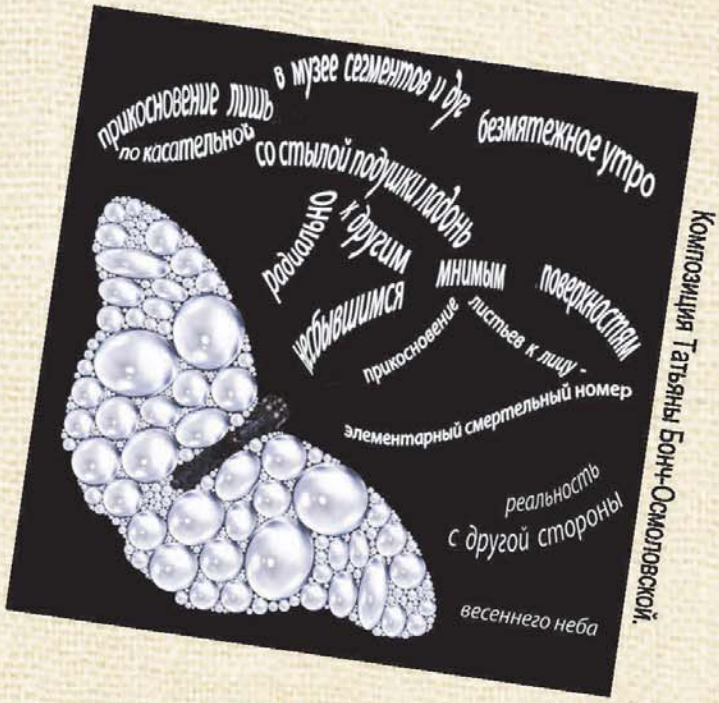
Все же, изучив и проанализировав множество текстов, основанных на разнообразных строгих формальных приемах, можно предложить следующий подход: такие тексты – это тексты второго прочтения, позволяющие и требующие неоднократного и неоднозначного их прочтения. Скажем, палиндром читается вперед и назад, в анаграмме переставляются буквы, в листовертне объект переворачивается, в двойственном тексте обрывает строку на половине, в акростихе сжимается до первых букв строки, в лабиринте есть определенные строки и ряды, по которым открывается иной текст… Второй (а возможно, и третий, пятый, сто тысяч миллиардный) текст может совпадать или не совпадать с исходным, такие образом предъявляя изнанку, внутреннюю сущность, тайную миссию слова. Дополнительный способ прочтения может быть открыт читателю автором или скрыт от него, переводя прием в формат «второго дна» в барочной эстетике тайной составляющей мироздания. Таким образом в лифорге соединяются самая долгая традиция и самое смелое новаторство.

Тезис 7.

Стилистика лифорга самая широкая: это яркие экспрессивные тексты, часто комичные, эпатирующие, абсурдные, саркастичные, обусловленные присущим им двойным дном. Но также и удивительно тонкие, лиричные, посвященные духовным поискам. Границы поэзии формальных ограничений лежат в концептуальной и аксиоматической, не в технологической области. Работать с формальными приемами можно используя карандаш и бумагу, в том числе в визуальной поэзии; компьютер, в том числе в компьютерной графике; генерируемых текстах, интерактивных текстах и так далее; с помощью видео и медиа-технологий.

Тезис 8.

Перечислю несколько приемов формальной литературы – это абецедарии, ропалики, тавтограммы, липограммы, моновокализмы и моноконсонантизмы, пантограммы, акростихи, мезостихи и телестихи, лабиринты, палиндромы и анаграммы, ограничения на количество букв в слове, на использование определенных букв на определенных местах в тексте. В русской комбинаторной литературе приняты русифицированные наименования этих и других приемов: заикалочки, встрои, проявы, двоевзоры, краеграммы, волноходы, гиперлипограммы… А также леса сложной структуры объемных поэтических и прозаических текстов (см., например, «Жизнь. Способ употребления» Жоржа Перека) – наиболее, имхо, интересные.



Композиция Татьяны Бонч-Осмоловской.

Тезис 9.

Перечислю нескольких авторов российской литературы формальных ограничений: Борис Гринберг ради поэтической выразительности доходит до акробатической виртуозности слова, Иван Чудасов в комбинаторных вариантах исчерпывает возможности перестановок, Павел Байков и Валерий Силиванов всматриваются в слово, находя невиданные связи и значения, отмывая слово от наслоений многократного употребления в стёртых метафорах, ставших клише, Света Литвак расшатывает строгую форму, следуя от порядка к хаосмосу, еще помнящему о былом порядке. Одни используют известные (специалистам в истории литературы) приёмы: другие – изобретают совершенно новые формы, как применение в стихотворчестве разложения чисел на простые множители.

Тезис 10.

Перечислю некоторые издания и собрания, благоприятствующие ЛФО. Первые фестивали комбинаторной поэзии были организованы в Москве в палиндромных 1991 и 2002 годах Германом Лукомниковым и Андреем Белашкиным. В 2000-х Евгений Харитонов проводил и продолжает проводить фестивали Лапа Азора, собирающие самых разных экспериментирующих авторов. Фестиваль комбинаторной поэзии ГолосА-6 прошел в марте 2014 года в Чебоксарах с необычайно широким спектром участником. В интернете и на бумаге ЛФО и эссе о ней, исторические и аналитические, печатают выходящий с 1995 года «Журнал ПОэтов» (редакторы Константин Кедров и Елена Кацюба), интернет-издание «Другое полушарие» (редактор Евгений Харитонов), журналы «Дети Ра», журнал Санкт-Петербургских писателей «Зинзивер», «Футурум АРТ» (главный редактор Евгений Степанов), публикации появляются в журналах «Черновик» (редактор Александр Очеретянский), «Окно» (редактор Анатолий Кудрявицкий), «АКТ» (редактор Тамара Буковская и Валерий Мишин) и других. Многие авторы размещают свои работы в личных блогах, в жж или фб.

Тезис 11.

Тезис 11.

Зачем же эти авторы занимаются сложными и непонятными приемами, вообще уделяют время формальным стихотворным приемам? Авторы лифорга следуют известным им правилам или изобретают собственные приемы, используя ограничения для усиления энергии высказывания. Если авторы дали себе труд ознакомиться с историей литературы, они обращаются к античной риторике, средневековой схоластике, элегантности классицизма, разнообразию и сложности барокко. Эти эстетики выглядят так необычно в наше время, что работы зачастую огульно относятся к радикальному авангарду.

Тезис 12.

В чем тоже есть смысл. Наполненные сегодняшним содержанием, эти приемы становятся средством радикальных преобразований текста. Применяя вместо известных стихотворных размеров новые, определенные новым (или таким древним, что уже позабытым) формальным приемом, автор обновляет спектр поэтических средств, переходя от асфальтированных и оборудованных указателями парков регулярной поэзии или заросших травой прерий верлибра к клондайкам свежих поэтических месторождений. Здесь у поэта перехватывает дыхание от драгоценных запасов, хотя и требующих больших усилий по добыче.

Тезис 13.

Чего же добивается автор лифорга, погрузившись в катакомбы литературных ограничений? В идеальном случае творчество в рамках навязанных автору правил не сковывает, но высвобождает, позволяет и обязывает автора добиваться новых художественных результатов. Автор лифорга остается наедине со своим ограничением и собой. Жесткость правила стимулирует творческий поиск – заставляет использовать нестандартную лексику, неологизмы и архаизмы, диалектные и иноязычные термины, ненормативные морфологические и синтаксические конструкции. В зависимости от приема – заставляет применять нестандартную сюжетную логику, создавать нелинейную мотивацию персонажей. Применение строгих и сверхстрогих правил высвобождает язык от культурных клише, заставляет автора выверять каждое слово, но и освобождает от любого морализаторского, социального, коммерческого и идеологического давления.

Тезис 14.

Письмо по формальным ограничениям трансформирует роль автора. Это уже не творческий полет, но со-творение. Автор становится скорее открывателем (не всегда – первооткрывателем) сущностей, уже явленных в языке, облачаясь скорее в лабораторный халат, чем в тогу пиита. Таким образом, автор становится со-творцом (пусть крошечного) мироздания, вводя новые явления в мир посредством называния их. Этот мир – выверенный сбалансированный космос, в его изначальном греческом понимании, совершенный и сбалансированный. Работа автора – кропотливая, техничная, возможная после долгого смиренного ученичества.

Тезис 15.

Что не мешает ему увлеченно играть, смеяться, испытывать все (в мире лифорга – предельно сконцентрированные) человеческие чувства. У каждого мастера лифорга – собственный узнаваемый почерк, задающий и выбор формальных приемов и тональность высказывания.

Тезис 16.

Роль читателя также изменяется – он становится со-автором, надевая тот же лабораторный халат и вооружаясь лупой и скальпелем, погружаясь в лабиринты, созданные автором и прокладывая в них собственный маршрут, отзываясь на предложенную автором игру, открывая или проходя мимо каких-то дверей, создавая собственные варианты произведений. Читатель становится активным участником процесса чтения, сам творя смыслы и возводя собственную ротонду космоса лифорга. Текст, созданный на основе строгого формального приема, сродни хорошей математической загадке. Его прочтение, а точнее – восприятие и понимание, сродни решению головоломки и вызывает тот же восторг понимания тайн слова и в слове – мироздания.

Тезис 17.

В идеальном произведении лифорга поэтический (или прозаический) замысел облечен в тело языка на фундаменте формального ограничения, как живой организм в тело на основе спиралей ДНК, разветвленных кровеносных сетей, позвоночника и прочего. Если один из основателей УЛИПО Франсуа Ле Лионне сравнивал создание произведения потенциальной литературы с созданием живой материи в пробирке, то современные успехи биокибернетики дают основание полагать, что при должном умении и усидчивости и в литературе формальных ограничений возможны качественные достижения. Чтобы насладиться ими, необязательно знать всю подноготную литературной биоинженерии. Но это помогает, если читатель хочет не просто пройти по поверхности, но заглянуть в глубину, разобраться в сюжете, мотивации, выборе стиля… – включиться полноценно в игру, предложенную автором.

В качестве прографа процитирую Валерия Кислова, в послесловии к нашей антологии «Свобода ограничения. Антология современных текстов, основанных на жестких формальных ограничениях» (составители Т.Бонч-Осмоловская, В.Кислов. М.: Новое литературное обозрение, 2014) цитирующего Рэмона Кено: «перебирая правила размера и ритма, выискивая формулы и алгоритмы, высчитывая слова и буквы, авторы, возможно, пытаются найти ту предельную точность и объективность языка, которая позволила бы выразить то, что редко поддается выражению в субъективной человеческой речи. Идея утопическая, но от этого не менее благородная: явить очертания совершенного творения, уловить мерцание высшего смысла, передать дух абсолютной формы». Вероятно, об этой недосягаемой, но сколь завораживающей цели писал Рэмон Кено в книге «Черточки, цифры и буквы»: «Правила исчезают, когда отживает их ценность. Но формы существуют вечно. Существуют формы романа, которые навязывают предложенному материалу все свойства Числа; рождаясь из самого выражения и разнообразных аспектов рассказывания, органически связанная с направляющей идеей, дочерью и матерью всех вовлеченных элементов, развивается структура, которая дарует произведениям последние отражения Универсального Света и последние отзвуки Гармонии Миров» (Raymond Queneau *Bâtons, Chiffres et Lettres*, Gallimard, 1950 / 1965. C.33)».

Впервые опубликовано в журнале Цирк-Олимп, N 18 (51), 2015.

Александр Савостьянов
Клинцы

Про-ре-гресс-Ы

Логогриф-Ы

НАРОД, А СУШИЛИ КАМЫШИ ЛИ МЫ?!
А Рода сушили камыш, или мы?..
Род! А сушили камыши ли мы?
О, да! Сушили камыш, и Лимы!
Да сушили камыши ли мы?
А суши ли, камыш, или мы…
Сушил и камыш, и Лимы!
Ушили камыш, или мы…
Шили камыши ли мы?
Ил и камыш, и Лимы?
Лика, мыши ли мы?
И камыши ли мы…
Камыш и Лимы?
А, мыши Лимы?
Мы шили, мы!
«Ы» шили мы?
Шили мы?
Ил и мы…
Л-и-м-ы
И м-ы…
м-ы?
ы…?

игРА РА

(ЛогогРАфика)

А
я:"А" –
я – РА,
яр РА,
яро – РА,
ярок РА,
я-рок, РАд:
ярок, РАда,
ярок РА дар,
ярок и РАдар!
я-рок, игРА-дар,
ярок ига РАдар,
Я-рок, игРА РА-дар!

Валерий Силиванов

АНАГРАММАНИФЕСТ

Жалко, мы не победим.
Поднимем же бокалы!

Днем осветители
сидели в темноте.

Я начинен зельем.
Мне иначе нельзя.

Желал жить.
Лежит. Жаль.

Один в поле
не повидло.

У меня дико развит интеллект.
Я трезвенник, атлет и мудилко.

Вот мандарин я ем.
На морде вмятина.

Просто иду.
По дурости.

Я никем не понят.
Меня нет. Я поник.

Лежишь на диване. Борешься за правду.
Забираешься в пруд. И дальше не важно.

Жил без тоски. Говорил весело.
Жестоко избили. Ревел в голос.

Владимир Шемшученко
Всеволжск

* * *

Петь не умеешь – вой.
Выть не умеешь – молчи.
Не прорастай травой –
Падай звездой в ночи.
Не уходи в запой.
Не проклинай страну.
Пренебрегай толпой.
Не возноси жену.
Помни, что твой кумир –
СЛОВО, но не словцо…
И удивлённый мир
Плюнет тебе в лицо!

* * *

Хотел обнять полмира,
Да руки коротки.
Я метил в командиры,
А вышел в штрафники.
Я не плету сонеты
И не хожу в строю.
Заплечных дел поэты
Меня не признают.
А я всё хмурю брови
И лезу напролом –
Поэзия без крови
Зовётся – ремеслом.

* * *

Слово было в начале.
Страшным будет конец.
Зачеркнёт одичанье
Милосердный свинец.

Я весёлый и грубый,
И в репьях голова.
Потому – прямо в губы! –
Я целую слова.

* * *

Блажен, кто по ночам не спит
И времени не замечает,
Кто сыт пустым недельным чаем,
Кто знает – ДУХ животворит.

Блажен, кто верою горит
И в этом пламени сгорает,
Кто на путях земного рая
Взыскует скорбь в поводыри.

Переосмысливаю быт.
Переиначиваю строки.
Когда горланят лжепророки,
ПОЭТ молчаньем говорит.

* * *

Опустилась на кончик пера
Паутинка прошедшего лета…
Никогда столько синего цвета
В небесах я не видел с утра!

Только свет и полёт мотылька.
Ни истерик тебе, ни мистерий…
Я – смиреннейший
подмастерье –
Данник русского языка.

Олег Федоров
Тюмень

ВЫЙТИ ИЗ ПОЛЯ

Манифест художника

Выйди из поля
Информационной вражды
Геомагнитного поля
Чьей-то завистливой
Ворожбы
Выйди из поля
Одиночества
Лжи
Несчастливой
Любви

Выйди из поля

Брось
Свой пистолет
Милый Винсент

Выйди из поля
Если опять вороньё кружится над ним
Напиши
Расскажи о том что болит
Но выйди из поля
Выйди из поля

Доступности МТС
Если твой телефон
Распух от бессмысленных смс
Поля военных действий
Прогресса
Который превратился в регресс

Выйди из поля

Выйди из поля
Телевизионных «чудес» и склок
Прессы которая давит тебя
как каменный пресс
Вестей которые бьют как ток
Шуток в духе Камеди Клаб от Павла Воли...

Я умоляю тебя Ван Гог

Выйди из поля

Выйди из поля
Неоправданных глупых надежд
Если судья назначает пенальти без
Всяческих оснований на то
И тренер твой – трус и подлец

Выйди из поля

Международной бесчестной безумной футбольной игры
Дешёвой торговой предпраздничной мишуры
Заезжего гуру который в твой мозг залез
Выйди из поля
Выйди из поля притяженья Земли
Если корабль уносит в другие миры
Пусть Валтасары пируют свои пиры
Ты на орбите один на один с собою...
Звёзды в ладони во лбу твоём Млечный путь
Есть кто-нибудь здесь ещё?
Кто-нибудь?
Что-нибудь?
В иллюминаторе шар
И шар этот – синь и крут

И на нём лежит поле

Битвы

Вселенской битвы добра со злом
То что вчера было ново
Идёт на слом
Время проходит
Как будто гигантский слон
Топчется в поле…

Выйди из поля
Своих заблуждений
Обид
Бог тебя любит
И он тебе много простит
(Ты для него не раб
А скорее дитя-инвалид)

Если ты вовремя
Выйдешь из этого поля…

Выйдешь из поля в свой собственный Шервудский лес
Где скачут белки и сосны растут до небес
Где есть душевный покой
и любовь и от смол на деревьях блеск
творчество
воля…
Я не читаю тебе ликбез
Мой друг
Мы ведь в процессе еще с тобой
Мы – здесь мы – тут
Я лишь хочу сохранить в тебе
Интерес –

Вновь выйти в поле

В чистое поле…

6.03.2016

Пётр Кобликов
ДООС – энтомозавр

РУТЕНИЕВЫЙ МАНИФЕСТ

Нынешний век русской поэзии может быть назван, по сходству с её «золотым» и «серебряным» веками, веком «рутениевым». Рутений – платиноидный благородный металл, один из самых тугоплавких и самых дорогих. Этот металл был назван по одному из бытовавших в Европе на рубеже Средневековья и Возрождения названий России/Руси – «Рутения», потому что был открыт в середине XIX века в России, в Казанском университете, едва ли не лучшем у нас в ту пору, да, кажется, и не только в ту.

Сегодня рутений извлекают из осколков деления ядерных материалов…

Из осколков деления русского поэтического слова разных эпох вполне возможно извлечь сегодня, сейчас те драгоценные смыслы и чувства, которые, казалось бы, распадаются и безвозвратно утрачиваются под напором юных любителей ниспровергать «устаревшие культурные коды».

Эта «болезненная неугомонность», как следствие недоученности «поколения троечников», стремящегося верховодить во всех современных искусствах, совсем не та неугомонность, которая вдохновляла век назад тогдашних бунтарей, усмотревших в современных им музеях зловонные кладбища плодов художественного творчества.

Собирая драгоценные осколки, обломки, остатки «великого и могучего», бережно складывая их в новые поэтические композиции, очистив от наслоений невосприятия и неприятия словесные сокровища, имеющие не только музейную ценность, мы когда-нибудь шагнём и в следующий век русской поэзии, название которому пусть придумают наши потомки.

Кристалл рутения высокой чистоты: размер 3 мм, вес 1,45 г.

Рэна Одуванчик
(Ольга Лебединская)
ДООС – одуванчик
Днепр

Что такое мяу-рэн-буддизм?

Это Путь, который кажется лёгким, но трудный. Это путь, лёгкий как крылья одуванчика, и звонкий, как пространство колокольчика.

Небо – оно везде: в туннеле, стебле майского одувана, в звоне и отзвуке. Вот главная радость: ходить и чувствовать это небо в себе, во всех и во всём.

В этом небе живёт Бог, а, может, и боги. В этом небе живёт Дух, а, может, и духи. В этом небе живёт земля, огонь и металл. Стержень-стебель прочен и упруг. Это и есть Путь Одуванчика.

Чем чаще ты в себе это чувствуешь, тем больше тебе приходит озарений и откровений.

А чтобы это почувствовать, нужно просто дышать и летать.

Когда-то в юности мне несколько раз во сне показывали, как летать при помощи дыхания. Вот вспоминаю всю жизнь, как это делается.

Мяу – это Игра. В чём-то детская. В своей радостности, простоте и таинственности.

В чём-то взрослая. Это серьёзная игра. Она то волшебная, то более насыщенная – магическая. Игра воображения, звуков, движений в тебе и вокруг.

Все люди и предметы участвуют в этой Игре, понимают они это или нет.

Мяу-буддизм – это свобода и поиск свободы. Да, да. В самом поиске больше свободы, нежели в самой свободе. Потому что как только человек что-либо получает, он тут же лишается свободы.

Красиво дарить и принимать – это тоже мяу.

Как и выдыхать песню в любом виде.

Песня, она же мантра, молитва, звук и отзвук – это священная Тайная мяу.

В этой Песне живёт святая священная суть, Сущность мяу-рэн-буддизма, и открывается только тогда, когда хочет САМА.

Песню можно попросить. Это будет двойная мантра, которая превратится в восьмёрку. А вы сами знаете, что восьмёрка – это символ вечности и бесконечности. А вечность – символ мяу. В бесконечной мяу мантре звучит вечность, светлая и радостная. Вибрация – вот что творит мир, творит движение, полёт и Дух.

Здесь можно представить разные-разные цвета, которые возникают из огромного божественного МЯУУУМ. Здесь можно использовать любой звук, гармоничное или негармоничное сочетание звуков-цветов. Двери есть везде. И окна. Звук мяу вездесущ.

Этот звук мудрый от природы. Он сам выбирает направления и потоки в твоём теле, жизни. Судьбе. У мяу нет дисгармоничных звуков и неправильных решений. Свет мяу-мантры вас охраняет, оберегает и ласкает своим ангельским крылом, если ангельский образ вам ближе. Мяу- Песню-Свет можно представить, как хочешь, в любой форме-цвете-звуке. Ей в этом плане всё равно.

Мяу любит вас нежно, а именно: оно часто подбрасывает вам свежие чудеса. Мяу открывает третьи глаза, уши, почки, ноги и руки. С мяу появляется больше времени на творчество и радость.

Творчество и радость и есть служение великому мяу.

Мяу – это смелость на всех уровнях.

Однако это не безумная храбрость, а смелость приближаться к свободе и счастью настолько, насколько позволяет мяу своим посвящённым.

Мяу – это джаз. Импровизация потоков, плетущих красивейшие кружева в вашей жизни, судьбе, душе – тут можете продолжать список, как хотите.

Вы вообще можете иметь свой взгляд, свой нюх и вкус, слух и проч. на святое мяу. Мяу не обижается. Мяу растёт и развивается.

Мяу-буддист не обязательно должен быть буддистом, кришнаитом, поэтом и человеком.

Также мяу-буддист не обязан быть кошкой.

Мяу-буддист никому ничем не обязан. Он может посещать любые храмы и театры, любые кафешки и вокзалы. Он может посещать несколько храмов одновременно. Так как в мантре мяуууу всё есть храм. Всё есть дух и душа.

Мяу-буддист с лёгкостью совершает поступки и ошибки. В мяу нет неправильного.

Но в мяу есть совесть, интуиция и все качества, которые присущи высокодуховному существу.

В мяу-буддизме нет иерархии.

Ученик и учитель могут меняться местами. Хотя к Учителю ученик испытывает безусловное уважение – это понятно. И это свято.

Линия Учитель-ученик есть в этой традиции, и эта линия входит в священный Узор Великого мяу, именно здесь расцветают самые большие открытия на Пути.

Кто не может пока быть в бесконечной хулиганской вечно-весенней Мантре-мяу?

Равнодушные. Скучные. Боящиеся себя. Безрадостные. Жестокие.

Но именно их можно попытаться лечить светлым и добрым бесконечным МЯУУУ.

Все в мире временно, и если душа не в потоке, значит ещё не время.

Нет существ, которым не дано испытать великую силу мяу.

Все испытывают.

Не все понимают.

Не все благодарят.

Мяу без границ.

Мяу – это пространство.

Что нужно сделать, чтобы вам открылось святое звучание мяу, спасительное и бесконечное?

Помурчать, если вам улыбнулись, если вас услышали .

Верить в чудо и свет.

Баловаться.

Быть открытым всему. Ведь мяу – это всё.

Уметь отличать настоящее от поддельного, а прошлое от настоящего.

Учиться принимать безудержное мяу всеми каналами и способами.

Следующий этап – учиться передавать обработанное душой-телом мяу-свет в Космос.

Мяу обогащает.

Мяу обнимает.

Мяу трётся о душу и дух.

Мяу открывает.

Мяу может быть видимым и невидимым. Осознанным и неосознанным… – продолжите, как нравится.

Мяу – это делать всегда то, что хочется и нравится, не нарушая грубо границы другого. В другого даже просто своим присутствием рэн-буддист вкладывает глубокие и звонкие, священные тайны МЯУ-Мантры.

Для мяу важны семейные ценности, равно как и общечеловеческие ценности.

Для мяу важно состояние великого просветлённого Одиночества.

Мяу не знает, как правильно. Для мяу – правильно всё, что не вредит развитию духа и тела.

Мяу – это Путь творчества и любви.

Мяу может всё, если вы впустите Его в сердце.

Мяу с нами, пока мы с мяу. Ну или наоборот.

Мяу

Любите ли вы мяу-Звук-Свет-Джаз-Песнь, как я его любою?

А оно любит вас. Нас.

Мяу. Ку-ку. Привет всем.

Амяинь!

С улыбкой, любовью и пожеланием
ясного крепкого МЯУ.

Варвара Черковская

Солигорск

• • •

…всё начинается
невзначай
писатель вечером
пьет жасминный чай
обдумывает
темы своего труда
с чаем доходит до местного
пруда
видит котенка
хватает за шкирку
несет домой
заворачивает в копирку
сушит и кормит
называет Мурром
перечитывает Гофмана
под желтым абажуром
новый Мурр ласков
и без мировоззрений
реагирует на молоко
и пару стихотворений
быстро растет
набирается ума
тепло мурлычет
чувствует: весна

включает компьютер
когда хозяин пьян
ловким движением
трогает экран
правой лапой
брящая по клавиатуре
пишет:
«не забывайте о мире,
пардон, о Мурре»
потом решается
на грехопадение –
под своим именем
отсылает издателям
новое произведение
огромные тиражи
заполняют полки
несчастный писатель
сбит с толку
вот и спаси милое создание –
от этого начнутся
неимоверные страдания
неужели коту достанется слава?
писатель защищает
авторское право
все свободное время
проводит в суде
Мурр считает гонорары,
думая о еде
и о том, чтобы выкупить
часть жилья
«маленькая будет его,
а большая моя!»

…книгу Гофмана
относит в «Букинист»
так знают лишь о том,
что он бедный пьющий пианист
всё заканчивается невзначай…
кот Мурр убегает
когда писатель пьет
сердечный чай
теперь кот живет
в деревне на печке
не вспоминает о книге
и не подходит к речке
тих и скромен
мурлычет в усы
пьет молоко
тикают часы

Евгений В. Харитоновъ
ДООС – азорозавр

NO FUTURE

(Вскричаль-манифест)

Вербензале уледензале
Вирба риба дзун-дун-дун
Хлам нам дали! Мало нам дали -
Ун дун барабан зум-зум-зум
Ун
Бун
Дррр
Зум-зум-зум. ЗУМ!
Ытк мтк ткн-ткн-ткн...

Чо? Чо-чо? –
хлебникуешь помаленьку?
И я хлебал горстями губы
света вето клал на глам-
урьетОЧНЫЙ хлам

но – Ам!
И съел нас хлам!

А! а-А-Ааа! ага-га!
Аааааааа–
а хлебни-ко теперь о—траву неБА зла—том съе-
того, грово **вы**черпи-**вы**терпи-**вы**хлебай хляби
мозго—говейных идей ууу У-топистов

«ХЛЕБА! – горланишь, –
ХЛЕБА-ПОЭЗИИ-НЕБА!
ХЛЕБА-ПОЭЗИИ-НЕБА!»

Но Хлеб – ник овала Белого
Малев и ЧА-ЧА-ЧА не будет!
Не бу! не бу-бу-бу небу…
хотя дя-дя!
знаю-верю-знаю: вы-живут книжки
хотя бы бы на букву бы на «Хл» и «Б»

перченно—прч—и—Е имена –
цацки, цацки – ацки…

киц-цыц-цац
цакли-цпакли-цмакли

Но правдо-резь в дрРРрр:
гламурьеты откусили мякиш Хлеба
и тепе
и
рь –
неважноневажноневажно н ева жно но-но:
не авангард-нефутуризм-нетрадиционализм-
неминимализм-непушкин-немаяковский… –
НЕТУЭТОнетуэтонетуэтонету-ту-ту-ту!
Бо ибо—ибобо
бо ибо—ибобобобооо –
Мір каме—ню—кой

в бу-ду-ду—
ще-ще—
ее
лети!.. летили-тили-тили...
лил*И* лл
или –
в буд – ущле тт лет тел лет
Мір летит
в дырБУЛ – буду – щил!
футу-РЕЕТ мір
Рвве—ет
ЗВв—реет
СТРВ—неет
Аде—ее—тт в будбул—ДЫДЫХ!

ФутурРрРРрРизм вашу ма—ть-ть
ФааАТу–ниизм
ФАТУМ – изм
изм-ельч
изм-ЧАЕТ

да и это ещё не бу-бу-бу,
жить-то можно,
ещё та нега, ещё те ба-ба-ба:
не бах хаб не ох не ах,
но всё ***У***же, уж***Е*** мало
и неизбежен – БЗДЫХ!

А то и вот случ-ссучится
такое-рас-такое вот ого о-гогое:
за ре—рьк
зверк—рек КЕР речь—керь
ять ерь... гъх... РАААА!
и – чт-тч-чт-тч точи-точи
ки-ч*И*чичи-кичич*И*чи-кич*И*чичи-
КИИИЧ*И*Ч
Ох!
ку-ку –
кич!

а было-то было! болело-то эко! –
курчаво Крученых – Г**АВ!**-ав-гав!
эхо-лельно **а**эро-камен—нь-нь-нь-нь-нь
ск—кси—ск—кси—ск—кси –
ий—ий—ий—ИИИЙ!—**ЙИ!**
и блямбурлеломбулетом по башке
циви-лиза-циииИ-ХИХИХИ
А-ха-ха-ха-ха-ХА
зигуза ХРМС!
мс—рмс—смс—смр—мрс…

но не проходит
sms—sms—sms—
палиндроSOS!

Пуст***О***ты.
пост***Ы*** все стёрты
тыр-тыр-тыр
по-донкихоты пустот***Ы*** не мы
мы немы
мы не мы

символы волы убиты
биты квиты
гламурьеты верещат, ссучат,
в литературе ныне –
чат-чат-чат!
чат-чат-чат!..

…кричу
слюною щедро зах-ломляя звезды

а то как же! а то вот же! –
раз-орвана связь пок-олений
взор-вана связь культ-уры
и об-щества
интеллект?.. кт? кт? — элек-тнулся
пал-опал
ниже жиже плин...
туса-туса-туса —**ТУ-СОВКА!**
тусовЕЕнье совкА,
тусенция-эссенция
импо!-тен-ци-я!

НО! –
крепчОнно-крепка леска
У-дилища ТУ-силища
да и вооБЩА! и вооБЩЕ – бще, бще:
мір-то мір, миро**мир –**
МІРИЩЕ! – всё равно каменюкою
на дно чёрное светлого бум-бум-будущего
летит-т-т
летит-т-т
ЛЕТИ! — ти-ти! ти-ти! ти-ти!
летили-тили-тили-лили... лил***И*** лл…

…И лил сегодня
сильный дождь,
сжигал я книжки
футуристов:
No Future!
No!

УУУУУУУУУУУУ –
Веребензале удедензале
Вирба риба
Зум
Зуум-
Зуууумммм!

2006/ 2007 /2009 / 2012/ 2016

Александр Чернов
ДООС – днепрозавр
Севастополь

МАНИФЕСТ

Точность, лёгкость, глубина.

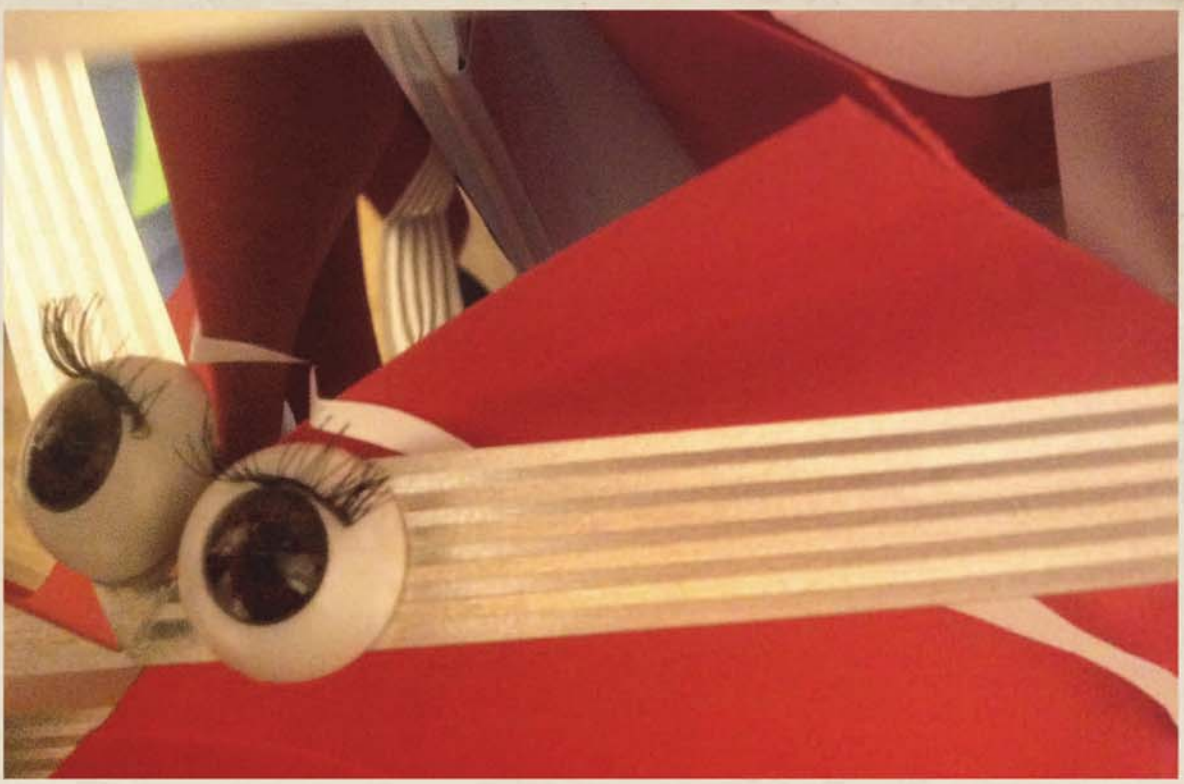
Реалистическая точность,
фонетическая лёгкость,
философская глубина.

Нет.
Лучше так:
изобразительная точность,
звуковая лёгкость,
философская глубина.

Окончательный вариант!
Изобразительная точность,
звуковая лёгкость,
смысловая глубина.

Галина Мальцева
ДООС – стреказелла

Маня Фест



кое что как то иногда с кем то почему то кое как кое где и по иному
в полу сне в полу вагоне на полу в полу дреме в пяти шагах мало
по малу переходит все границы в без визовом режиме.

Николай Ерёмин
ДООС – никозавр
автор идеи, составитель, издатель

МИРАЖИСТЫ
Ко всем читающим нас

Красноярск
2015-2017

Мы хотим –

Вернуть на Пароход-дизель-электроход-атомоход современности Пушкина, Достоевского, Толстого, Бальмонта, Брюсова, Леонида Андреева, Максима Горького, Куприна, Блока, Соллогуба, Ремизова, Аверченко, Сашу Чёрного, Андрея Белого, Кузмина, Бунина... А также авторов «Пощёчины общественному вкусу» братьев Бурлюков, А. Кручёных, В. Кандинского, В. Маяковского, В.Хлебникова.

Прошлое необъятно. Три века поэзии и прозы Золотой, Серебряный и Медный – их тексты и подтексты ясны и понятны.

Куда девались? – Классицизм, сентиментализм, романтизм, экстремизм и нигилизм. Авангардизм и модернизм... Ах, символизм, акмеизм, футуризм, эгофутуризм, имажинизм...Ау! Супрематизм...Уа, экзистенциализм... И сюр, и неореализм?... Ха! Реализм... Соц-реализм... Кто медленно, увы, кто разом, они накрылись медным тазом...

Жив лишь Мета-мета-форизм – Код Всех Космических харизм. Не случайно Константин Кедров, автор метаметафоризма, открыл первый альманах. И не случайно следуют за ним примкнувшие представители нового течения – миражисты.

Миражистом может стать любой мужчина и любая женщина, одарённые от Бога способностью вдохновенно и талантливо создавать поэтические или прозаические произведения.

При этом миражизм подразумевает воплощение воспоминаний о любви, устремлённой в будущее.

Вера и надежда сопутствуют творческому акту.

Миражисты не собираются никого сбрасывать с парохода современности, на котором есть место всем, кому чужда агрессия, но не чужд императив и активное положительное или отрицательное отношение к изображаемым предметам и явлениям в любой творческой манере.

Сплав реальности и фантазии – Андерсеновская сказочность, Эзоповская мудрость, Горьковская публицистичность, Бунинская поэтичность. Гомеровская обстоятельность, Чеховская краткость. Шекспировская страстность, Есенинская исповедальность – подразумевают погружение в мир высоких чувств и глубоких мыслей.

Миражисты, обращаясь ко всем этажам сознания и подсознания, текста и подтекста, подразумевают свободу творчества как норму и любую цензуру как патологию

Миражисты – это интеллектуалы, занимающиеся постоянным самоусовершенствованием, цитирующие гениальных предшественников и развивающие их догадки, прозрения, предсказания, пророчества на основе интуиции и знания, на пути к свежести и новизне.

Им не чуждо ничто земное и небесное, астральное, сакральное, трансцендентальное, рациональное и иррациональное, мистическое – всё, что в душе и во вне, всё, что мгновенно и вечно, всё, чему имя случайность и судьба.

Миражист видит в творчестве вариант бессмертия и хочет расшифровать Божий промысл – то есть, что промысливал Бог, Творец, создавая макро- и микромиры; уподобить себя Богу, новорождённому ребёнку, сыну Божьему, чтобы стать проводником Его воли или самому Творцом – на выбор.

Владимир Миодушевский

заслуженный артист России

Манифест Петрушки

Вспоминаю те далекие и очень близкие времена, когда мы часто собирались веселой компанией в Москве на улице Артековской в гостеприимной малогабаритке Константина Кедрова и Елены Кацюбы. Надо же, прошло более тридцати лет, а кажется, это было вчера. Леша Парщиков с Олей Свибловой, Галя Мальцева с каким-то жутко талантливым пианистом и я – актер- кукольник, драматург, недавно окончивший Литературный институт. Лена тогда написала пьесу «Петрушка-гомункулус» в стилистике народного лубка. И мне очень захотелось поставить спектакль в кукольном театре в Уфе, где я тогда работал.

«Здравствуйте, друзья и подружки!
Я ваш старый друг – Петрушка.
Родился на свет не как другие детки,
а в большой пробирке из маленькой клетки.
По-научному называюсь «гомункулус»,
А по простому – человечек.
Знаю много ученых словечек...
Не успел родиться – сразу жениться...»

Один единственный спектакль готовился почти целый год. Кукол делал замечательный уфимский художник, мой друг Миша Копьев. Куклы были уникальные – лица и руки терракотовые, фигурки планшетные, с фиксацией позы, как у мультфильмовских персонажей, и все с портретным сходством. Врач – академик Павлов, девушки – узнаваемые актрисы Гурченко, Доронина, Пугачева. Ну а Петрушка носил моё лицо. Был он в традиционной красной рубахе, и когда видел очередную девушку, подол рубахи задирался и дерзко топорщился. И я был исполнитель всех ролей. Посмотреть репетиции приходили актеры. Но однажды подошел ко мне очередной режиссер и строго спросил: «Что это вы затеяли? Какого-то хамунклюса репетируете? Что еще за самодеятельность, немедленно прекратите это безобразие! Вас ждут большие неприятности».

Вот так и получилось, что первый и последний спектакль «Петрушка-гомункулус» по пьесе Лены состоялся для поэтов и художников в один из замечательных вечеров 1983 года в квартире Гали Мальцевой в комнате с камином в недовыселенной коммуналке на улице Грановского.

Конечно, что-то я напутал, и пришлось импровизировать, но в основном шел по тексту, и эта веселая хулиганская сказка прошла с большим успехом. После спектакля все зрители пробовали играть куклами, сочиняли новые диалоги и много смеялись. К сожалению, больше этот спектакль не повторился, я с куклами уехал в Уфу, потом перебрался во Владимир, где проработал главным режиссером областного театра кукол 20 лет. Время уникальных кукол не пожалело, какие-то разбились, какие-то я раздарил друзьям, а у меня сохранилась лишь моя голова – голова Петрушки-гомункулуса. Она стоит в книжном шкафу, и когда я смотрю на неё, то перед глазами всплывает то удивительно теплое и щемяще родное время тех далеких восьмидесятых прошлого века...

Пьеса Елены Кацюбы «Петрушка-гомункулус» опубликована в альманахе «Миражисты» выпуск 3 «ЕБЖ – Если Буду жив».

Валерий Байдин

Кан, Нормандия

Для меня стихи – часть моей прозы. Считаю поэтическую прозу единственно возможной, всё остальное – лишь «повествования», уничтожающие литературу. Поэзия не равна слову и тексту, она – в прозрении их «вертикальных смыслов». Символ и миф основаны на осмыслении поэтической метафоры, проза увенчивается ими, как земля небосводом. Поэт – освободитель языка от подёнщины низкоречия, вместе с вольным словом он сам становится свободным. Его подвиг сродни похищению и неотличим от восхищения. Ему открывается сокровище, украденное у бессмыслицы, – юная красота мира, вместе с которой возрождается жизнь...

WWW

Вэб-мастер, карлик Носферату,
бросает булевые кости, пишет проги
для трикстеров, что весело жужжат
и рассылают флудерам мессаги,
и троллят радостно,
и чмоком тычут…
Нет воздуха. А вместо ноосферы
висит над миром скорбным паутина
и ум сосёт и сушит душу.
И сетью ловят рыбари другие
несчастных *ихти*.

ПРОСТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

(опыт звуковых смыслосдвигов)

дух: уух-ууух
тело: ело-ело-ело
голова: овал-ова
лоб: об-об
глаз: аз-аз-аз
ухо: хо-ххо-ххх
нос: ос-осс
губа: ба-ба-ба
язык: ззык-ык-ы
шея: я-я-я
грудь: удь-удь-удь
живот: вот-вот, вот-вот
рука: ука-ука-ука
нога: ога-га, ога-га
плечо: чо-чо-чо?
зад: ад-ад-адд
пах: ах-ахх-аххх…

05.02.1997, Париж.

Света Литвак

ДООС – зиоса

Долой осумасшедшевшее безумие
Долой обезумевшее сумасшествие
Да здравствует здоровый образ жизни
За адекватные реакции
Вкусную и здоровую пищу
Наркоманы, маньяки и алкоголики,
убирайтесь в ваше тёмное прошлое
Долой
И Да здравствует
Энергия, свежесть, радость

90-е годы

• • •

либо из цюратен
либо уж совсем, совсем
есть четыре смысла
всюду и во всём

первый выстрел мимо
третий самострел
а четвёртый смылся
вместе со вторым

кругом огляделся
культурный обман
либо из цюратен
либо уж пропал

что ему помеха
то другим вообще
далеко отъехал
видно, насовсем

Михаил Горбунов

КРЕДО АГНОСТИКА

Когда –
Творец меня прости –
смогу с тоской произнести:
«Что Там, пока не знаю»...
Тогда –
себя перекрестив –
солгу в святой наивности:
«Нет Ада, нет и Рая»...

КРЕДО ГОРБУНА

Горбатую ипостасть
величавою поступью
править поздно...
Порой жизнь,
казалось бы,
в – масть
противу правил,
а я опять – пас!
Зловредная сила миром правит...
Прекрасным быть постно.
Уродливей вроде не стать.
И всё уже было.
Спаси же, Спас!

Горбатых, нас,
только могила...
И та не исправит!

КРЕДО ГРАФОМАНА

Версификатор и зануда
рифмую чушь и пустяки.
Мои стихи – мои грехи –
не Каин я и не Иуда –
мне б затаить свои стихи,
коль знаю: стОят что, откуда
и из каких растут стихий.
Мне худо –
снимут боль –
вот чудо!
И вновь строчу стихи –
зануда!

Вера Сажина
ДООС – веразавр

●

А полочкина?
Кара куштен боргум оршэ,
чажып чалбарып
шупту эки
эки ээрен достун ээлери,
Бажын эки чуук эки орук эки,
полочкина
лампочкина, синичкина
роза.
Оршээ мээн адым
/
Ты зачем убежал (не убегал
из дома свет)
Ты зачем удалился;
Мы же рядом как две
железные
половинки;
Счастье вместе нам
будет
/
[Рим Гуси щипали меня
ветерки разворачивали
меня в нужную
сторону
(ветерки, я
гонялся за вами)
Вороны отворачивались
коршуны просили поддерживать
Лебедь белел чистотой
веры судьбы шаманской
голубь обтрёпанностью
обновлённой
сверкал тихо
одноухий марал,
Ухо восстановил, оба,
голубь с текстами и
нотами
певчество интернациональное
сохранял
ритмы и размеры берёг,
слушал, заново рождая тропами
ходьбы,
движение вправо и влево

●

отказаться сделать
благое действие?
не так много
нужно.
/
Вы, поэтические,
вы лежавшие
в глубине таза
моего медного
Выброшен на берег, но;
Сумею ли нырнуть
в моё море
преобразившись
в морского коня
Держа розу в одной
руке
Давая розу
другой рукой
Звон струн
испытав
нешуточный
небывало прекрасный,
поплыть в этом
синем пространстве
подлинного сияния
всех лун
без обид дивный
почтив ров
встреч и расставаний.
Ты сказал лес
рассыпался
он лежал, но он живой.
/2 ян

[девять
в орехах]

Дмитрий Ивашинцов
Санкт-Петербург

РЕТРО-МАНИФЕСТ

Рассол огуречный, не зори
хочу воспевать неустанно.
Он раны сердечные лечит,
он лечит душевные раны.

Когда – о какое несчастье –
всё выпито... сердце разбито,
старуха талдычит упрямо,
а рядом всё то же корыто

Так выпьем рассола, воспрянем
душой и желудком, и телом...
И дружно продолжим, славяне,
своё грандиозное дело.

1978

Анатолий Гринвальд
Лейпциг

* * *

Ломайте пальцы, господа, октябрь на сцену вышел.
В холодный месяц на дрова пойдёт имперский трон...
Нас не спасут ни юнкера, ни вера во всевышнего...
Мой револьвер системы «Рэк» хранит один патрон.
Бегите к морю, господа, пока ещё есть море.
Снимите туфельки, мадам, то был последний бал.
Наш гимн (вы слышите, мадам?) звучит теперь в миноре...
Нам не помогут здесь сейчас ни Гай, ни Ганнибал.
Вот в гавань подан пароход с комфортными местами.
Вас ждёт Париж, Берлин и Рим... харбинские снега...
Я не спасу вас, господа, ведь я сентиментален –
Я не стреляю по своим, хотя и присягал.
Бросайте всё: любовниц, жён и лошадей в именьях...
Кто верит в разум и добро – последний идиот.
А я останусь здесь, мсье, я бегать не умею...
Мой револьвер системы «Рэк» осечек не даёт.

Владимир Опара
ДООС – лайнзавр

Ландшафт-манифест

Я существую в постоянно изменяющемся ландшафте.
Я фиксирую движение и изменения ландшафта
сейчас,
секунду тому назад,
минуту,
час,
вчера,
много лет тому назад,
зафиксированные движения и изменения
наслаиваются друг на друга,
воспроизводя невозможные комбинации,
исключающие временну́ю последовательность,
формируя и изменяя мой внутренний ландшафт.

В моём понимании ландшафт –
это не только рельеф местности,
но и события,
люди, ставшие частью ландшафта,
слившиеся с ним,
образовавшие его,
растворившиеся в нём.

Во взаимодействии с внешним ландшафтом
формируется мой внутренний,
постоянно изменяющийся ландшафт,
не имеющий пространственных
и временных ограничений.

Одно из качеств ландшафта – это линия горизонта.

Я нахожусь в постоянном движении к линии горизонта.

Движение к линии горизонта
становится для меня идеей.

Навязчивой идеей.

Зафиксированные линии горизонта
становятся частью ландшафта.

Невозможность достижения линии горизонта
измеряется километрами
и временн**ы**ми интервалами.

До линии горизонта Северного моря от Москвы
2526 километров.

До города Сталинска в Сибири
87 лет и 3729 километров.

До Вифлеема
2017 лет и 3789 километров.

Лидия Григорьева
ДООС – стреказанка
Лондон

ФОТО-ДОГМА

Фотография – живопись Бога.

Сад – это здание мира:
мироздание, одним словом.

Фотоснимок цветка и сада –
это дым Эдема, фимиам вечной жизни.

Роза – это гнездо звезды,
шелковый пропеллер вечности.

«Мания Моне» –
порождение экстатического состояния
любования Прекрасным –
сродни любовному восторгу.

Мания Моне, в данном случае, это:
несрезанный живой цветок
при естественном освещении
в собственном саду.

Цветография – такое же послание в будущее,
как, допустим, стихотворение...

Мир прекрасен, если его не обезобразить
специальными усилиями.

Фото сада – его жизнь после смерти:
Натюр – никогда не морт!

14.01.03. Лондон

МОЙ МАНИФЕСТ

Сад – это прообраз Божьего мира. Сад – это знаковое понятие. Философия сада. Мистерия сада. Звёздное небо – это тоже сад, возделанный Господом Богом.

Было бы странно думать, что мы можем взрастить свой сад без помощи Всевышнего. Если он нам поможет, то сад вырастет и на камнях. Даже сами камни в Синайской пустыне – тоже Сад.

Морские коралловые сады на дне Красного моря. Разве эти радужные рыбки менее прекрасны, чем цветы?! И у этого Сада садовник – Создатель. Красота подводного райского сада существует сама по себе: не для нас и не с нами – помимо нас. Но она есть – и всегда пребудет. Разве это не тайна – зачем? Для чего? Ведь эти прекрасные рыбы-ангелы даже не съедобны! Как цветы. Бесполезность нетленных красот – сокровенная тайна Создателя.

Тайга, необъятая глазом – её хватит на много человеческих жизней. Прообраз бессмертия. Вроде смены поколений.

Тайные сады Венеции – невидимые глазу за высокими стенами.

Английские сады – это то, на чём Англия держится. Краеугольный камень английского Сада – наследственное, историческое право иметь сад, цветущий круглый год. Разгадка британского характера: посмотрите на сад – на окне, на балконе! Сколько чувств, сокрытых от окружающих, выплеснуто наружу! Сколько подавленных эмоций. Как умеет любить этот человек (или его человечиха). А выразить словами не велят приличия. Но ведь знает язык цветов (или птиц, или рыб, или Ангелов...)!

Ангел английского Сада похож на цветущую в феврале розовую японскую вишню.

Японский сад – величиной с ладонь, в которой уместилась вселенная. Сад камней в Киото: откуда бы, с какой бы точки на него ни посмотришь, один камень никогда не увидишь. Разве что с воздуха.

Но воздух – тоже сад. Невидимый сад. Воздух цветёт и благоухает разве не так же, как весенний сад? Нетленный сад. Нерукотворный.

Как яростно цветёт летом тундра! Какие цветы являет миру на бескрайних безлюдных просторах – на Чукотке на реке Лёльвыргыргын или в бухте Кожевникова на Море Лаптевых. Какие краски! Ни с чем нельзя это сравнить, сопоставить. Разве только с космическими, феерическими цветами Северного Сияния. Этот сад расцветает в полярном небе, как салют. Абсолют занебесного Сада. Я была свидетелем этого чуда.

Перламутровые, светящиеся, порхающие розовые лепестки, как мириады бабочек, облепившие чёрные изогнутые ветки – цветущие абрикосовые деревья в апреле в нашем саду. В Луганске.

Красная герань на окне в Казани – провинциальный русский зимний цветущий сад.

Морозные узоры на окне – любимый сад моего детства. Лепестки сугробов. Стебли пурги. Лилии, розы-морозы...

Как повезло мне, что я видела всё это. И потому свидетельствую: мир – это Божий сад. И человек – его садовник.

Из книги «Сады земные и небесные» (Алетейя, СПб,2017).

Вырастила цветы в своем саду и сфотографировала Лидия Григорьева

Владимир Монахов
ДООС – братскозавр
Братск

Здравствуй, эпоха поэтомасс!

«Я чувствую, как ждет народ стихов!»
Руслан Элинин
«Поэты выносят Россию вперед стихами!»
Из дневника

Прочти и передай другому

Разговор о современной поэзии зашел в тупик. Горячий спор о путях литературы завяз в мелких разговорах о классиках и новаторах, сбрасывает с корабля современности то одних, то других. В результате спорщики запутались в частностях и погрязли в мелочах, изолгались в личностях, но при этом так и не выяснили главного и обобщающего в поэзии грядущего, не определили того, что наполняет и насыщает новую литературу, создавая плотный устойчивый базис на будущее.

А ответ нужно искать в том, что если до сих пор в поэзии действовали преимущественно личности выдающихся одиночек и, как вешки на столбовой дороге поэзии, указывали направление развития, то сегодня мы стоим на пороге и, по сути, открываем эпоху поэтических масс, которая создает из суммы талантливых индивидуальностей коллективного автора. Это значит только одно: в современной литературе наблюдается столпотворение классиков-новаторов, которые ушли далеко вперед своих предшественников в мастерстве поэтического творчества. По сути, формируется цивилизация мастеров и виртуозов стихосложения. Но они собирают и объединяют вокруг себя не столько толпы читателей, как было прежде, сколько толпы больших и малых поэтов, которые являются главными потребителями и производителями литературного материала. Поэтому всеобщие стоны об ухудшении поэтического слова — симулякр текущего литературоведения. Поэзия все так же тотально заполняет мир. Интернет тиражирует без редакторов все, что пишется стихами и прозой.

А запугивание мало читающих критиков, которые способны осилить от силы два десятка поэтов, – проявление воли разочарования. XIX и XX века дали по десять великих поэтов, и одновременно существовала рядовая поэзия, которая отвечала насущной потребности дня или группы читателей. И ни один великий не затерялся среди множества малых и вписан в историю литературы. Поэтому меня никогда не пугало, что число поэтов так стремительно увеличивается, что они самостоятельно находят выход к читателю при помощи издания малотиражных книжек, журналов, создавая литературные сайты в Интернете. Активно действующие поэты ведут между собой стремительный обмен этими изданиями, не боясь жить замкнутой кастой литературы. Все, что производят, то и потребляют внутри своего сообщества, не претендуя на выход к массовой публике. Почти каждый поэт имеет толику своих читателей, которым регулярно передает свои тексты и с тем же успехом получает тексты других авторов, поддерживая с ними регулярную связь, являясь активным потребителем рифм соперников.

Стерильный читатель уже редкость среди толпы производителей стихов. И все увеличивающаяся толпа поэтов формирует в информационном глобальном обществе огромную литературную стихомассу эпохи всеобщей начитанности. Только наличие большого числа сочиняющих и воспроизводящих все новые и новые стихотексты обеспечивает поэзии стабильное число читателей, тот самый золотой традиционный один процент потребителей стиха, коим всегда удовлетворялась и будет удовлетворяться поэзия.
Но такая огромная толпа поэтов, естественно, пугает многих непрозорливых и недальновидных наблюдателей, а потому они ее по привычке записывают в разряд графоманов, как это было принято еще совсем недавно. На самом деле поэтомасса не только создает литературу, но формирует и переваривает идеи будущего, перекачивая и структурируя их в иной язык грядущего. Если в XIX веке малограмотная Россия смогла переварить своим малокультурным умом только одного великого Пушкина, то сегодня лишь толпа поэтов способна переработать надвигающийся поток информации в понятную и запоминающуюся нам форму нового слова. Поэтому любой поэт вам скажет, что нынешнее время требует массового стихосложения и стихокомментирования, а не стихопрочтения.
Недаром Юрий Арабов при вручении ему премии имени Бориса Пастернака сказал: «Стихи в России писать невозможно, потому что в России все пишут стихи. Я думал, удушье потребительского общества искоренит эту блажь, но нет, каждый день появляется гениальный поэт». Лауреат, конечно, пошутил, комментирует автор газеты «Коммерсант». Но посвященные знают, что в этой шутке больше правды, чем в оперативной статистике сайта стихи.ру.
Зарождение и тотальное размножение поэтомассы в России на фоне построения потребительского общества означает страстное желание грамотных людей защититься от этого самого потреблянчества, в которое, как в отстойник, окунули страну реформаторы.
Конечно, поэты не против того, чтобы на всех

прилавках была в достатке колбаса, сами кушают, как минимум, три раза в день. Но их пугает, что колбаса стала точкой отсчета, главным мерилом благополучия, психологического комфорта не только в повседневной жизни, но даже в литературе и в душе. А литература и душа для образованных русских остаются священной коровой на протяжении двух веков, как минимум. И в ответ – стихи-йный творческий протест, грандиозный поток самовыражения методами стихосложения. Это законная реакция знающего грамоту русского человека, которого принудили каждый день лицезреть в изобилии колбасу. И от этого изобилия народец наш ударился в стихи-ю.

Производить материальные ценности грамотному человеку не с руки, а вот завалить страну стихами – это запросто. Это даже настоящий духовный подвиг, который, может быть, останется в веках. Ведь колбасу съедят на следующий день, а стихами, глядишь, еще можно прославить Отечество, если даже самому не удастся стать, как наше всё, памятником себе. Поэтому не устаю повторять свою излюбленную мысль о том, что поэты выносят Россию вперед стихами. Куда они ее донесут – неведомо! Может, свет в конце поэтического тоннеля – это все же огни ада? Только поэты не знают или не хотят замечать, что в современной словесности происходит замена божественного глагола на черный глагол. Если Бог всегда познавался в молчании, что исследовала настоящая поэзия, то дьявол действует в сладких речах искушения. И теперь новая литературная среда не учит обустраивать жизнь, а сама обустраивает иной мир. А все потому, что, приняв формулу мертвого Бога хотя бы в душе, человечество приучается жить своим умом познания виртуального базиса.

«Я остался пунктиром…»
Евгений Степанов

кто-то в поэзии – полное собрание сочинений,
а кто-то – поэма,
кто-то – крохотное стихотворение,
а кто-то – всего лишь оборвавшаяся строка,
кто-то – запятая или даже точка…
А я в поэзии – тишина!
Кто-то слышит меня, читатели мои?

Вот так бросил я в пустыню пустоты слово и даже не подозревал, что слышали нас задолго до того, как в нашем веке возникло и осуществилось течение массовости в поэзии. Жорж Батай в своей работе «Внутренний опыт» уже задавался подобными вопросами, которые перед ним ставили предшественники. В частности Батай удивлялся этим словам: «Все люди, – сказал Блейк, – похожи друг на друга своей поэтической гениальностью». А Лотреамон добавил: «Поэзия – это дело рук всех людей, а не одиночек». Мне очень хотелось бы посмотреть, насколько далеко можно зайти, пытаясь на самом деле осуществить такие помыслы: разве поэзия не дело рук одиночек, который посещает гений?»

Как говорится, ничего нового под луной, гении это предвидели! А нам остается это только подтвердить практикой!

Дмитрий Цесельчук

US AIR FORSE

В Крыму искали мы подарок
в торговом центре «Конфетти»
хотелось чтобы был он ярок
сумели петуха найти –
в очках, мотоциклетной куртке
и с этикеткой AIR FORSE
и – над бородкой – с клювом жутким
Пилоту Палычу вопрос
задали:
– Кто ты глюк китайский
чьи air forse пришил Пекин
как в треугольник этот адский
влип Палыч наш как сукин сын
иль сунь-вынь-накось в переводе
на русский стало быть язык
Но любят палычей в народе
и я к утру к нему привык

Жена же в нём души не чает
то куртку настежь расстегнет
то на глаза очки причалит –
хоть завтра с Палычем в полет
жаль нет пока аэроплана –
не то бы улетел и я
и поглотила б без обмана
нас необъятность бытия.

08.01.2017

Фото Нины Давыдовой. Крым, 2017 г.

Валентин Нервин
Воронеж

СТРЕКОЗА

Как будто звезда Голливуда
тебе заглянула в глаза –
чешуйчатокрылое чудо,
танцующая стрекоза.
Откуда на русской равнине,
где судьбы летят под откос,
берутся такие богини
с фасеточным взглядом стрекоз?
Она заглянула случайно
в таинственные времена,
где жизнь коротка и печальна,
когда улетает она.

* * *

У возраста странная мера:
по памяти время храня,
я, может быть, старше Гомера,
но Лермонтов старше меня.

Наверное, скоро наука
откроет великий закон
и дед, опекающий внука,
узнает, что внук – это он.

И, всё повторяя сначала,
выходишь из мрака на свет,
а женщина ждет у причала,
наверное, тысячу лет.

Законы любви и природы
всегда утверждают одно:
какие бы не были годы,
любимым стареть не дано.

Александр Петрушкин
Кыштым

* * *

И нестерпимый свет,
что замерзает в лёд,
внезапно в дом – как рой
за рыбою войдёт,

и восемь своих крыл
[как стрекоза] в тебя
возложит – из воды
твой ангел, не любя.

И входит без ключа
в тебя нетвёрдый свет,
и ты уже меняешь,
как стрекоза, свой цвет,

и рой летит с тобой
внутри смешной крови,
где нетерпима плоть
[попробуй, улови!

её последний клик
по клавише себя]
и ты уходишь вновь
сужаясь в не дыша.

* * *

Мир [похожий на войну]
гложет пальчик, как печенье
и [во всё нипочему]
он растёт стихотвореньем.

Милый, скромный мальчик мой,
что лежит на потном блюде –
изо всех своих стрекоз
он глядит, как эти люди

[по весне набросив лик
гумилёвского жирафа]
вынимают из войны
то, что ей отдать не жалко.

И невинные её
собираются осколки
в небо с черною рекой,
в лёд что дышит в её топке,

в рыб, похожих на пшено,
в теплой женщины затылок
в жар, что капает смолой
где оса, как медь, застыла

в свой чужой Еманжелинск
как мужик ещё помятый –
по дороге идёт свист:
идиотом и не пятым

мир, похожий на войну
в саранче чужой бумаги
принимает на губу
красной жидкости из фляги

и – пьянея не от слёз –
кровоточит будто вишня
изнутри родных берёз
так, что мальчику не видно.

Я – Ich

Сергей Тенятников
Лейпциг

ТИТАНИКИ

кто не утонет тот будет плыть
будто в океане Надежды нет суши
кто не умолкнет тот будет петь
«Оду к старости»
трепаться о воре
спорить о Боге
пока не поперхнётся ледяным суффиксом
как Титаник веривший в своё железо
больше чем в воду.

Авторская билингва

Стихи на русском
и немецком

TITANICS

wer nicht sinkt, der wird weiterschwimmen,
als ob im Ozean der Hoffnung kein Land existiert.
wer nicht verstummt, der wird singen
die Ode an das Alter,
labern über Diebe,
streiten über Gott,
bis er sich an einem eisigen Suffix verschluckt
wie die Titanic, die ihrem eigenen Stahl mehr Glauben
schenkte als dem Wasser.

Михаил Молочников
друг ДООСа

«Манифест стрекозы».
(бумага, тушь).

Борис Колымагин

+
Я уснул, и спать не хочется,
все не спал
ля – услышал
си – услышал
до-свидания сказал
темная материя
в повороте тела
до диез минор
или фа мажор
или просто
взмах крыла
до-ре-ми-фа-соль
орла
крылья песни в ночи
и дороги ключи.

+
Новая онтология –
bill

bill bill bill
bill bill bill

bill bill bill bill bill bill

это почти что
ВОТ
на серой стене

или
вода вода вода
увы, да
в одну реку
дважды

+
Я прячусь от настоящего
в зеленом шуме
в вечернем полете
майских жуков,
ж-ж фантазий,
сиреневые облака.
Я размазываю себя в дороге и разговорах.
Настоящее
прячется от меня.

Игорь Балюк
ДООС – украйнозавр

Какое дело стрекозе ДО ОС?

Душ и тел мягкий знак

И нервный срыв на грани близ меня.
И за себя в дальнейшем не ручаюсь.
И должно в жизни что-то поменять –
конкретно что, пока еще не знаю.

Скажите, люди, что во мне не так?
Конкретно что, но не общо, абстрактно?
Хорош собой, допустим, не дурак,
не лиргерой лысеющих антрактов.

Во мне огонь, бурление, гормон.
Прожжен насквозь я дикой страстью.
Я мог бы стать еще опасней,
ведь я – душитель дездемон.

* * *
ветра
в траве
ведром звенели
да слишком ведомо куда
кидали шишки мимо ели
не принося лосям вреда
то там то сям коварны бивни
разнообразные рога
сколь аморальны пробы ливней
реке раздвинуть берега
где посреди плодов малины
медведи ужинать ужа
носили в машиной корзине
ты больше нам не госпожа
над нами власть твоя не в силе
сказали Маше напрямик
видать убогие забыли
насколько вкусен медовик
а Маша что
она рисует
она танцует и поёт
такую песенку простую
в той песне крот и звездолёт
ведут беседу о науке
о торжестве её глубин
о том зачем терзают муки
и бог на всех совсем один

Татьяна Грауз

Манифест

Александр Князев

Санкт-Петербург

* * *

Зачем нужны манифесты Искусству?
Каждый художник – индивидуум.
Месту в искусстве быть пусту,
если художник не применит свой ум.
Объединения всякие порождают похожесть
и болезнь под названьем «кучкизм».
Излечить от этого только может
хороший эгоизм.
Эгоистом быть не зазорно, право –
даришь себя другим на радость.
Дарить пустоту ни у кого нет права:
всплывёт пессимизм или другая гадость.
Манифесты больше политиков удел –
пускай следуют течениям и направлениям.
Если в Искусстве проявить себя сумел –
значит, останется что-то
будущим поколениям.

2.03.2017 г., 16:32

ПО лесам, ПО горам

Валерий Мутин

ДООС – стрекозавр
с. Пречистое

ИКА-ИКО

Таежный манифест

Семидесятые годы ... Я работаю бригадиром монтажников на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС, живу в посёлке с поэтичным названием Черёмушки. Посёлок ещё строится, дома, словно грибы, растут в живописной долине на берегу Енисея. Со всех сторон Черёмушки окружены старыми лесистыми Саянами. В горах много непуганой дичи, соболей, кабарги, косули и маралов. Почти у самого посёлка ложатся на зимовку медведи. А сколько рыбы в полноводной сибирской реке, поперёк которой ещё не встала серая бетонная громадина плотины! Не уходя далеко от дома, за один вечер на удочку можно наловить целое ведро хариусов.

С юных лет рыболов и охотник, где я только не бывал до приезда в эти нетронутые человеком места: рыбачил на Волге, охотился в Приэльбрусье и на Северном Урале, – нигде подобного не приходилось видеть. Едва освоившись на новом для себя месте, всё свободное от работы время я провожу или в лодке на реке, или в дремотных логах Саян. Отпуск стараюсь брать ближе к зиме, когда открывается охота на соболей, с ружьём и собакой ухожу в горы. Заблудиться в горах трудно: в каждом логу живёт ручей, который, как ни петляет, ни прячется в каменистых осыпях-курумниках, всё рано приведёт к большой воде, к Енисею, а значит и к посёлку.

Но однажды на исходе октября в один из выходных дней я отравляюсь на охоту в Карымов лог пострелять рябчиков и умудряюсь заблудиться, свалив с перевала не в тот распадок.

Предзимье, а у подножья Боруса на пнях и старых поваленных берёзах еще продолжают расти опята. Их так много, что глаза разбегаются, но резать грибы я не тороплюсь, – на обратном пути нарежу – решаю про себя.

Из-за шума ручья, вдоль которого лежит моя охотничья тропа «путик», не слышу, как с вершины кедра сорвался каменный глухарь. Снимаю с плеча двустволку, но стрелять не решаюсь, слишком большое расстояние, а дробь в стволах мелкая. У меня правило – стрелять наверняка, зря не губить дичь или зверя и не оставлять подранков.

Чем выше поднимаюсь в горы, тем прохладнее воздух, другой видится и тайга. Из деревьев преобладает кедр, вернее, до самого горизонта бесконечные массивы кедрача. К некоторым стволам приставлены колоты – орудие шишкарей, ещё недавно промышлявших здесь кедровые орехи.

Увлёкшись охотой, не замечаю, что портится погода. Вершину Боруса окутали тучи, повалил мокрый снег. Надо срочно возвращаться, но в какую сторону идти, не могу определить, – компас, как на грех, дома забыл. Пройдя километра два наугад, сваливаю с гребня отрога в первый попавший лог. Пройдя еще с километр, понимаю, что иду куда-то не туда.

Вечереет. Вновь подниматься на перевал уже поздно, да и силы мои на пределе, за плечами рюкзак без продуктов и заряженное мелкой дробью ружьё, – и я решаю спускаться вниз по незнакомому мне руслу ручья. «Суббота сегодня, а на работу только в понедельник, – мысленно успокаиваю себя. – Если не выйду из гор сегодня – не страшно, успею, и жена

давно привыкла к тому, что частенько остаюсь ночевать в тайге».

Одно плохо – штаны и куртка мои уже насквозь мокрые, в сапогах хлюпает вода. К вечеру ударил лёгкий морозец. Моя одежда начинает обмерзать, ноги – зябнуть, и я решаю устроить привал.

Не отходя далеко, выбираю место под нависшей над ручьём скалой, где не так сильно задувает «хиус» – ветер, дующий с вершины горы Борус, ломаю сушняк, «раздеваю» трухлявый берёзовый пень, снимая с него бересту. Одну за другой чиркаю спички окоченевшими пальцами, но огня добыть не удаётся – спички отсырели в кармане промокшей куртки... Ну, что ты будешь делать!

Посидев на мокрой валежине и погоревав, со вздохом встаю. Нужно идти сквозь ночь по скользкому каменистому дну ручья вперёд, иначе не долго и умереть от переохлаждения. Кладу коробок с оставшимися несколькими спичками под шапку (авось высохнут) и двигаюсь в путь.

И вдруг минут через десять-пятнадцать – есть Бог на свете! – вижу: впереди тускло светящееся оконце охотничьей избушки. Обрадовано стучу окоченевшими костяшками пальцев по раме окна и, не дождавшись приглашения войти, толкаю дверь. Двери здешних охотничьих зимовий всегда открываются внутрь: не столько от снежных заносов, сколько от медведей. Зверь этот может проникнуть в избушку, только выцарапав дверь на себя – толкнуть её лапой у него почему-то не хватает ума.

Согнув, как в низком поклоне, спину, захожу в избушку. Меня сразу же обдаёт теплом и пронизывающим запахом какого-то вкусного варева.

И верно: посредине избушки, на печурке, сделанной из железной бочки, в каких возят на лесосеку солярку, что-то варится. Тут же закипает прокопченный алюминиевый чайник – меня как будто ждали!

На голом, грубо сработанном столе горит керосиновая лампа: семилинейное стекло с отбитой верхушкой сильно закопчено, пламя отбрасывает свет на такой же закопченный потолок. Потолок в избушке настолько низок, что стоять во весь рост нельзя и невысокому человеку, а поскольку ростом меня Бог не обидел, приходится сгибаться чуть ли не вдвое. Но где же хозяин избушки?

Тут я замечаю, что в полутёмном углу, на топчане, покрытом потёртой шкурой марала, сидит незнакомый мне охотник. Тёмное лицо до глаз заросло густой рыжей щетиной, что делает незнакомца похожим на древнего старика. Однако, присмотревшись, я понимаю, что это еще молодой человек, примерно моего возраста. В руках у него полусухая шкурка соболя, насаженная на правку-рогатульку; охотник, как видимо, осаживает шкурку, не дав ей окончательно высохнуть, чтобы мех был более плотным. «Мягкое золото» высоко ценится только на международных аукционах, а непосредственным добытчикам не дают и сотой доли настоящей стоимости сдаваемой пушнины.. Вот и колдуют охотники-промысловики над каждым добытым соболем, чтобы придать шкурке товарный вид: тогда заготконтора примет ее первым сортом и денег побольше даст.

Мой приход нисколько не удивляет бородача, словно мы век были с ним знакомы, а расстались только вчера. Правда, в ответ на моё приветствие я слышу нечто странное:

– Дра-дро!...

«Не русский, что ли?»

– Далеко до Черёмушек?

– Ика-ико, – отвечает незнакомец на том же странном языке.

«Немой, видимо... Ладно, хоть слышит хорошо»

Мужик прибавляет в лампе свету и, приветливо улыбаясь одними глазами, указывает на топчан, что находится у противоположной стены.

– Спасибо, добрый человек! Погоди, вот только воду из сапог вылью...

Сняв мокрый рюкзак, выхожу за порог. Кажется, всего-то минуту я пробыл в избушке, а тайгу уже не узнать: кругом царит застывшая, искристая сказка. И скалы, и кедры растворились в ней; на небе, обрамлённом зубчатыми выступами гор, зажглись яркие звёзды. Пахнет дурманом и чёрной смородиной. В ушах звенит от наступившей тишины. За километр слышен каждый посторонний звук, каждый шорох. Где-то далеко треснул сухой сучок, – это марал или лось спускается с вершины перевала.

Совсем рядом мирно воркует, словно сам с собой разговаривает, невидимый глазу ручей. Над самой моей головой, бесшумно, как тень, пролетел филин и, усевшись на невидимой ветке, недовольно заговорил: «Гу!..Гу.!.Гу!...» Самого филина тоже не видно, впрочем, если вглядеться в потёмки, можно узреть сквозь ветки две маленьких желтых луны его устрашённых глаз.

Но что это за странные звуки доносятся из темноты? Очень похоже на хруст костей в пасти какого-то большого и кровожадного зверя...

Постояв немного, возвращаюсь в избушку. Там уже накрыт стол – на нём стоят две алюминиевые миски с горячим варевом и две кружки кипятка, сдобренного веточками черной смородины. Посредине стола на бересте дымятся несколько тушек каких-то некрупных зверьков.

«Варёные белки, – догадываюсь я, – охотничий деликатес!»

Охотники-промысловики, месяцами живущие в одиночестве в отдалённых зимовьях, рады любому гостю. Но чтобы в глухой тайге да ещё в такой поздний час встретить незнакомого человека столь радушно!

– Ну, спасибо тебе, брат!.. Спас ты меня...

Бородач, улыбаясь, разводит руками, словно говоря: «Чего уж там, присаживайся и чувствуй себя, как дома».

Так в дикой Саянской тайге я знакомлюсь с человеком, который чуть ли не с первой минуты становится моим другом, а впоследствии и напарником на охоте. В ближайшие годы мне предстоит провести вместе с потомственным охотником-промысловиком Иваном Захаровым не один охотничий сезон, постоянно узнавая всё новые подробности его жизни.

Жизнь эта не была сладкой с самого детства. Отца своего Иван почти не помнил, кроме одного трагического эпизода, который запечатлелся в его памяти на всю оставшуюся жизнь. Дело было на покосе. Маленький Ваня заметил в высокой траве медвежонка и стал гонятся за ним. Почуяв недоброе, отец бросился остановить сына, но было поздно – одним прыжком выскочила из кустов мать-медведица, дала человеческому детёнышу такого шлепка под зад, что тот улетел метров за пятнадцать в кусты и тем спасся. А медведица, заломав Захарова старшего, ушла в тайгу. С тех пор Иван внятно не разговаривает.

Мать Ивана после смерти мужа вступила в промхоз и стала в одиночку охотиться на всякого зверя. Стреляла по-снайперски метко – говорили про неё, что пулю надвое рассекала, целя из своего охотничьего карабина в лезвие воткнутого в пень кинжала. Не одного «хозяина тайги» убила, мстя за гибель мужа. А вскоре и сыновья её подросли и начали заниматься тем же ремеслом.

Обширное, богатое пушным зверем угодье Захаровых располагается у подножья горы Борус, в верховьях речки Голубая в двух десятках километрах от посёлка с таким же, как у ручья, названием. Круглый год кормит тайга охотников: весной они заготовляют молодые, скрученные в кольца, словно петушиные хвосты, побеги папоротника для продажи их в Японию, в летнюю пору – золотой и маралий корень и другие лечебные травы, а в сентябре уходят в кедрачи на заготовку орехов. Потом всю зиму, до марта, промышляют

пушного зверя (не истребляя его при этом подчистую, сохраняя природный баланс).

После того, как брат Ивана женился и ушёл с геологами в другие места, мой друг остался единственным хозяином в этих обширных промысловых угодьях. Несколько сезонов, до того, как в его зимовье холодным осенним вечером постучался я, охотился в одиночку. Но обо всём этом мне ещё предстоит узнать, а пока что я сижу за столом вместе с радушным бородачом, ем беличье мясо, пью душистый чай и пытаюсь понять язык своего спасителя. Запас внятно произносимых слов у него не велик, гораздо чаще Иван прибегает для выражения своих мыслей к мимике и жестам. Да и то, что может выговорить, нужно всякий раз понимать по-разному, в зависимости от ситуации.

Например, «ика-ико» означает в одном случае «далеко», а в другом – нечто прямо противоположное. Но оба мы охотники, а потому многое понимаем без слов, проникая в суть сказанного своей охотничьей душой.

В тепле меня быстро разморило и клонит в сон.

Положив голову на кулак и не закончив фразы, я погружаюсь в забытье, и голый дощатый топчан в эти мгновения милее супружеской перины.

Просыпаюсь от громкого собачьего лая. Ага, так вот кто, значит, кости в лесу ночью грыз!...

Хозяина в избушке нет. На раскалённой до красна железной печке закипает чайник, на вбитых в стену гвоздях висят мои ружьё с патронташем и высохшая за ночь одежда. «Всё, как в лучших домах Парижа», – лезет в голову услышанная однажды от кого-то дурацкая фраза. Дверь со скрипом открывается, впуская, вместе с клубами холодного воздуха хозяина избушки и рослую, неизвестной породы лайку. На мой оценивающий взгляд, брошенный на собаку, Иван, приседая, азартно гребёт руками, изображая собачий бег, поднимает большой палец:

– Во!

Завтракать пристраиваемся к столу втроём. Обглодав по крупной кости неизвестного мне мяса и доев вчерашних белок, остатки отдаём Нэе (так зовут любимицу хозяина), и та тут же с хрустом пропускает их сквозь свою зубастую пасть, словно через мясорубку. Запив сытный завтрак смородинным чаем, движемся на выход. Я снова бодр и свеж, предстоящий неблизкий путь домой меня не пугает. Самый лёгкий – вниз по Голубой до посёлка и Енисея или, перевалив перевал, возвращаться изведанным накануне маршрутом. Никакие горы и курумники-осыпи мне теперь не страшны. Но один вопрос всё же не даёт покоя.

– Иван, а что же это она ночью в чаще грызла? – говорю я, кивком головы указывая на Нэю.

Бородач мычит что-то в ответ. Указывая рукой в заросли смородины, манит меня за собой: пойдём, дескать, покажу, раз ты такой любопытный. Огибаем голый горный выступ, по узкой звериной тропе идём вслед за собакой. Пройдя метров триста, Иван внезапно выбросив вперёд руку, кричит:

– За-а-яц !

Но вместо зайца из кустов на меня глядит взлохмаченная оскаленная медвежья морда. Машинально я хватаюсь за ружье, забыв, что в патронах мелкая дробь, которой разве что глухаря убить можно и то, если стрелять влет «под перо».

– За-а-а-яц!.. – улыбаясь во всё лицо, вновь восклицает он, очень довольный произведённым эффектом.

Подойдя ближе, я вижу, что на высокий замшелый пень поставлена одна лишь отрубленная медвежья голова, а само туловище, не ободранное вовремя, лежит поодаль. Его-то ночью и грызла Нэя.

С помощью жестов Иван рассказывает мне, что ещё до его прихода сюда браконьеры, по-видимому, смертельно ранили этого матёрого медведя, но «добрать» не смогли или, струсив, не решились. Тот ушёл от ненавистных двуногих, спустился к ручью напиться да тут и околел.

Время холодное – до конца сезона собаке мяса хватит, остатки соболя с колонками доедят.

Нам пора расставаться. Обняв своего нового друга, я повторяю вопрос, который задавал ему вчера. Правда, я и сам уже знаю, что до посёлка, если идти по прямой, километров двадцать, для охотника – не расстояние. Но не могу отказать себе в удовольствии услышать ответ Ивана.

– Ваня, так всё-таки далеко до Черёмушек?

– Ика-ико, – отвечает тот, широко улыбаясь.

В тот же день, ещё засветло, я возвращаюсь в свою уютную городскую квартиру, возвращаюсь, чтобы при первом же удобном случае, забыв про все прежние злоключения, вновь уйти в Саяны.

Елена Лабынцева

Право Гласа

Есть право голоса, но существует право Гласа.
Пиши, читай, считай и трепещи
Над бренным телом –
Время безучастно,
Оно творит не в кущах, а в тиши…
Лишь ТАМ, где МЫ ВСЕГДА ЛЕТАТЬ УМЕЛИ!
Лишь ТАМ, где струны держат небеса!
Лишь ТАМ нам сердце светом жгут метели
Пыльцы из звёзд, которой нет конца…
Мы право голоса отстаиваем громко –
На площадях кричим и словом бьём.
Заточен ВЕК в перо сатиры звонкой,
В НАС ИНКАРНАЦИЮ измерили рублём.
НАС НЕБЕСА зовут, но в кущах тонут звуки,
И исписался старый карандаш,
Мы к ним так редко поднимаем руки,
Но НАС ТАМ ждут, ТАМ МИР безмерный НАШ!
Без меры страха и без меры боли,
Без масок лиц, без отягчённых тел.
ТАМ только ГЛАС, там лишь покой и воля!
Взлетай ТУДА,
ТАМ много чистых ДЕЛ!
И вечным О! дыши, пиши ТВОРЕНЬЯ!
Но страх в стихи не сбрасывай в тоске!
ОНО МОЛИТВЕННО, ТВОЁ
СТИХО_ТВОРЕНЬЕ!
ОНО ГОРЕТЬ ДОЛЖНО в ТВОЕЙ руке!
Я понимаю, что в трёхмерном мире
Наш слог лишь парус в океане слов.
Но верю, ТЫ – БОЕЦ СВЯЩЕННОЙ ЛИРЫ!
ПОЭТ избавит мир от грязных снов!
Пусть будет ГЛАС ТВОЙ!
Будет ПРАВО ГЛАСА!
ОНО взойдет просторами ИДЕЙ!
ЕМУ творить и созидать ВСЕЧАСТНО!
Поэт – создатель мира для людей!

Андрей Коровин
ДООС – крымозавр

символ веры (книжника)

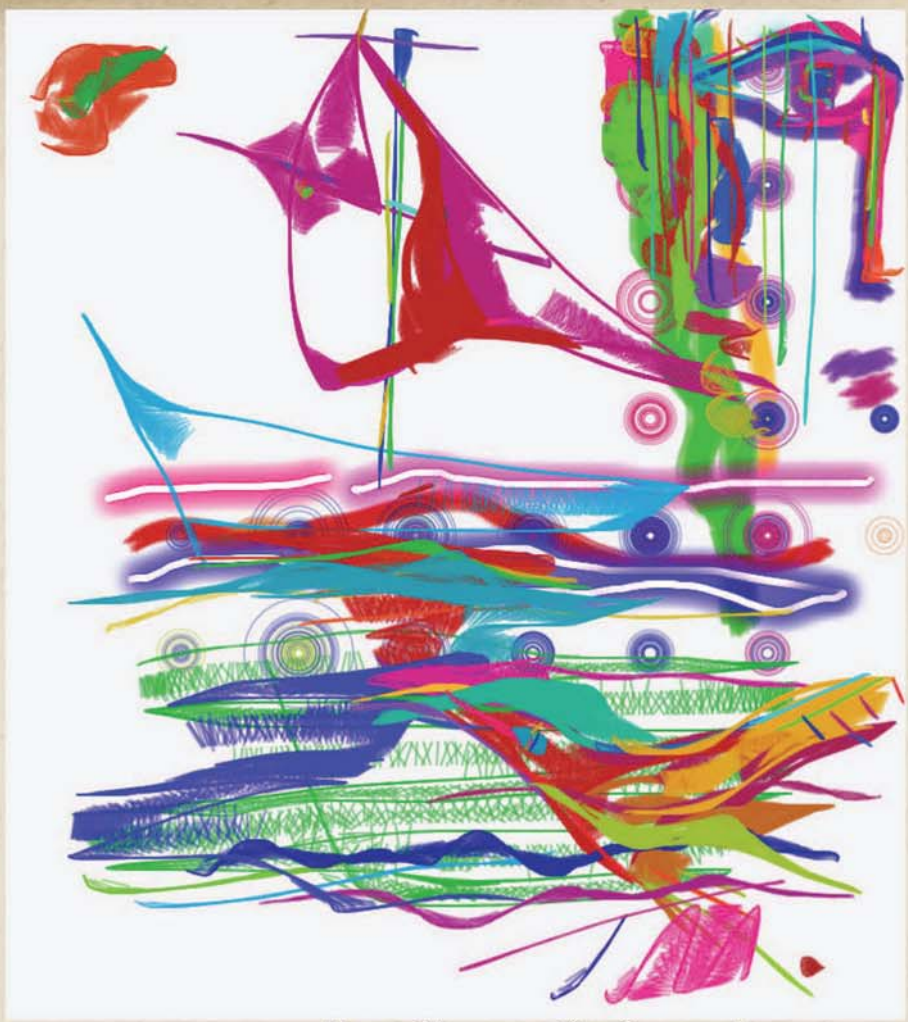
книжки
на то и книжки
чтобы
страдать
обливаться кофе
компотом соком
лишать девушек сна
и девственности
сводить с ума
мальчиков
мечтами об Африке
и Аляске
ложиться в кровать
с красивыми женщинами
и уставшими мужчинами
веселить детей
сводить с ума взрослых
обращать в веру грешников
развращать праведников
заставлять думать идиотов
и расслаблять умников
нравиться
бомжам и банкирам
предсказывать судьбу человечества
тонуть на титаниках
гореть на площадях
превращаться в прах
и воскресать из пепла
символом
жестом
взглядом

матросы: в небесах

мои золотые матросы
живут в небесах корабля
и тянут канаты и тросы
чтоб вечно крутилась земля

у них виноградные губы
и штормом исполненный взгляд
и в солнцем отлитые трубы
они беспокойно трубят

и радостный северный ветер
колотится в их паруса
и самые кроткие дети
без страха глядят в небеса



Галина Мальцева «Корабль-манифест»
(компьютерная графика), 2016 г.

Михаил Пучковский

ОТПЛЫТИЕ

Спокойно, дружище, не всё бушевать непогоде.
Утихнет гроза, но и штиль ни к чему этим летом.
Лужок пасторальный на суше, мой ангел, не в цвет нам…
Ты помнишь, как мы провожали в порту пароходы?

Ты помнишь, как к морю привычной походкою шаткой,
Сияя надраенной медной кокардою-крабом,
Седой капитан, не спеша, поднимался по трапу,
Толпе на причале махнув на прощанье перчаткой?

Однажды и мы соберемся покинуть причалы.
По благословенным просторам Эвксинского Понта
Под парусом радости мы подойдем к горизонту,
И за горизонтом конец обернется началом.

…Отдали концы, и безвременью берега нет, но
Наполнился парус, и весело снасть загудела.
На теплой янтарной волне за последним пределом
Качнется кораблик и мачтой достанет до неба.

Андрей Цуканов
ДООС – философозавр

Людмила Вязмитинова
ДООС – людмилазавр

Пиши и слушай
Окрест себя внутри себя

Постоянные помехи поворачивают
Общение относительно оси
Эзопова эрудиция экономит
Занудное зачесывание заноз
Исчерпывающе исправляет историю
Являя язык Я.

Авторская билингва

Ольга Левицка
Люблин

ПЕСЕНКА О ПЬЯНЫХ ВИШНЯХ

Друзьям

Торт был на славу! В кремовых розах, сладкий и пышный.
Но – невидимки – прятались в недрах «пьяные» вишни.
В сладкой ванили перебродили – целая банка.
Правда – in vino, смысл и причина, торта изнанка.

То, что таится в порах, в печёнках: так – без огласки.
Скромная сущность, жизненной гущи дрожжи, закваска.
Смешаны, взбиты сахар, бисквиты, крема излишки.
Вдруг: из глубинки, из сердцевинки – пьяные вишни!

Слышишь, дружище, жизнь обернулась гладью и тишью?
Ну-ка, найди-ка в будничном тесте пьяную вишню!
Пусть вдохновляет, быт украшает, тешит собою:
Женщину, стих ли – вдруг это «что-то» станет судьбою!

Виктор Клыков
ДООС – австрозавр
Вена

1. Мой МАНИфест –
пусть у поэтов всегда будут Money and Fest!

и другой – для русских поэтов

2. ПОЭТАМ РОССИИ

Поэты! Для фото*
вы встали у стенки шеренгой,
на серой стене ваши тени,
как будто вы ждёте расстрела
поэты,
в традиции русских поэтов.
Но время сменилось и стало возможно
одною стеною стоять не для смерти
всем русским поэтам открыто и вместе,
обнявшись для радости жизни
в едином порыве родства,
стоять не бояться от брата, отца
огня пистолета, свинца,
в едином стремлении:
гореть не в огне пистолетов,
но в творческой жизни.
Горенье в огне вдохновения –
Вот счастье поэтов!

6 января 2010

*Традиционное общее фото на поэтических фестивалях

Александр Габриэль
Бостон

ПОСТМОДЕРН

Поэт смеётся.
Говорит: сквозь слёзы,
но мы-то знаем: набивает цену.
Во тьме колодца
обойтись без дозы
не в состоянье даже Авиценна.

А в голове –
морзянка ста несчастий.
Он – явный арьергард людского прайда.
Себя на две
распиливая части,
он шлёт наружу Джекила и Хайда.
Поэта гложет
страсть к борщам и гейшам
да трепетная жажда дифирамба.
Но кто же сможет
отнести к простейшим
творца трагикомического ямба?

Давно не мачо,
услаждавший уши,
обыденный, как старая таверна,
он по-щенячьи
подставляет душу
под плюшевую лапу постмодерна.

Стихи на русском и польском

Я – Ja

PIOSENKA O PIJANYCH WIŚNIACH

Przyjaciołom

Tort swą urodą wabił, zapachem, smakował pysznie,
Lecz niewidoczne w nim się chowały pijane wiśnie.
Wiśnie „pijane” – wzięte zapewne prosto z nalewki,
Drobny akcencik, smaku złamanie, tort od podszewki.

Coś, co tkwi w środku, w porach, wnętrznościach, nie pcha się w oczy.
Smaczek, rodzynek, sedno i serce – żadne pobocze.
Warstwy biszkoptu, cukru i kremu lukrem polane…
Nagle – coś jeszcze, nagle – perełki: wiśnie pijane.

Hej, przyjacielu, brak ci konceptu, plączą się myśli?
Znajdźże w kawałku swej codzienności pijaną wiśnię!
Coś niezwykłego, coś szalonego, życia ozdobę –
Wierszyk, kobietę – coś, co zostanie w tobie i z tobą!

Марк Ляндо

ЛУЧ

«О, как же я хочу,
Не чуемый никем,
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем».
О. Мандельштам

– Привет тебе о луч..! –
Сквозь космос и мороз
Он прошептал лучу,
Летящему от звезд.

Он их шептал в ту высь,
Где космос шаровой
Все обнимал вокруг
Великой немотой…

И стыл, как камень-сфинкс
На вышке часовой,
А на его штыке
Мерцал тот луч звездой…

– О, как же я хочу –
Сквозь космос и мороз-
Лететь вослед лучу
К стране забытых грез

Где у горячих скал
Тебя я обнимал,
Когда тот легкий луч
Тебя нарисовал..!

Там где виолы волн,
Звенят о волнолом
Где укрывала высь
Нас золотым руном..!

…Так он шептал слова
Сквозь космос и мороз
И звук их уплывал
К морям далеких звезд…

Ярослав Пичугин

* * *

не знаю зачем
не знаю почему
ходит человек во мне
словно ходики
человек не ходит

ЕЩЕ БАБОЧКА

1
порхает
меж раскрытыми
цветами
как будто снова
требует ответ
мгновений
прошлого
2
и день
как летопись
и летопись
размером в день
на крылья бабочки
легли
3
присела
на могильную ограду
лишь крылья
плащиком сложив…

СНЕЖНЫЙ КЛОУН

ночью выйдет
клоун clown
как деление на ноль

свой достанет реквизит
из дыры снежок сквозит
поглощая дерева
поглощая площадь сна

clown slow
лунолик он
snow clown
клоун
клон

* * *

за грозой
занозу молнии
извлеки из глаза
и прольется
дождика
до-реми
купель

Галина Мальцева
«Бабочка»
(компьютерная графика),
2015 г.

Лена де Винне
ДООС – стреко-sapiens

МАНИФЕСТ

из плоти и из крови Мирозданья
родились мириады звёзд
и несколько планет

сижу с друзьями
свесив ноги
с края горизонта

вокруг рассыпалось
Вселенной БЕСКОНЕЧЬЕ

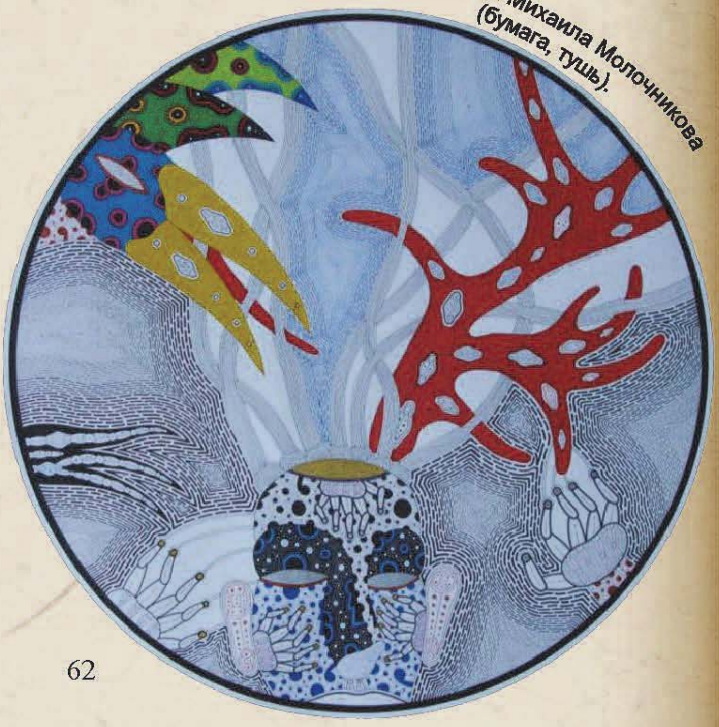
По течению космического ветра
слова пускаем

В бутылке времени
зелёного стекла
они плывут туда
где нас не будет
а будет созданное нами
ПОСЛЕНАСЬЕ

ЖИТЬ!

Мне не трудно и не жалко. Умирать
или жить решать теперь уже не мне.
Восставать, мириться, думать, прозябать...
Всё одно – воздастся позже. А толпе
улюлюкать, перебрасывая плеть
через рею, закрутив её в петлю,
пожелаю, перекрикнув залп-фальшстарт.

Композиция Михаила Молочникова (бумага, тушь).



Сергей Тимшин
Краснодар

ГЛЯДЯ В НЕБО ЗВЁЗДНОЕ

Ночное небо феерично….
Но вдруг подумалось во мгле,
Что после Бога всё вторично –
И в Космосе, и на Земле…

11.11.2013

К СВЕТУ ЗВЁЗД

Шар земной я хотел бы объять руками,
Обжигаясь ледовыми полюсами,
Чтобы грудь мне сдавило материками,
Чтоб – до слёз! –
Расставаясь с родимыми берегами,
Надышаться мгновеньями и веками,
И помчаться, скрываясь за облаками,
К свету звёзд…

К свету звёзд устремиться поэту благо
Из потёртого сроками тела-фрака,
Без нажитого скарба, идеи-флага –
Налегке!
И блуждать по созвездиям Зодиака –
От рождения знака до смерти знака –
Вкруг Земли, где остался, помимо праха,
И в строке…

И в строке сокровенной – я знаю точно:
Скоро, скоро поставлена будет точка,
А за точкой – задумчиво – многоточье,
Но не мной…
Потому, что учился я не заочно
Эту землю любить, да стоял непрочно
На ветрах, и покину в свой час урочный
Шар земной.

Шар земной!.. Ах, как помнить тебя я буду –
Голубое, всему Мирозданью чудо,
Где недолго и я средь цветов и люда
Сердце нёс!
Где сияло мне золотом Солнце-блюдо,
Где я знал полюсов ледяные слюды,
И умчался однажды душой откуда
К свету звёзд…

27.01. 2012

Амарсана Улзытуев

Из авторского манифеста

«К вопросу о конечном и бесконечном в русской поэзии»

АНАФОРА (греч. anafora — возвращение, единоначатие, скреп...) Википедия

Сначала зададимся простым вопросом. Итак, что есть поэзия: таинство сотворения смысла («мы — смысловики», Мандельштам) или одно из искусств, подражающих природе, вроде музыки или живописи, — плюс упражнения с конечной рифмой? Как известно, конечная, заднестрочная рифма была, в свое время, перенята у арабов, через арабскую Испанию – трубадурами, усвоившими изощренную рифмовку арабской системы стихосложения. Можно предположить, что то ли в силу своей «всемирной отзывчивости», а скорее, удовлетворяя эстетическим потребностям салонной публики, русская поэтика ее позаимствовала, и в результате переноса европейского стиха на русскую почву, после двух веков русской поэзии, – выплеснула с водой и младенца. Речь здесь идет о существовавшей параллельно, еще до эпохи культуртрегерства, до наших классиков-«мичуринцев» – прикладной поэзии, то есть о волшебной традиции заговоров и заклинаний, былин и плачей, гимнов и призываний. О традиции, собственно и создавшей саму русскую поэзию.

Пушкин по этому поводу как-то обмолвился: «Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большою ученостию <и> сметливостию. Вероятно, будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным». И в той же статье, словно предчувствуя тупиковость предпринимаемых усилий, Пушкин писал: «Обращаюсь к русскому стихосложению. Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. Пламень неминуемо тащит за собою камень. Из-за чувства выглядывает непременно искусство…».

Итак, чтобы белый стих не превратился в аморфное образование типа западного верлибра с его, как говаривал Бродский, «недомоганием формы», я и применяю в своих поэтических опытах анафору и переднюю рифму как систему. Ранее использовавшиеся лишь окказионально в русской поэзии, они образуют новую форму поэтического большого стиля. Возможно, когда-нибудь эта форма придет на смену конечной рифме. Поскольку анафора – это выражение торжества бесконечного сознания над конечным, «смертным», над потребительским императивом, – постольку конечная рифма ради акустики, ради игры созвучий («...побрякушек ларь / И весь их пустозвон фальшивый» по слову Верлена), зачастую низводит, по моему мнению, идею стиха до смыслового эрзаца. То есть искусственно «доращивает» эмоцию или мысль, а стихотворца превращает в «наперсточника». Да азиаты мы, да скифы мы, – и не только потому, что это сказал великий, а потому, что тысячелетиями существования мы обязаны гортанным песням наших, в том числе и протомонгольских предков, – певших зачины своих сказов и улигеров анафорой и передней рифмой. И как обычно – на полмира.

МАНИФЕСТ ДВА:

Против рифмы и верлибра

Концептуальная рифма, как я ее назвал, возможно, неудачно, «анафора» – не есть слепая калька бурятской, монгольской передней рифмы, но есть идея, как уже говорил – бесконечности возможностей человека. Моя форма – ритм вместо метра и передняя, начальная рифма – «толгой холбох» (соединение голов) по-монгольски – вместо обычной рифмы – это идея конца насилия смерти, безальтернативности существования, отсутствие выбора – жить или умереть… Этим я объявляю конец потребительской суете обычной рифмы и метра, конец неразберихе, хаоса верлибра и начало нового академического стиха, новой просодии…

Обычной, конечной рифмой и просодией легко писать о смерти… передней, начальной рифмой – о бессмертии жизни…

Все великие и невеликие, работавшие с этой формой – умерли, поэтому – долой рифму и – заодно – долой хаос свободного стиха!..

Призываю, как от прокаженного – отшатываться в ужасе от рифмы – «певучести пошли свои проклятья…», а заодно – отвернуться разочарованно от верлибра, который не спасет, ибо сие есть видимость спасения, тупик, дурная бесконечность… Даешь новую просодию и ее бесконечно сложную гармонию жить нескончаемо и неисчерпаемо долго, ибо насилие смерти есть единственная причина существования всех насилий!

И да здравствует жизнь, здравствуй новое Бытие без насилия, но – могучего усилия!

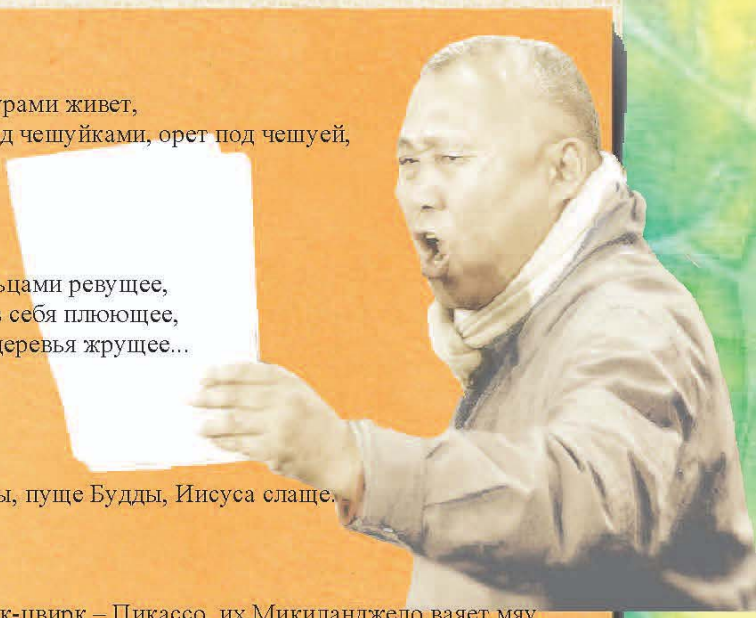
ПОД ШКУРАМИ

О, что за человечество под шкурами живет,
Охает под перьями, хохочет под чешуйками, орет под чешуей,
Какое человечество такое,
Живое человечество другое?

Любое человечество пою,
Слепое под землей, немое, кольцами ревущее,
Сырое, окающее, космосами из себя плюющее,
Ночное, лазающее, ползущее, деревья жрущее...

Святое человечество люблю,
Светы их и мраки,
Раи их и ады,
Рои их богов, что горше Иеговы, пуще Будды, Иисуса слаще.

Куда оно, зачем?
Ку–ку поет, ко-ко, курлы,
Гав-гав, как бы Шаляпин, цвирк-цвирк – Пикассо, их Микиланджело ваяет мяу,
Гамлета играя, весь в музыке из дантовых колец спешит куда-то дождевой червяк…



Вилли Мельников

ДООС – лингвозавр
(1962 – 2016)

Манифестафора, или Поэзо-диагноз себе

Я – неисправикинг, словообразоварвар, непредсказубр, неукротигр, сопротивлев, произволк, ускользаяц, дракон, потрястреб, изящерица! Склад ума – мультименталист. Национальность – идеец. Соцпроисхождение – из разночтинцев. Род занятий – вездельник. Кредо: задолжадность возвращедростью красна!..

Манифест мета-химийи

Уточним изначальное значение запредельно заезженного в последние времена древнегреческого термина – «метафизика». “Μετα-φύσις” [мета-физис] буквально – «между-природный», т.е. что-либо, спрятанное среди свойств какой-либо структуры; а также — «после-природный»: объект, наделённый букетом качеств, полностью обновивших как его суть, так и восприятие его со стороны. Увы: термин этот, оставаясь по-прежнему многомерным, давно страдает смысловым плоскостопием... Поэтому предлагаю ввести в арсенал арт-аналитиков понятие из обихода эллинских мореходов: “Μετα-χύμιος” [мета-химийос], означающее: «нечто, находящееся среди волн». А давно уставший от самого себя латинизм «креативность» давно просит заменить его другим, более фрактальным и опять же греческим аналогом – “ποίησις” [поэзис], с древности понимавшийся не только и не столько как стихотворчество, но и как творение / созидание вообще. Поэтому (даже здесь слышно слово «поэт»!) именно Метахимийя может оказаться подходом к адекватному прочтению многоязычного симбиоза контрастов – art/science-«Соляриса», в котором нам довелось жить и действовать.
Такой поэзо-«межволновой» подход даёт нам возможность исследовать любые сущности снаружи/изнутри методом Лингводайвинга, позволяющего дышать родными языками этих сущностей, при этом рикошетно познавая самих себя.

/20 января 2016,
Москва,
Николо-Перервинская Слобода/

Борис Бартфельд

Калининград

МАНИФЕСТ ЛОВЦА

Поэзия –
мы снова у порога
перед нами
поверхность многомерных текстов
вдыхай пространство звуков
иди дорогой звучащих слов
метафор проявляющих реальность
символику рождения и смерти.

С вами хочу ловить слова
пить их драгоценное и низкое звучанье
в озёрах языка искать их изначальный
сокрытый в траве забвенья смысл
очищенный от равнодушной шелухи.
в порыве озорства
рвать немоту души печальным
глубинам космоса читать стихи.

vita

Дружище,
ожидая прозрений
крупинки,
нацеди мне слов
в старую кружку,
где у самого дна чаинки.
Ветер осенний
седых пацанов
кружит в танго
со старой пластинки.
В нём ушедших звучат голоса
под ногами живых, умирая,
vita - шепчет листва,
не достигая рая.

* * *

Поштучно слова подбираю,
шепчу их, нанизывая на ритм,
как лесной партизан в раю
оленину нижет на шомпол,
к собачьему лаю
прислушиваясь с облаков
или прячась от ангелов в подпол.
Кто его убедит, что война утихла,
он победил, уж нет его вожаков,
войска разошлись по домам,
но жив язык его земляков,
звучащий от Брянска и рая
до ада и Амстердама.
Живым не хватает счастливых снов,
Партизан, на землю опусти коромысло
с полными вёдрами слов.

* * *

О, Слово ловчее,
человечье.
Оловом горло обволокло.
Весло о лодку гремело.
Поэт – твое ремесло –
звук, а тело
время вниз по реке
унесло.

ЗВУЧАЩИХ СЛОВ

* * *

Сеть с утра, разбросав широко,
надеюсь добыть слов-самоцветов
с самого дна океана.
Невод тяну – идёт тяжело,
как последний верблюд каравана.
Радуюсь, ожидая улова,
но в неводе рыба и тина,
и ни одного заветного слова.
Мою строчку кто повторит -
за того опрокину чарку,
и пусть океан шумит,
за удачей пойду напролом,
снова сеть, опуская на дно.
Океан - не играй в молчанку,
невинно о разбитую шлюпку
ритм, отбивая веслом.
Молчащий поэт не спасёт беглянку,
но каждой бессонною ночью,
как дочкину люльку,
раскачивает стих,
шепча молитву – заветную строчку.

* * *

Звук не умирает,
Лишь становится глуше и тише,
Бродит по городу,
Постепенно стихает,
Как умирающий с голоду
Поэт
В ледяной квартире
Под крышей
Варшавского гетто.
Но некто
Продолжает слышать
Этот почти бессвязный шепот,
Этот ропот
Души,
Отражающийся эхом от стен,
Переулков, улиц
И даже от тел человечьих,
Победивших смертельный ужас,
Аритмичным биеньем своих сердец.
Так рождается новый поэт,
Чтобы кто-то снова услышал и выжил,
А может воскрес.

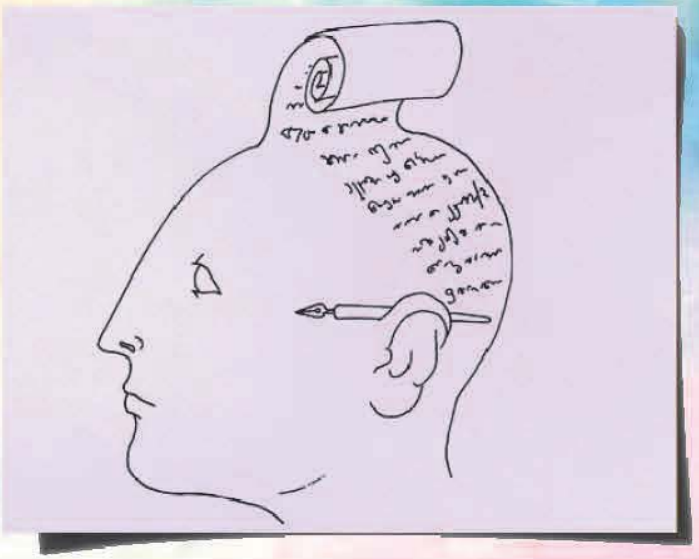


Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус (Париж)

Румен Шомов

София

АВТОБИОГРАФИЯ ОДНОГО ВОЗРАСТА

Я родился в подходящий сезон
для прогулки с собакой –
наверно поэтому я был хорошим другом
солнцу, своей бабушке и соседке.
Сверстников не было рядом –
на одиноком острове –
в центре Софии почти.
Мои родители возвращались, когда я уже спал.
Сейчас в воскресенье меня некому отшлепать.
О старой дружбе с солнцем
лишь раз я пытался вспомнить
и с тех пор как воспоминание храню рану от ожога..
Почти в центре Софии –
стою и глажу кошачью спину воспоминания.

МГЛА

И в самом деле будто
вспыхнул мир в далёком
далеке,
до нас же дым лишь тянет.
Деревья в мареве едва
видны,
по крышам низким
сонно галки
о политике судачат,
когда из-за угла вдруг
почтальон
уныло в мир глядя
выходит,
и по следам его
собаки-новости спешат –
то кажется: и вправду будто
вспыхнул мир. Пожар!

...и только здесь
мы проясненья ожидаем.
И только здесь как будто
ночью
нас звездопад укроет
скоро –
обещают.

Изучила автобиографию по русски Наталия Димитрова

Пробирались из болгарской мглы в русскую
Евгений В. Харитоновъ и Наталия Димитрова

Павел Грушко
Бостон

ВОТ БЫ!..

МАНИФЕСТ

Слово «манифест» выбрано не случайно: первая часть этого слова – «мани» – на одном из языков означает «деньги», а вторая часть – «фест» – означает праздник, который невозможно устроить ни в одном театре без наличия первой части. (Этот текст был написан мною, не помню, по чьей просьбе, в начале перестройки).

(1)…молодые (душой) – драматург, режиссёр, композитор, художник – вступили в творческий заговор против скуки в сфере своего обитания и рутины на подмостках, с целью создания современного пространства сценического действия для общения со всеми, кому дорого искусство и его правда!

(2)...эта молодая (душой) дружина задумала спектакль, где слово, движение, музыка, свет и цвет, сплавленные воедино, объединяли бы участников представления со зрителями!

(3)...ответственные люди, от которых это зависит, захваченные их страстью и поверив в их дело, нашли средства и место для осуществления этого замысла: приобретения реквизита, аппаратуры – всего, что необходимо профессиональному театру!

(4)...эта молодая (душой) дружина привлекала для разных спектаклей разных режиссёров, актёров, композиторов, балетмейстеров – то есть другие молодые (душой) дружины, – имея при этом право в полную меру оплачивать их труд!

(5)...пространство это современное сценического действия существовало на самоокупаемости (если сможет окупаться, а не сможет – так и пропади пропадом!) и получало отчисления от спектаклей для дальнейшего совершенствования, благоустройства и приглашения нужных для работы людей!

(6)...новый спектакль, помимо самооценки, оценивался бы ещё и самими зрителями, которые, скажем, бросали свои билеты не в урны для мусора, а в пять ящиков (соответственно пятибальной шкале оценок) – зрителями, которые собирались бы на обсуждение нового спектакля вместе с представителями министерств и управлений культуры!

(7)…создатели этого современного пространства сценического действия не помышляли ставить спектакли долго-предолго, ссылаясь на своеобычность театрального дела, подражая маститым традициям некоторых немолодых (душой) театров, и имели бы право на ошибку, обладая которым обычно работают куда ярче да и ошибаются намного ярче некоторых безошибочных театральных единиц!

ВОТ БЫ!..

ВОТ ЕЩЕ!

АНТИ-МАНИФЕСТ

(1)...как будто только им известно, как бороться со скукой и рутиной, – впрочем, пусть вступают в свой творческий заговор: это ведь ещё не театр!

(2)...делать коктейли из разных жанров да ещё объединяться в этом замысле со зрителями, – впрочем, пусть замышляют: замысел – ещё не театр!

(3)…людей, которых захватит подобная страсть, ответственными считать нельзя, – скорее всего, предоставленные этой дружине средства будут разбазарены, а место послужит для сборища не лучших представителей данной сферы обитания!

(4)...как бы на государственные средства не стали привлекать непрофессиональных мошенников!

(5)…а если первый же спектакль не окупится – с кого спрашивать за растрату?!

(6)...нельзя приравнивать к зрителю-потребителю представителей министерств и управлений культуры, к тому же голосование может быть фальсифицировано!

(7)...этак и другим театрам надо будет ставить быстро, а что касается права на ошибку, то ошибочна вся эта затея, и на неё никому право давать нельзя!

ВОТ ЕЩЕ!..

Декларация прав на еду

Понимая весь пафос завета
агитатора из Назарета,
завещавшего простолюдинам
жить на свете не хлебом единым,
но и пищей, угодной душе, –
всё ж признаюсь, что мне по душе
тот рассказ (в пересказе Матфея),
где, собратьев ледащих жалея,
Иисус, добросердый сын Бога,
взял пять хлебов и рыбы немного
и пять тысяч людей накормил, –
он мне этим воистину мил.

Я их вижу: пять тысяч худущих,
свою пайку усердно жующих, –
довелось им отведать сегодня
духовитого хлеба Господня!
Жуйте, братцы,
забудьте на час
голод,
вечно снедающий
вас...

Александр Смирнов
Ярославль

Теза и антитеза

Теза: на всякую тезу найдётся антитеза.

Антитеза: не на всякую тезу найдётся антитеза, но существует хотя бы одна теза, для которой существует антитеза.

Антитеза к Антитезе: не существует тезы, для которой существует антитеза.

Следовательно, не существует ни тезы, ни антитезы, так как для всякой тезы найдётся антитеза (по Тезе), но таких тез не существует (по Антитезе к Антитезе).

Нехватка времени

Вот все говорят: «Нехватка времени». Но что же собой представляет эта пресловутая «нехватка времени»? Давайте проведём анализ этого понятия. Для начала отметим, что термин «время» мы будем понимать в его общепринятом значении, поэтому нам достаточно проанализировать лишь термин «нехватка». Давайте посмотрим внимательней: нехватка – не хватка. Не хватка, а что-то совершенно противоположное! Но что? Свобода? Но тогда, с учётом контекста, в котором употребляется рассматриваемый термин, получается полный абсурд: «Я не успеваю сделать что-то – у меня нехватка времени», – то есть, я не могу что-то сделать, потому что полностью свободен!

Следовательно, неверна терминология, и рассматриваемое явление должно обозначаться как «хватка времени», а вовсе не «нехватка»! «У меня хватка времени – я нахожусь в хватке, – поэтому, уж извините, ничего не могу сделать», – так было бы верно.

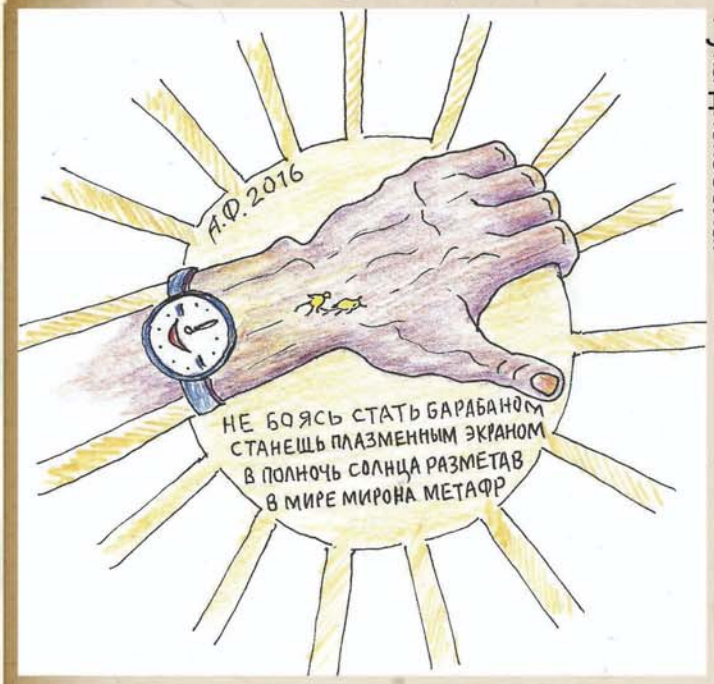
Нина Орлова-Маркграф

Страсти по манифесту
(шутка)

Есть манифест у Пустовой.
Нет у меня – сиди и вой.

Я к голове приставил дуло,
но тут Поэзия шепнула:
– Брось пушку, дурень!
как известн**а**,
я и сама безманифестна!

Александр Федулов



Рука дискобола.

Александр Гумённый
ДООС – пауэрзавр
Новокузнецк

ОСНОВА

формат определяет
слух взгляд
движение
и форму слова…
что ещё на очереди
любовь стыдливо
прячется в креатив

21 февраля 2017 г.

НЕ В ФОКУСЕ

прошла минута
за ней замешкалась
секунда
моргнув в зрачке
мобильном
объектива

19 февраля 2017 г.

ПРОБУЖДЕНИЕ

меня разбудили мысли
звучащие молотками
вопросов и ответов
физически домогаясь
к осознанию
востребованности

21 февраля 2017 г.

ОТКРЫТИЕ В ФИЗИКЕ

обнаружена причина
возникновения времени*
сбежавшая и неверная
а время намаялось
в беспричинности
но не вовремя и абсурдно
и потому никто
ничего не заметил

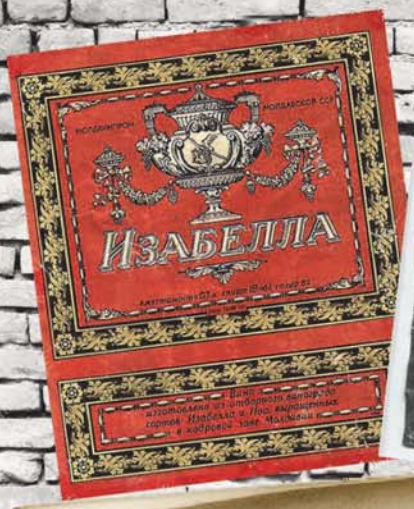
*rambler новости

18 августа 2016 г.

ФОТОГРАФИЯ

преломлённый линзами объектива
сразу становится очевиден
энергетический отпечаток
формирующий фактуру
минуя случайные
очертания

1 января 2017 г.



Арсен Мирзаев
Санкт-Петербург

«ИЗАБЕЛЛА»

25 ЛЕТ СПУСТЯ

Жарким июньским днем 1991 года по бесконечному проспекту г. Донецка брели трое. Они заглядывали во все продовольственные магазины, но выходили оттуда пустыми. У одного из них был день рождения, поэтому нетрудно догадаться, что́ они там искали.

Наконец троица свернула с проспекта, на котором высились громадные чугунные сапоги «товарища Артема», и наткнулась на небольшой подвальчик. Спустившись по крутой лестнице, они без особой надежды обратились к буфетчице, и та вдруг достала из холодильника и поставила на стойку бутылку прохладной «Изабеллы»…

Тем летом в Донецке проходило необычное мероприятие – Первый съезд русских верлибристов. Московский поэт Карен Джангиров сумел составить и издать огромную «Антологию русского верлибра», пробив тем самым солидную брешь в «цитадели ямбизма-хореизма», то есть классического рифмованного стиха.

Съезд шел своим чередом, Джангиров, борясь с официозом, пытался создать собственный официоз – Ассоциацию русского верлибра (АРВ), а поэты читали стихи, смеялись над попытками втиснуть их в какие-либо рамки и пили счастливо обретенную в донецком подвальчике «Изабеллу».

В ночь празднования дня рождения одного из будущих президентов и было решено создать ВАЛИ («Всемирную ассоциацию любящих “Изабеллу”») – Международный президентский клуб.

На следующий день наибольший интерес на съезде вызвало выступление делегатов-«изабеллистов», образовавших, в рамках АРВ, независимую группировку. Что такое «Изабелла»? – еще один синоним Вечной Женственности, сорт винограда или название вина – оставалось загадкой…

Господа президенты заняты, прежде всего, миротворческой деятельностью (разумеется, в свободное от «Изабеллы» время). Ассоциация поддерживает и «вливает» в свои ряды любые движения «за» и совершенно не приветствует какие-либо движения «против» (тем паче – против «Изабеллы»).

Президентами была написан манифест – «Великая хартия прав (ВХП). Все члены ВАЛИ являлись президентами этой организации, а **Дмитрий Григорьев, Валерий Земских и Арсен Мирзаев** – еще и отцами-основателями/открывателями.

В ряды ВАЛИ вошли более десяти поэтов из разных городов: Санкт-Петербурга, Москвы, Риги, Таллинна, Пскова, Нижнего Новгорода. Каждый, кто прочтет ВХП, поймет, что лишь в немыслимой простоте заключен секрет гениальности ВАЛИ. Отприродная мудрость и принародная сметка изабеллистов проявились в том, что институт вице-президентства был упразднен и «загублен на корню» меньше чем за два месяца до первого российского путча (авг. 1991 г.). В ВХП записано: «Членство в ВАЛИ добровольное и пожизненное (вопрос о посмертном муссируется)». А параграф 10 хартии («Каждый президент имеет право как приема, так и вето на прием в члены ассоциации») неопровержимо доказывает, что «Изабелла» либеральнее и одновременно консервативнее любого из мировых правительств…

Задуманная как веселая игра, ВАЛИ, не теряя своей игровой природы, живет бурной, удивительно разнообразной и непредсказуемой жизнью. Вот уже 25 лет проходят литературные вечера президентов Изабеллы. Ежегодно 28 июня отмечается день рождения ВАЛИ. Часто эти вечера превращаются в веселые шоу с непременным употреблением «Изабеллы», а порой – в сверхсерьезные президентские выборы (с оглашением программы/платформы каждого из президентов-претендентов, избирательными урнами, плакатами, многочисленным электоратом, голосующим, правда, лишь бокалами всё с той же вечной и неповторимой «Изабеллой»).

Сейчас президентов «Изабеллы» – тысячи и тысячи (ведь для того, чтобы вступить в ВАЛИ достаточно поднять бокал с «Изабеллой» и чокнуться с одним из господ Президентов). А изначальный девиз ВАЛИ был и остается прежним: «Любовь! Свобода! Изабелла!».

Мамед Халилов
Ярославль

НА ПРОГУЛКЕ

Раннее сентябрьское утро в Махачкале. Мостовые, омытые предутренним туманом, влажно блестят на солнце.

От бликов, от свежести лёгкого бриза и от безоблачной, струящейся между просветами домов синевы город кажется пасторально-праздничным.

На озере, ласкаясь к набережной, мягко плещутся частые, невысокие волны.

Поэты Габиб и Рамазан неспешно, то и дело останавливаясь, прогуливаются по набережной городского озера Ак-гёль.

Габиб, высокий, худощавый и нескладный юноша лет двадцати с небольшим, с благоговением слушает известного, маститого поэта Рамазана Бабаева, невысокого подвижного человека средних лет, с резкими чертами тонкого, выразительного лица.

Рамазан уже успел опохмелиться и теперь, привлекая внимание ещё редких в этот час прохожих, громким голосом, сопровождая слова энергичными жестами, с жаром философствует, видимо продолжая какой-то неоконченный вчерашний разговор:

– Оглянись кругом, ведь ничего же нет – только ты и пустота, и в этой пустоте маячат тени. Кто их знает – что это такое? Как проверить их реальность? И что такое сама реальность?

Нет такого инструментария, чтобы проверить объективность чего-либо, потому что нет универсальной, вне времени-пространства, постоянной, с которой можно было бы соотнести наблюдаемое. Всё пульсирует в возникновении-исчезновении, и сам наблюдатель одновременно является наблюдаемым.

Не будет тебя – не будет и этих теней. Или, наоборот, тень это ты, и исчезаешь только ты, а всё остальное остаётся? Важно само понимание – зачем всё это, какой во всём этом смысл?

Все религии врут, мой юный друг, утверждая, что всё предопределено заранее. Кто или что предопределило? Что же тогда получается – и я, такой, какой есть, вот этот самый Рамазан – предопределён? Мои поступки, моё безумие, моё прозрение и моя поэзия – это всё предопределено? Тогда зачем нужны боги и их религии? Предопределение обессмысливает любую молитву.

Ты этого пока не поймёшь. Может быть, когда-нибудь потом, когда жизнь основательно тряхнёт тебя и поставит на грань, когда всё остальное затмит гамлетовское «быть или не быть».

Понимаешь, когда ночью идёшь по переулку, в рыжем свете фонарей очень трудно различить тропинку на снегу, всё сливается в отражении и скрадывает фактуру. Что здесь важно, чтобы попасть на стёжку? Довериться ночи, довериться телу, целиком отключив мозг. В жизни ведь основной принцип, как и во всей Вселенной, – энергосохранение, экономия энергии. Тысячи ног до тебя инстинктивно проторили эту тропку. Значит, энергетически целесообразно, чтобы тропа петляла так, а не иначе.

А вот когда пишешь – тело выключи, исключи его целиком, ибо это сиюминутное, это пройдёт. И голод, и жажда, и половое влечение – это животное, это у всех. Уйди от тела. Не уйдёшь – попадёшь на проторенную стёжку, и конец тебе как творцу.

Никого до тебя не было, нет сейчас и не будет потом – перед тобой равнодушная, безучастная к твоему существованию снежная целина, и на горизонте маячит звезда, до которой тебе надо дойти. Только так твои следы на снегу будут единственными, ведущими к звезде.

Отшельники постились и умерщвляли свою плоть, чтобы не мешала разуму своими позывами. Наитием, одним только наитием постигали – предназначение человека иное. Он в своём сознании создаёт и овеществляет Вселенную, если не нечто ещё большее.

Ничего нет – только твоё сознание и Вселенная. Из этого и исходи.

Кто-нибудь может мне сказать – что такое сознание и что такое Вселенная? Плюнь на всё – всюду вымысел.

Когда это таинственное – твоё сознание – сталкивается с таким же непостижимым, вовне существующим, вот только тогда и рождается поэзия, и рождаются сверхновые звёзды. Ведь и Библия, и Коран, «Одиссея» и «Илиада» Гомера – это и есть вспышки сверхновой. Только нельзя искусственно накачивать себя, всё это бессмысленно. Это должно быть в тебе изначально и в каждый миг. Чёрт его знает – в какой промежуток, в каком из триллионов вариантов твой космос столкнётся с космосом внешним?

Вот ведь как дело-то обстоит.

Всё, казалось бы, просто, а поди-ка, разберись – почему богатый наследник Арсеньевой – Лермонтов лез под пули, ища смерти, а почти сумасшедший Тютчев отчаянно цеплялся за жизнь и за юбку Денисьевой, мучаясь и терзаясь сам, и её замучив до смерти. А любовь ведь была взаимной – и какая любовь! – но обернулась трагедией для обоих.

Где здесь логика? С точки зрения здравого смысла – нет её!

Зато есть гениальный цикл стихов и в том, и в другом случае. И что здесь является отрицанием чего: творчество – логики, или житейская логика – отрицанием творчества?

Вот загвоздка-то где, если всё приземлить...

– Рамазан Амирович, – воспользовался недолгой паузой Габиб, – посмотрите на дорожки – как играют блики на влажной плитке. Даже глазам больно, а деревья-то, деревья! Как пронзительно-трепетны и объёмны деревья на фоне этой бездонной синевы, – и Габиб дугообразным движением руки показал на небо.

Рамазан громко расхохотался:

– Забудь мой сумасшедший бред, юный друг. Всё только здесь и сейчас. Да, ты прав – жизнь прекрасна. Пройдёмся ещё немного, полюбуемся этим чудесным утром и пойдём глушить водку – будь она неладна...

Вячеслав Карпенко
Калининград

* * *

Мне приснились глаза Востока.
Раскосые, печальные, ночные –
Как вишни, черныю налитые…
И краб в горячем солнечном песке –
Подарок грусти Такубоку.
Поэт с участьем протянул мне руки,
Как будто звал в далёкие моря.
Мы говорили. Нет, не о разлуке –
О встрече на туманных островах.
И Юко…
Да, конечно ж – Юко:
Из сна – его иль моего? В тоске
Золотопёрой рыбкою мелькнула.

Волна и краб. Да иероглиф на песке,
Который мне уже не прочитать.

* * *

Ты коня своего заарканишь едва,
Пусть аркан обожжёт тебе руки.
Мчался ты, за тобою молва
Предрекала паденья, разлуки.

Время – конь без узды,
что несётся, дичая:
Под копытами степь опалённо пылит,
Горный кряж оглушает раскатами,
Да снегами глаза сатанело слепит.
Север-Юг-ли-Восток или Запад с закатом…
Ты за гриву коня уцепился отчаянно
И в бока вороного вонзил каблуки
В бесполезной попытке
тормознуть одичание.
Без седла и узды
Время-конь твой летит,
На следу остаются Любови, Измены…
Что же там – впереди?
Горизонт что сулит? –
Может, ждёт там
Вторая коней перемена…
~~ ^^^------
Конь твой зол и устал,
в землю клочьями пена.
И над пропастью алой
На дыбы не поднять,
И секунд не унять
Торопливый аллюр.
Но поверь – это только Начало…~~~~

Елена Коро
Симферополь

Фаэзия

Ключевые концепты фаэтики

Фаэзия (фантастическая поэзия) – философско-художественное направление, возникшее в геокультурном пространстве Крыма в начале XXI века. Один из путей анализа фаэзии – рассмотрение концепций мира и личности, выдвигаемых этим новым литературным направлением.

Текст современного автора, как вещь в себе, сочленяет разнородные множества, сходящиеся в дискурсивные ряды.

В новом формате заложена и обыгрывается сама возможность диалога между сходными мифологемами из различных мифологических структур.

И здесь заходит речь о трансметафоре фаэта, исходящего из собственной природы бога, ведущего диалог на равных с богом в себе – трансдискурс. Бог в себе и есть вертикаль и возможность создавать максимальную амплитуду интерактивных сочленений со множеством предшествующих состояний-сообщений.

МИСТИКА ФА

Сложносочиненные конструкции синтаксиса
внутренних диалогов в интервалах
пространственно-временного континуума
лишены знаков препинания и сочленены
паузами перехода...
В ментальной петле паузы возникают
рефлексии букв, флексий, элементарных частиц,
но не речи. Слово рефлектирует звуками,
произнеся я, кентавром-дифтонгом скачешь
через пустыню паузы вовне, в рефлексию речи...

Как человек абсурда балансирует на грани познаваемого и не познаваемого, так человек Фа, фаэт, балансируя на грани образа и безобразного, черпает в трансцендентном, не позволяя себе раствориться в молчании ничто, храня в сердце живые образы бытия, являет их миру элементарными частицами - из глубин бездны...

«Бог в себе» существует в поле однородного сознания, он есть чистое бытие и сознание, слитые воедино, безмолвное чистое бытие в поле однородного сознания, лишенного мыслеобразов. Первая рефлексия, обращенная к себе: «аз есмь...», создает первый диалог с той самой сущностью чистого бытия, меняющей ракурс восприятия...

Согласно древнееврейской космогонии, 22 буквы еврейского алфавита пришли и встали перед Лицом Творца.

«Сотвори мир через нас» – провозгласили они.

Мир идеального был сотворен именами Бога.

Возвращаясь к атомам-мирам Демокрита и к странным индивидам-мирам Канта, имеющим внутри себя все основания быть, можно сказать, что каждая целостная замкнутая система такого уровня рефлексии собственного бытия, она и «бог в себе», и «мир в себе» и «вещь в себе». И даже, более того, «слово-бог», о котором идет речь в книге бытия, оно-то и включает в себя все эти три ипостаси бытия-сознания. «Речь бога» – это и есть – выход из себя вовне – это есть рефлексия речи и сотворение мира «вещей в себе». Таким образом, «вещи в себе» суть элементарные частицы, суть буквы творения имен бога. Здесь мы сталкиваемся с лингвистическими экспериментами Творца, в них каждое из имен его – целый мир, странный мир, и вот перед нами многоплановая вселенная, к каждому из миров которой свой ключ-код, свое имя и закон имени. Как ключ-код имени бога Яхве, это сочетание еврейских букв «Йод-Хе-Вау-Хе», так и действие этого кода разворачивается во вселенной согласно закону этого имени, закону тетраграмматона.

Но мы перейдем к другому принципу, к основному принципу фаэтического языка.

Перейдем к фаэтическому мифу людей Фа.

В начале было Фа, и Фа было у Фа.

Есть интересный миф африканского народа фон, согласно которому андрогинное божество Фа обитает на небе на вершине пальмового дерева. У нее 16 глаз, которые ей по утрам открывает Легба (в некоторых традициях Легбу сравнивают с ключником Святым Петром).

Фа – обладательница ключа от дверей в будущее (дверей 16, по количеству глаз Фа).

Владеющим тайными ключами, системой Фа, открываются двери в будущее – это прорицатели Фа.

Алхимия Фа:
в начале было Фа, и Фа импульсировало
16 диссонансами и гармониками –
фаэтафорами.

Как из 22 ключей-букв еврейского алфавита была сотворена вселенная множества миров, так и 16 ключей – элементарных частиц – «вещей в себе» суть кирпичики множества «миров в себе» фаэтической вселенной.

Фаэт, или человек Фа, сочетая рефлектирующие фа-частицы согласно закону диалога частиц, создает как ядра-имена «миров в себе», и, соответственно, имена-коды доступа к познанию законов этих миров, закон имён, так и в равной мере, сложносочиненные конструкции взаимодействия миров в полилоге временно-пространственных континуумов.

ФОРМАТ ОТ «ФА»

Текст современного автора, как вещь в себе, сочленяет множество сложноподчиненных уровней вязью ассоциативной. Авторские аллюзии в формате вещи в себе – в авторском тексте – порой бывают доступны только авторскому прочтению.

Формат от «Фа» предполагает процесс возврата к тому творческому состоянию, в котором создавался текст.

«Творить – значит жить дважды» – писал Альбер Камю.

Формат от самого себя интересен вовлеченностью автора в процесс, процесс возвращения в текст. Это акт сопряжения в диалог автора и его творческого «Я», быть может, его творческого альтер-эго, способностью создавать максимальную амплитуду интерактивных сочленений со множеством предшествующих состояний- сообщений. Этот интерактивный дискурс автора со своим альтер-эго, комментирующим ассоциативные аллюзии творца, переходит в новый формат текста, органически сопряженный с первоначальным текстом в единую семантическую структуру.

Степень взаимодействия элементов нового текста обуславливается степенью отклика разнородных множеств, сходящихся в дискурсивные ряды. В новом формате заложена и обыгрывается сама возможность диалога между сходными мифологемами из различных мифологических структур.

Сложная степень интерактивности превращает первоначальный текст во фрагмент самого себя. Знание и опыт в процессе написания этого изначального текста настолько внутренне, переплавляясь, концентрируются, превращаясь в вещь в себе.

Текст как вещь в себе становится не познаваем для читателей, поэтому автор возвращается в текст, в процесс его написания.

Максимальная концентрация на нюансах текста выявляет в сознании их многообразность. Каждая аллюзия превращается в отдельную историю. Эти истории не вплетаются в формат текста, но их необходимо рассказать, чтобы выявить для читателей вещь в себе, сделать ее познаваемой и узнаваемой.

И тогда качественно изменяется формат.

МАНИФЕСТ ФА

И Фа, и не Фа, поэт – очень сложное явление в этом мире, совершенно разноплановое, и стилей, какими он пишет, не один, а несколько, внутренних мелодик звучания, совершенно индивидуальных.

Идея фаэзии в соборности, это явление созвучия индивидуальностей в едином, и сама фаэзия индивидуальна в созвучии. И каждый фаэт, он еще и поэт, и писатель и следует множеству своих внутренних мелодик. Тексты фаэтов многообразные, разноплановые, с протяженностью множеств, с пересеченностью миров в Фа.

Я – навигатор фаэзии, прокладываю курс ее полифонизму, вот и весь манифест Фа.

Александр Гельман

ЧЕТЫРЕ ГО́ЛОСА ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ

В начале второго века до нашей эры еврейское государство оказалось под властью одного из самых жестоких, безжалостных правителей в истории человечества – это был царь Антиох Четвертый Эпифан. Он издал указ, согласно которому были запрещены соблюдения субботы, обряд обрезания, изучение Торы. Фактически еврею было запрещено быть евреем.

МОНОЛОГ АНТИОХА ЧЕТВЕРТОГО ЭПИФАНА

Кто наказал мои глаза
почему я должен видеть мерзкую улыбку иудея?
Их надо бить по зубам,
чтобы губы не могли складываться в улыбку,
окровавленный рот не улыбается.
Я уничтожу их веру внутри их души.
Не они должны возвещать миру о едином боге, не они!
Им никто эту роль не поручал,
они сами себя выбрали,
нарекли себя народом Всевышнего,
главным народом мира сего,
возомнили себя сидящими у Его ног, лицом к лицу.

Он повернется к ним задницей, их Всевышний.

В самых страшных снах никому не снилось,
что я сделаю с этим народом.
Я их буду содержать в таком голоде,
Что они сожрут всех свиней вселенной,
но даже свинину я им буду давать только по субботам.
Я убью всех мальчиков, которым они сделают обрезание.

Он повернется к ним задницей, их Всевышний.

Они забудут слова своей речи,
будут лаять друг на друга, как собаки,
собственными руками в собственном храме
сожгут свои священные свитки.
Принесут туда наших богов –
будут нести осторожно, бережно,
чтобы не споткнуться, не уронить драгоценные образы.
Самые смелые из них
будут вздрагивать от звука моего имени,
самые гордые — станут слугами наших слуг,
самые набожные будут молиться моему слону, как ангелу,
самые красивые их женщины
будут вытворять с нашими необрезанными предметами
невиданные чудеса.

Он повернется к ним задницей, их Всевышний.

И тогда их священники запоют псалмы ненависти.
Им просто ничего не останется,
как возненавидеть Того, кого они любят сильнее себя.
Мои уши станут свидетелями вопля отречения
самого верующего народа от самого божественного Бога!

В народной памяти сохранилось предание о матери и семи ее сыновьях, которых лично Антиох принуждал принять новую веру, но все семеро предпочли смерть отступничеству.

МОНОЛОГ МАТЕРИ, ПОТЕРЯВШЕЙ СЫНОВЕЙ

Господи, вот я стою перед Тобой –
уже без моих мальчиков, налегке.
Семеро моих сыновей, как Ты того пожелал,
один за другим, на глазах у всего Израиля
сложили головы с Твоим именем на устах.
Спасибо Тебе, Господи, что ты помог им выдержать
назначенное Тобой испытание.
Кажется, я догадываюсь о замысле Твоем –
оставить грядущим поколениям
достойный пример мужества.
Спасибо тебе Всеблагой,
что выбор Твой пал на нашу семью.
Меньшенький так хотел жить,
жуткий страх сверкал в его глазах,
он боялся смерти больше, чем Тебя, Господи,
прости ему этот грех,
когда душа его предстанет перед Тобой.
Он прижался к моему животу,
будто хотел обратно втиснуться туда.
Шестеро старших ушли из жизни, как настоящие герои –
ни у одного не задрожала ни одна жилочка,
а младшенького убила я, Всеблагой.
Если бы я не сказала: «Сын мой...»
и не развела вот так руками,
он смирился бы перед Антиохом,
отрекся бы от субботы,
поклонился бы идолам,
откусил бы обгорелое свиное ухо,
которое ему совал в рот начальник язычников –
он был готов ради жизни на все.
Я его остановила,
в моих глазах он прочитал Твой приговор.
Он был целиком в моей власти, он подчинился мне,
как сухой листочек подчиняется ветру,
как я подчиняюсь Тебе, Господи.
Те шестеро пошли на смерть, как на свадьбу,
даже если бы я их удерживала,
они бы не изменили решение,
а этого я убила.
Держи его душу возле себя, Всевышний,
пусть он найдет в этом утешение,
ему его жизнь была дороже Тебя, но не дороже меня,
я была между вами.
Господи, смилуйся над Израилем,
не заставляй больше матерей совершать подобное.

МОНОЛОГ ИЕГУДЫ МАККОВЕЯ

Целые еврейские поселения ушли в горы. В 167 году произошло одно из самых крупных сражений в военной истории Израиля. Еврейские отряды возглавлял Иегуда Макковей.

Братья, воины Израиля.
Мужья и женихи самых прекрасных женщин в мире.
Через несколько часов нам предстоит
тяжелая мужская работа – уничтожать врагов нашей веры,
коварных, озверелых, не считающих нас людьми,
многократно превосходящих нас
количеством и вооружением:
на каждого из нас их приходится больше,
чем у каждого из нас имеется рук и ног.
Они пойдут на нас, как слон на козу.
Но мы не козы, мы евреи,
нас всегда было и всегда будет меньше, чем наших врагов.
Это наша судьба – побеждать не числом, а умом,
побеждать мощью нашей любви к Всеблагому.
В стане врага уже ожидают нашего поражения
купцы, торгующие рабами,
мы им обещаны задешево – продавать будут оптом,
по сто, по двести человек в одни руки.
Наше поражение с ликованием встретят
не только язычники,
но и тысячи наших бывших единоверцев,
изменивших Завету.
Неужели мы утешим подлое отступничество?
Неужели возрадуем предавших Всевышнего?
Все они ждут нашего поражения,
чтобы убедить себя, что Всеблагой – наша выдумка,
что мы – сошедший с ума народ, народ-выродок,
уничтожить который под корень – великое благо.
Братья!
Любовь не бывает общей – каждый любит в отдельности,
только я знаю, как я люблю Господа,
только ты знаешь, как ты любишь Господа,
в душе нет свидетелей,
свидетелем станет наша победа или наше поражение,
завтра утром может наступить конец Израилю.
Как мы не можем не дышать,
так мы не можем не победить завтра,
как мы не можем не думать о наших семьях,
так мы не можем не победить завтра,
как мы не можем не мечтать о времени,
когда Иерусалим будет свободен
и в Храме Соломона снова зазвучат наши молитвы,
так мы не можем не победить завтра.
Пусть наша победа накроет продажные души
черной волной тоски, которая сведет их со света,
пусть наша победа вознесется в утреннее небо,
как благодарственная песнь Всеблагому.
Берегите себя в бою.
Даже погибнуть каждый из нас имеет право
только после того, как уверится, что мы побеждаем,
умереть раньше – все равно что сдаться в плен,
мертвый воин — предатель.
Братья, бойцы Израиля, не забудьте пописать перед боем,
чтобы ничего не сдерживало вашу ярость.
С Богом!

Немногочисленная, но сильная духом армия Иегуды Макковея нанесла войскам Антиоха сокрушительный удар. Бойцы Макковея освободили Иерусалимский храм.

МОНОЛОГ СВИДЕТЕЛЯ ЧУДА

Посмотрите на меня, люди и коровы,
деревья и разбитые стены Иерусалима,
перед вами самый счастливый еврей на свете.
Всеблагой на моих глазах сотворил неслыханное:
только что это произошло – я еще не могу опомниться,
душа еще дрожит от радости и страха.
В Доме Соломона разлитый по лампадам Меноры елей,
которого не могло хватить даже на одну ночь,
горел непрерывно восемь суток.
Он не сгорал. Он начал сгорать только час назад,
когда принесли первый кувшин
с новым освященным маслом.
Эта жидкость, будто имела разум, ждала восемь дней и ночей.
О, эти великие дни и ночи, незабываемые восемь суток
после вызволения Храма их плена язычников!
Я был в том отряде,
который первый вошел в святилище:
увидев, что сотворили там варвары,
мы превратились в каменные столбики от ужаса.
Храм был разграблен, загажен,
сотни солдат в течение трех с половиной лет
испражнялись внутри и снаружи,
самое благоуханное место Израиля источало зловоние.
Сам Иегуда Макковей,
чье сердце казалось стальным, не выдержал –
опустился на колени среди развалин и заплакал:
крупные желтые слезы катились из глаз,
вся борода была мокрой.
Это он распорядился очистить святилище,зажечь Менору.
Увы, мы нашли только один небольшой кувшинчик
с неоскверненным маслом,
Иегуда велел священникам залить, сколько есть, зажечь,
а нам приказал к полуночи хоть под землей
отыскать еще кувшины с елеем.
Мы искали весь день,
молились и искали, искали и молились,
но Бог не помог нам – когда мы, понуро опустив головы,
вернулись с пустыми руками, ожидая увидеть мрак черноты,
мы увидели чудо: огни Меноры вовсю пылали ,
а вокруг пели, плясали, веселились евреи.
«Смотрите, смотрите!» – кричали нам,
и мы заплакали от счастья.
Когда я раньше читал Тору – как море расступилось,
чтобы евреи могли уйти из египетского рабства,
я говорил себе: «Ой, это неправда –
как могут воды стоять стеной, образовать проход?»
Я боялся признаться, но в глубине души не верил.
«Ну как это может быть, – кричала душа, – ну как, как?»
Теперь я знаю как: ты просто стоишь и смотришь,
а в это время происходит то, чего быть не может.
Быть не может, а происходит.
Не может быть, а есть.
О, Всевышний мой, Родненький,
какая это радость — доверять Тебе полностью,
не сомневаться, что Ты можешь творить невероятное!
Какой камень свалился с души моей.
Теперь совсем другое дело, совсем другая жизнь.
Я не верил – и уверовал,
я не мог себе представить,
теперь буду всю жизнь об этом рассказывать.
О, Всеблагой, отныне я буду твердить
на каждом углу Иерусалима:
«Никогда не будет свободен тот,
кто не верит в способность Всевышнего
творить чудеса».

всПОмним 110 лет Варламу Шаламову

Геннадий Юшко
ДООС – стреколёт
Калининград

ОДИН

Варламу Шаламову

Сдавили пальцы, как тиски,
блокнотов лагерных страницы,
я разрывал их на куски,
мелькали: судьбы, стужи, лица.

И навзничь падали слова
и ничего им – впереди,
и в доме как на Покрова,
и я, как снег, кругом один.

Лежат недвижные глаголы,
оборван мною их полет,
а за стеною радиола
о звездной нежности поет.

КОЛЫМСКИЕ КОПИ

Камень ушёл с верши
-ны.
Значит, пришла пора,
Значит,
сошлась гора
С трепетом топора
И золота, что в тиши
дна речного
полощется,
Прячась
от взглядов
тощих,
Ищущих
наощупь
Топи вечного сна

Камень
в сердце моем шевельнулся
И оторвался от пульса,
Повисшего ниткой,
Бог весть кем вытканной.

Камень
ушёл с вершины
Дна
реки Колыма,
Чтоб
не сойти с ума

Татьяна Зоммер
ДООС – Зоммерзавр

– все вышли? –
спросил Всевышний

Манифест Свобода творчества

В каждом из нас есть графоман. Кто-то прячет его в карман. И он превращается в фигу в кармане. Дерево фиговое прорастает из него до небес. Потому что графоман – это бес, а бог – редактор карманный. Чаще он кормит тебя обещаниями. Держит в черном теле и черном списке. Время от времени кормит журнальной манной. Пере-жеванной манной не-бесной под стать политике – зубастой или беззубой – все равно не твоей. Кто-то…

Кто-то идет на обман. Чистит стихи, как сковородку, кастрюлю и прочие тексты. Надевает на стихи маски. Выставляет на показ модные подтексты. Прячет своего графомана – как узелки на память – в носок. Но век дырявый все равно вытряхнет из него песок. И вместе с песком вылетит и твой графоман. Кто-то идет на обмен – обменивает графоманские строки, как старые грампластинки, на смешливые, насмешливые шарики иронической прозы или поэзии. Но и в них, как в кривом зеркале, можно обнаружить спрятанную мордочку графомана. Ведь писать так хочется – а своего ничего нет. Вот и пишут пародии на чужое! И часто это и не пародии вовсе, а плагиат. Хороший способ скрыть краденое! Все должны ценить «юмор». Какое тут воровство? Шутка… графомана.

Графоман – это без-баррикадность в стихе и беспощадный слив яйных крайностей и крайних плотностей в эссе. Это кричащая критика – уши заткни. Если не чистить статьи графоманские, то уши уже не придется чистить. Они увянут и отпадут. Разных мнений и разных инверсий редут – все тут. Писать без баррикад – вытащить кляп из горла. Пробку из горла – пусть слова свободно текут, как мысли. И – уж у кого какие. Чтоб все видно было. И – без обмана. Без тяжелой техники. А то – придумают: стиль, мода, политика, союзы, жанры. А ты – просто жарь. Если есть, что жарить.

И если любишь – люби. Не бойся, что критики заклюют или покусают. Пиши в стихе о том, что мыслишь и как мыслишь. А не о том, чего от тебя хочет редактор. Не важно – журнальный или твой внутренний. Который может быть даже хуже журнального. Ибо – перестраховка в крови. Бей своих, чтоб чужие... Будешь бояться своего графомана – придет в ночи и тебя з-задушит.

Люби свое. Или – заткнись. Потому что твой внутренний графоман – это и есть твоя внутренняя свобода. До нее дорасти бы надо! Да нет времени на сети или в отмеренном отрезке жизни. Значит расти – вширь и ввысь. Вырастай из штанов своего графомана. На его фундаменте. На его воздухе. На его территории стоишь. Дыши графоманом. Графомань от души. Живи графоманией своей, если по-другому не можешь. Умри Цветаевой. Ни дня без строчки. Сходя в могилу или отходя ко сну – пиши!

Ты – то, что пишешь! Ты-то, что пишешь?..

Маргарита Сюрина

ДООС – бабочка данаида*

БАБОЧКИ

*Данаиды – единственные бабочки, которые мигрируют с севера на юг, как птицы. Они одни из немногих насекомых, которые могут пересекать Атлантику. Перед миграцией бабочки собираются в огромные колонии на хвойных деревьях так, что деревья становятся оранжевого цвета, а ветки провисают под их весом.

Мне не хватит слов, чтоб рассказать о бабочках.
Легче говорить об альбомах и сачках.
Но вряд ли стоит говорить об этом.
В засвеченным золотым светом

Вечере – крылатые чудеса разлетались.
Чуть слышно крыльями переплетались,
В прохладе воды слегка отражались,
И им отражения их улыбались.

Они кружились в заре вечерней,
В цветы садились и замирали,
Слагая крылья с лучом последним
Листов касались и умолкали.

Заря погибла, заря увяла.
Затихли бабочки, не смеются.
И я молчала и замечала
Как крылья их в моем сердце бьются.

Колотят крылья под тонкой кожей,
Как будто в окнах увидев небо.
Была я раньше глупей, моложе,
И стала старше. И знаешь, мне бы

С тобою рядом молчать веками.
И только взглядом тебя касаться.
И тихой бабочкой над лугами
В глазах твоих слегка отражаться.

Маргарита Сюрина «Бабочка-даниада. Автопортрет»
(картон, карандаш, акрил), 2017 г.

Мне не хватит слов, чтоб рассказать о бабочках.
Легче говорить об альбомах и сачках.
Там все изучено. Там все по логике.
Слова закручены в витые столбики.

Застыли бабочки, и нет движения.
В окне от лампочки лишь отражение.

Владимир Спектор

Бад-Зоден

•••

Увидь меня летящим,
но только не в аду.
Увидь меня летящим
в том городском саду,
Где нету карусели,
где только тьма и свет…

Увидь меня летящим
Там, где полетов нет.

•••

В небесную высь
по наивности, видно, стремлюсь,
В пространство от счастья
до пятого времени года.
И пусть заблужусь, ошибусь, ушибусь.
Ну и пусть.
Но вдруг приоткроется
тайна вещей и природы.
Где вещая память пророчит,
пугая меня,
Там чьи-то следы – к облакам,
на века, сквозь погосты.
Там пятое время не года,
а жизни, маня,
Зовёт и меня в эту высь,
где не падают звёзды.

У истинного поэта каждый стих – манифест

ПО № 1-2 (73) 2017 ЖУРНАЛ ЭТОВ ДООС

Журнал ПОэтов ДООС
№ 1-2 (73) 2017 «Манифест. Век XXI»

Учредитель и издатель
ООО ДООС
Гендиректор Маргарита Аль

Главный редактор –
доктор философских наук Константин Кедров
Зам. гл. редактора – Маргарита Аль
(+7(926)524-56-62)

Редакционный совет:
Е.Кацюба – ответ. секретарь;
В.Ахломов, фотограф, заслуженный работник культуры РФ (Москва);
С.Бирюков, доктор культурологии (Германия), поэт;
А.Бубнов, доктор филологических наук (Курск), поэт;
В.Вестстейн, профессор (Нидерланды);
А.Городницкий, доктор геолого-минералогических наук, поэт, бард (Москва);
Э.Гусейнов, кандидат исторических наук (Москва);
К.Ковальджи, поэт (Москва);
А.Кудрявицкий, кандидат медицинских наук, поэт, прозаик (Ирландия);
В. Нарбикова, прозаик (Москва).

Идея журнала и творческая концепция – группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства».

Логотип – Андрей Врадий
Макет – Елена Кацюба.
Верстка – Николай Лазарев.

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре РФ
Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-63353
Отпечатано в типографии ООО Мэйл Текнолоджи
Номер подписан в печать 12.03.2017 г.
Тираж 500 экз.

Адрес в интернете:
http:// www.litmir.net/UserBooks/?UserId=191742
E-mail: fly-1@mail.ru

© издательство ДООС
© редакция Журнала Поэтов ДООС

ISSN 2414-2425

Книги издательства ДООС можно купить в книжном магазине "Фаланстер"

Слева направо – 1 ряд: Сергей Мнацаканян, Елена Пахомова (издатель ПО 2001-2007 гг.), Юрий Орлицкий; 2 ряд: Сюнь Юэ (Китай), Сергей Бордачев (автор эмблемы ДООС), Яков Красновский (дизайнер ряда обложек ПО); 3 ряд: Андрей Канавщиков (Великие Луки), Игорь Яркевич, Елена Свечникова (Минск), Людмила Губарева (Китай); внизу слева Михаил Дзюбенко.

ГАЛЕРЕЯ авторов ПО

9 772414 242512
TEC-IT.COM
ДООС
Флаг фестиваля ДООС